

ВЕСТНИК «АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРА. НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ»

ВЫПУСК I

О. В. КАРДАШ, Г. П. ВИЗГАЛОВ, А. В. КЕНИГ

МОНҚЫСЬ УРИЙ

—
ГОРОДОК XVI-XVII ВЕКОВ
НА РЕКЕ БОЛЬШОЙ ЮГАН

Территория хозяйственного освоения
ООО «РН – Юганскнефтегаз»

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮГОРСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
SURGUT STATE UNIVERSITY
YUGRA LABORATORY FOR ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»
LLC "SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION "NORTHERN ARCHAEOLOGY-1"

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»
ANO "INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY OF THE NORTH"

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

SURGUT STATE UNIVERSITY
YUGRA LABORATORY FOR ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

LLC "SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION "NORTHERN ARCHAEOLOGY-1"

ANO "INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY OF THE NORTH"

Bulletin «Archeology of the North. New discoveries»

Issue I

Oleg Victorovich KARDASH
Georgy Petrovich VIZGALOV
Alexander Vladimirovich KENIG

MONKYS` URI –
THE TOWN XVI–XVII CENTURIES
OF THE BOLSHOY YUGAN RIVER

(SHORT TO THE RESULTS OF A COMPREHENSIVE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH)

Surgut – Nefteyugansk
2018

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮГОРСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

Вестник «Археология Севера. Новые открытия»

Выпуск I

Олег Викторович КАРДАШ

Георгий Петрович ВИЗГАЛОВ

Александр Владимирович КЕНИГ

МОНҚЫСЬ УРИЙ –
ГОРОДОК XVI–XVII ВЕКОВ
НА РЕКЕ БОЛЬШОЙ ЮГАН

(КРАТКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

УДК 902.2(271.122)
ББК 63.4(253.3)
К 219

Кардаш О. В., Визгалов Г. П., Кениг А. В.

К 219 Монкысь урий – городок XVI–XVII веков на реке Большой Юган (краткие результаты комплексного археологического исследования): Вестник «Археология Севера. Новые открытия». – Вып. I: [Текст] / О. В. Кардаш, Г. П. Визгалов, А. В. Кениг. – Нефтеюганск : Издательство АНО «Институт археологии Севера», 2018. – 158 с. : ил. – Выходные сведения, резюме, огл. парал. рус., англ.

ISBN 978-5-9906385-5-6

Городок Монкысь урий находится в центре таежного Приобья, на реке Большой Юган, и представляет собой остатки исторического населенного пункта XVI – начала XVII века. Его раскопки проводились краеведами и археологами с 80-х годов прошлого века. Наиболее полно памятник был изучен под руководством авторов данной книги в 2011–2013 годах. Материалы полевых работ хранятся в шести городах и пяти музеях России. В результате исследования были воссозданы некоторые реалии истории Сибири рубежа XVI–XVII веков. Установлено, что городок служил резиденцией общинного вождя Тонемы (Тоньи) – потомка князя Бардака, возглавлявшего аборигенное население инородческих волостей Сургутского уезда Тобольского разряда в период административного закрепления региона в составе Московского царства. В 1616–1619 годах Тонема поднял мятеж против воеводской власти и русского населения, занимаясь грабежами торговцев, промышленников и служилых людей. В 1619 году отряд казаков, посланный из города Сургута на подавление мятежа, провел военную операцию, в результате которой крепость была взята штурмом. На сегодняшний день городок Монкысь урий – это единственный практически полностью изученный раскопками археологический памятник Сургутского Приобья последнего этапа освоения Западной Сибири Московским государством, связанный с историей коренного населения реки Большой Юган.

Данный выпуск отражает лишь небольшую часть монографии, изданной авторами в 2015 году и представляющей подробное аналитическое описание проведенных комплексных исследований археологических, антропологических, археозоологических, естественнонаучных, а также документальных и фольклорных источников [Кардаш О. В., Визгалов Г. П. Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования) [Текст] : в 2-х т. / О. В. Кардаш, Г. П. Визгалов. – Екатеринбург : Издательская группа Караван, 2015].

Книга предназначена для историков, археологов, этнологов, как российских, так и зарубежных, преподавателей учебных заведений, работников культуры и средств массовой информации, студентов, учащихся, а также для всех тех, кто интересуется культурным наследием коренных угорских народов Западной Сибири.

УДК 902.2(571.122)
ББК 63.4(253.3)

Серия основана в 2018 году

Рецензенты:

д-р ист. наук *В. А. Лапшин*, д-р ист. наук *А. Н. Кирпичников*,
канд. ист. наук *А. В. Курбатов*, д-р ист. наук *С. В. Белецкий*.

Автор идеи, руководитель научно-исследовательского коллектива канд. ист. наук *О. В. Кардаш*.
Научный редактор: канд. ист. наук *Б. Б. Овчинникова*.

Полевые исследования финансировались
в 1990 году Тюменским краеведческим музеем, в 2011–2013 годах ООО «РН – Юганскнефтегаз».

Издание осуществлено на собственные средства
АНО «Институт археологии Севера» и ООО «НПО “Северная археология-1”».

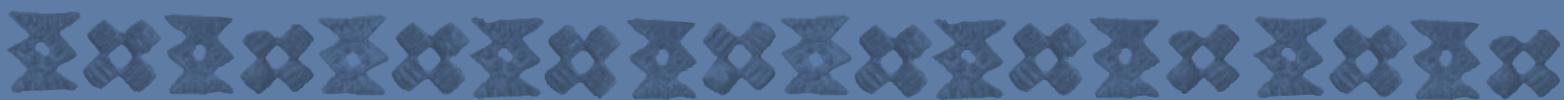
ISBN 978-5-9906385-5-6

© Кардаш О. В., 2018
© Визгалов Г. П., 2018
© Кениг А. В., 2018
© АНО «Институт археологии Севера», 2018
© ООО «НПО “Северная археология-1”», 2018
© ООО «Этноархеоцентр», 2018

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Данное исследование воссоздает реалии прошлого западносибирского региона с максимально возможной на данный момент достоверностью.

1

Благодаря изучению в последние два десятилетия археологических памятников севера Западной Сибири XVI – начала XVIII века, таких как Надымский и Полуийский мысовой городки, принадлежавших аборигенному населению, а также русских городов и уездных центров – Мангазеи, Березова [Визгалов, Пархимович, 2007; 2008; Кардаш, 2013а; 2013б], был накоплен опыт исследования подобных объектов и представлена максимально экстрспективная реконструкция истории на их основе.

Данная работа для нас – это определенный этап изучения эпохи, основанный на опыте издания в прошлом подобных монографических исследований. Именно этот опыт сформировал у нас основной – *мультидисциплинарный* – принцип подхода к исторической проблеме. С его учетом любой археологический объект изучается путем сопоставления и анализа данных разных наук и научных методов, полученных при использовании всех максимально возможных видов источников. Такой подход органичен

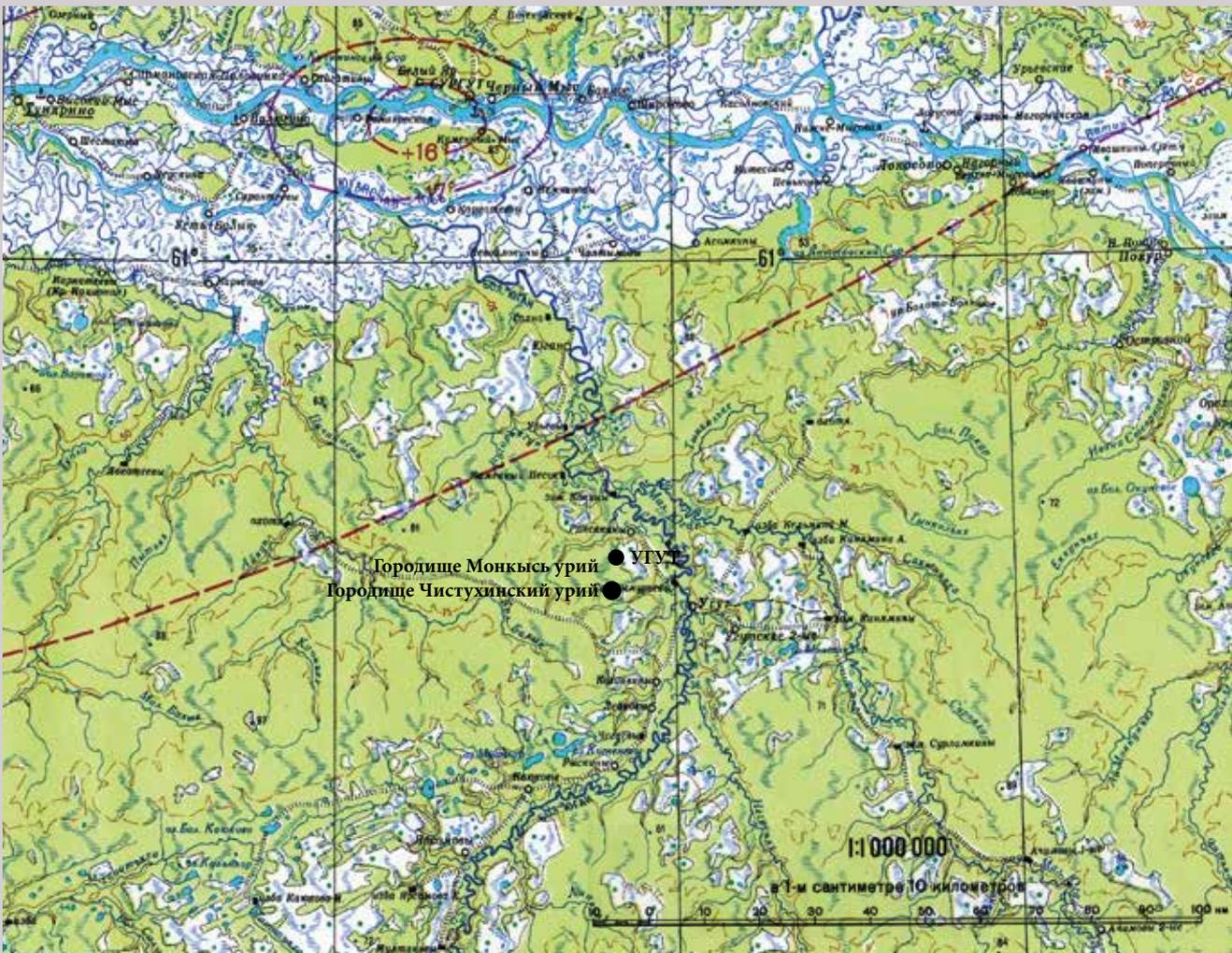
для археологии как синтетической науки, поскольку извлечение и анализ археологических источников невозможен без применения целого комплекса дисциплин и присущих им методов. С самого начала исследования археолог использует картографию, геодезию, геологию, биологию (палеозоологию, почвоведение), физику, инженерное дело, а также этнографию, социологию и многое другое.

Основу нашего исследования, безусловно, составляет археологический анализ источника, который мы попытались «конвертировать» в своего рода исторический. Этот процесс сопровождался сопоставлением и верификацией археологических материалов другими видами источников – фольклорных, документальных, лингвистических, равно как результатами исторического, этнологического, естественнонаучного анализа. Мы не склонны заблуждаться и утверждать, что данный подход идеален и мы достигли беспрецедентного результата. Но в целом

1. Левобережье реки Большой Юган. Территория хозяйственного освоения ООО «РН – Юганскнефтегаз». Наземные объекты обустройства Средне-Угутского месторождения нефти. Зона эксплуатации бывшей разведочной скважины. Вид с юго-запада
2. Городок Монкысь урий. Локализация памятника на карте-схеме России
3. Среднее и нижнее течение реки Большой Юган. Фрагмент географической карты

2

3

1

1. Городок Монкысь урий и исторические населенные пункты XVI–XVII вв. Местоположение на карте Западной Сибири. М 1 : 5 000 000

мы считаем, что проделанная работа значима для изучения и воссоздания региональной западносибирской истории – как части истории Российского государства. Наш труд не бесспорен. Тем не менее надеемся, что по прошествии определенного времени он станет базовым материалом для дальнейшего осмысления, и не только исторического, поскольку является мультидисциплинарным исследованием.

Археологическому изучению и периодизации поселенческих памятников эпохи средневековья або-

ригенного населения севера Западной Сибири, в том числе Средней и Нижней Оби, Нижнего Прииртышья, бассейнов Конды, Надыма и Пура, посвящен целый пласт литературы. В рамках этих исследований – по отдельным периодам и эпохам – представлены общие и индивидуальные характеристики западносибирских средневековых поселений и расположенных на них объектов: оборонительных сооружений, жилых, хозяйственных и производственных построек, а также найденных здесь разнообразных материалов и остатков [Ивасько, Кардаш, Суровень, 2000. С. 33–70; Визгалов, Мызников, 2003; Кардаш, 2003; 2009; 2011; 2013а; 2013б; 2013в; Кардаш, Визгалов, 2015].

2

Одно из последних, а главное – комплексно исследованных средневековых поселений Среднего Приобья – городище Частухинский урий, оно же – руинированный городок *Монкысь урий* (*Мункысь-урий*), который является объектом нашего анализа. *Монкысь урий* – историческое название небольшого средневекового городка в бассейне реки Большой Юган, существовавшего в середине II тысячелетия нашей эры. При этом наиболее яркие события в истории данного укрепления, значимые для коренных жителей региона как в прошлом, так и настоящем, относятся к началу XVII столетия.

Городок *Монкысь урий* находится в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в 90 км к юго-юго-востоку от г. Сургута, 100 км к юго-востоку от г. Нефтеюганска, 72 км к востоку-юго-востоку от станции Пыть-Ях железной дороги Тюмень – Сургут и 4 км к юго-западу от поселка Угута. В природно-географическом отношении – это центральная часть Западно-Сибирской равнины, южная часть Среднеобской низменности, среднее течение реки Большой Юган, левого притока Оби, подзона средней тайги. Его географические

2. Городок Монкысь урий. Раскопки южной части оборонительно-жилого комплекса в 2012 г. Вид с юга

координаты: 60° 28' 23.6" северной широты и 74° 00' 10.4" восточной долготы.

Ранее сведения об этом археологическом объекте и его полевых исследованиях уже вводились в научный оборот, но в этих работах памятник фигурировал под иными названиями – «городище Частухинский Урий», «Чистухинский урий» или «Частухинский Урей»¹ [Семенова, 2005]. В. И. Семенова приступила к изучению данного памятника после непрофессиональных (и незаконных) раскопок краеведа из поселка Угут П. С. Бахлыкова, при этом имея несовершенный – в современном понимании – набор технических средств и явно недостаточно финансируемую музейную экспедицию. Кроме того, Валентина Ивановна выбрала памятник той эпохи, каковые до нее стационарно никто не исследовал

¹ Объект культурного наследия «городище Частухинский Урей» внесен в Государственный список недвижимых памятников истории и культуры ХМАО – Югры согласно Постановлению Губернатора ХМАО № 89 от 04.03.97 г. с изменением от 17.06.97 г. за № 754.

в Сургутском Приобье. В этой связи нельзя не отметить – как положительный фактор – ее комплексный подход к изучению данного археологического объекта. В числе первых ученых В. И. Семенова применила данный метод к исследованию средневекового исторического городка. Более того, детально проанализировав результаты полевых работ, она включила их в контекст своей основной научной тематики.

В целом же мы считаем работы В. И. Семеновой не просто предварительными рекогносцировочными изысканиями городка *Монкысь урий*, но

Главная цель данной работы – изложение целостной характеристики данного археолого-исторического памятника, представляющего собой не только объект культурного наследия коренного населения таежного Приобья, но также и других – пришлых – народов, ныне населяющих западносибирский регион. Именно это обстоятельство определяет неординарность городка *Монкысь урий*. В его культурных слоях отложились материальные свидетельства известных исторических событий начала XVII века – периода формирования в регионе институтов власти Московского государства.

важным опорным этапом в системе комплексного исследования этого археологического объекта, и не только его.

Несмотря на позднюю монографическую публикацию результатов полевых работ на этом городище, чему предшествовала серия статей об этом памятнике, В. И. Семенова наметила своего рода научный ориентир, позволивший, в том числе и нам, продвинуться значительно дальше в исследованиях позднесредневековых археологических памятников севера Западной Сибири. Мы намеренно не стали подключать В. И. Семенову к нашему исследованию. Прежде всего, для исключения «фона» эпохи предшествующих исследований. Мы полагаем и надеемся, что наше совместное творчество станет следующим этапом работ, а именно: введения результатов комплексных исследований городка *Монкысь урий* в региональный общественный культурный оборот. В рамках этого будущего проекта все исследователи будут востребованы на новом уровне – в плане осмысления и передачи результатов научного труда, о чем мы расскажем позже.

Сейчас остановимся на том, почему же спустя 20 лет после первых стационарных раскопок (1990 год) городка *Монкысь урий* мы вернулись к его изучению, анализу и публикации результатов новых исследований (2011–2013 годы). Подробнее причины этого будут рассмотрены в следующей главе, после изложения природно-географической характеристики и истории археологического изучения бассейна Большого Югана, а также самого городка. Здесь же нам хотелось отметить, что сейчас этот памятник находится на территории хозяйственного освоения ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз» нефтяной компании «Роснефть», точнее – в зоне нефтяной провинции, именуемой «Группа Угутских месторождений нефти». Городок расположен в самом ее центре, на территории Средне-Угутского месторождения, залежи которого активно разрабатываются по сей день. Проведение последних охранных раскопок городища во многом связано с хозяйственной деятельностью этой компании и реализуется благодаря пониманию и поддержке ООО «РН – Юганскнефтегаз», структурных подразделений, курирующих строительство, в частности руководителей и сотрудников Управления наземных сооружений.

Тем не менее не все решают инвесторы. Успех любого проекта, в особенности научного, зависит от каждого участника. Мы прекрасно представляем, как было сложно и трудно проводить раскопки в 1990 году отряду В. И. Семеновой. Даже сейчас, спустя 20 лет, при более развитой инфраструктуре, выполнять стационарные археологические исследования в западносибирской тайге все так же непросто.

Благодарим всех участников полевых исследований, труду и быту которых посвящен небольшой фотораздел в книге. Особо отметим, что изучение городка *Монкысь урий* – это труд большого числа представителей разных специальностей и наук. Только участие научных работников – профессионалов широкого спектра – в конечном итоге обеспечивает высокое качество исследований, соответствующее современным техническому и научному уровням.

Вне зависимости от развитости инфраструктуры нефтедобычи, левобережье сургутского течения Оби до сих пор остается довольно глухим местом со своей природно-климатической спецификой.

Мы благодарим всех непосредственных участников полевых исследований, производственников и археологов, помогавших организовывать раскопки, руководить ходом работ и подготавливать научные отчеты, а также людей, выполнявших массу технических и вспомогательных операций, результаты которых – в том или ином виде – представлены в нашей монографии.

1

1. Среднее течение реки Большой Юган. Правобережье. Поселок Узут в устье речки Узутки. Вид с юго-запада

3

2. Карта Тобольской губернии. Составлена А. А. Дуниним-Горкавичем в 1903 г. Издана при материальной поддержке Императорского Русского географического общества, Министерства земледелия и Государственных имуществ в Санкт-Петербурге

3. Бассейн реки Большой Юган. Фрагмент карты Тобольской губернии, составленной А. А. Дуниним-Горкавичем (1903 г.)

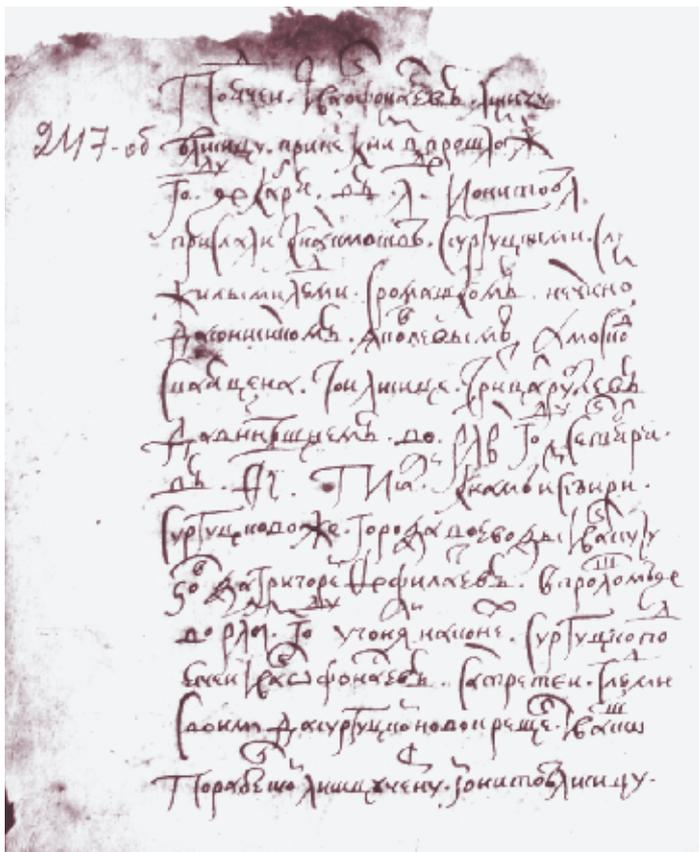
2

1

2

В итоге особо отметим, что исследованные нами руины средневекового хантыйского городка – это один из наиболее значимых в регионе объектов культурного наследия, который связан не только с историей аборигенного или пришлого населения. Это памятник истории коренных сибирских народов и пришельцев из Восточной Европы, судьбы которых переплелись в трагических событиях. Даже после завершения широкомасштабных раскопок на памятнике следует охранять этот участок территории и использовать его в общественном культурном обороте. Мы считаем, что городок Монкысь урий в современном социокультурном пространстве должен занять достойное место, соответствующее его историческому значению.

1. Среднее течение реки Большой Юган. Старичное озеро. Вид с юга

2. Царская грамота о награждении сургутского подъячего И. Афанасьева за разгром отряда Кинемы и Суеты Бардаковых в 1619 г. 1624 г., марта 7. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 247

ГЛАВА 1 / CHAPTER 1

ПРИРОДНАЯ СРЕДА И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РЕКИ БОЛЬШОЙ ЮГАН

/ THE ENVIRONMENT AND ARCHAEOLOGICAL STUDY OF BOLSHOY YUGAN RIVER

Первую главу монографии открывает «природное начало», то есть описание общих географических условий исследуемого района – бассейна реки Большой Юган. Продолжением природно-географического очерка станет история археологического изучения среднего течения этой реки. Этим самым мы представим некую «природно-археологическую среду», в системе которой находится объект нашего исследования.

1

1. Городок Монкысь урий. Участок левого берега реки Большой Юган. Место расположения памятника. Фото. Вид с юго-востока

При изучении того или иного археологического объекта, расположенного на данной территории, мы обращаем особое внимание на природную среду, в которой могли существовать люди. В данном исследовании мы также не считаем возможным рассматривать человека прошлого в отрыве от географической среды его обитания и от обусловленных ею особенностей жизнедеятельности.

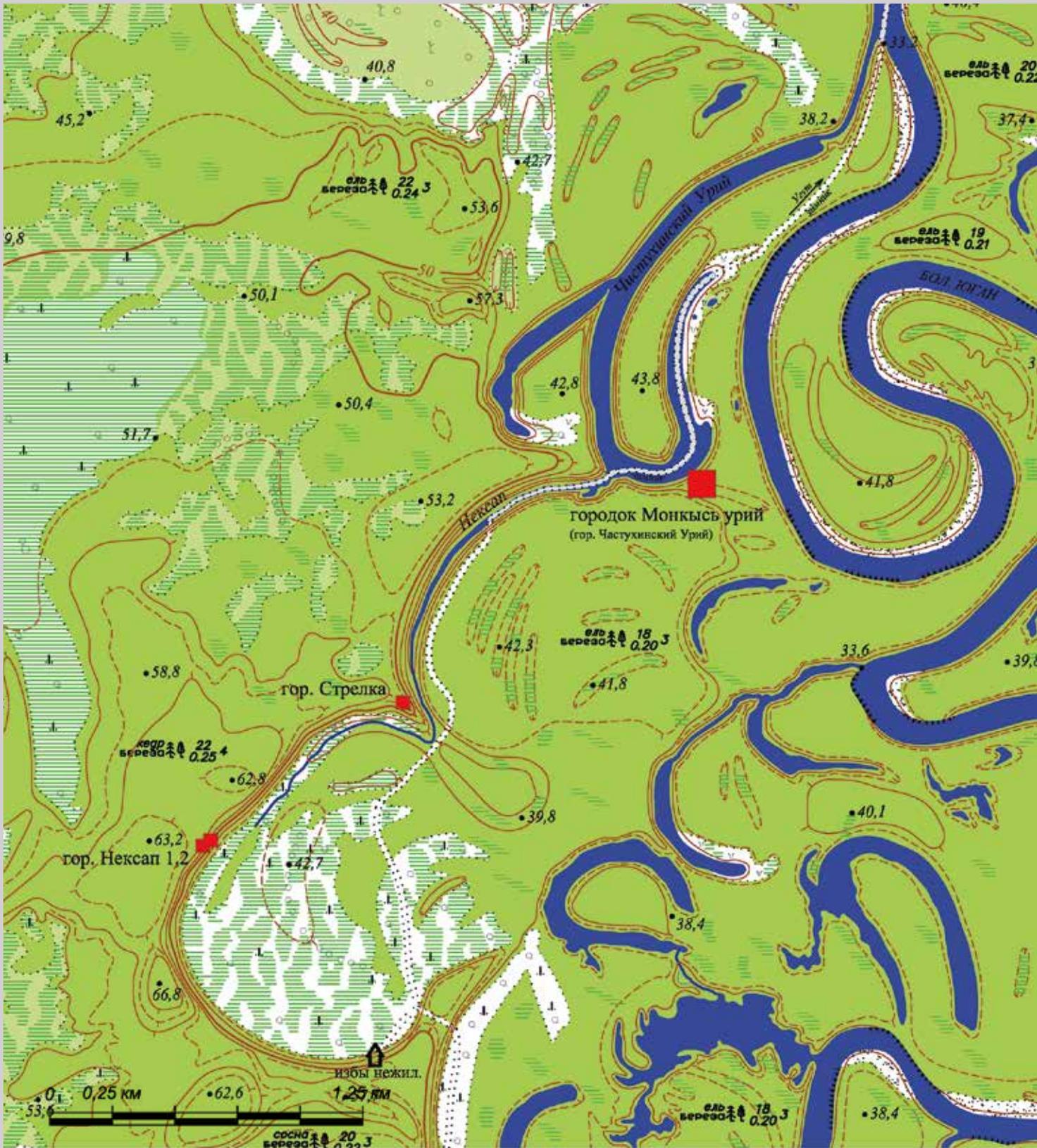
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ БАССЕЙНА БОЛЬШОГО ЮГАНА

Территория, на которой находился городок Монкысь урий, расположена в центральной части Западно-Сибирской равнины и южной части Среднеобской низменности, на левобережье Оби. Памятник занимает останец в пойме левого коренного берега реки Большой Юган и участка его бывшего русла – старичного озера Чистухинский урий.

Ландшафтно-географические и природно-климатические условия данной территории характерны для таежной зоны Западной Сибири и, как минимум, близки лесным пространствам Уральских гор. Причем как восточному, так и западному уральскому пенеplену, а также таежным пространствам северо-востока Европы, расположенным севернее 55-й параллели.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕКИ БОЛЬШОЙ ЮГАН

Археологические исследования среднего течения реки Большой Юган и ее притоков, эпизодически происходившие с конца XIX века и получившие планомерный характер в 1980-х годах, наиболее активно проводились с начала XXI века [Например, А. А. Дунин-Горкавич, 1904; 1910; 1995а; 1995б; 1995в; Семенова, 2001. С. 5; Семенова, 1997; 2000; 2001; 2002а; 2005; Стефанова, Борзунов, 2002. С. 36, 40; Кардаш, А–2008а; А–2008б; А–2008в]. Главной

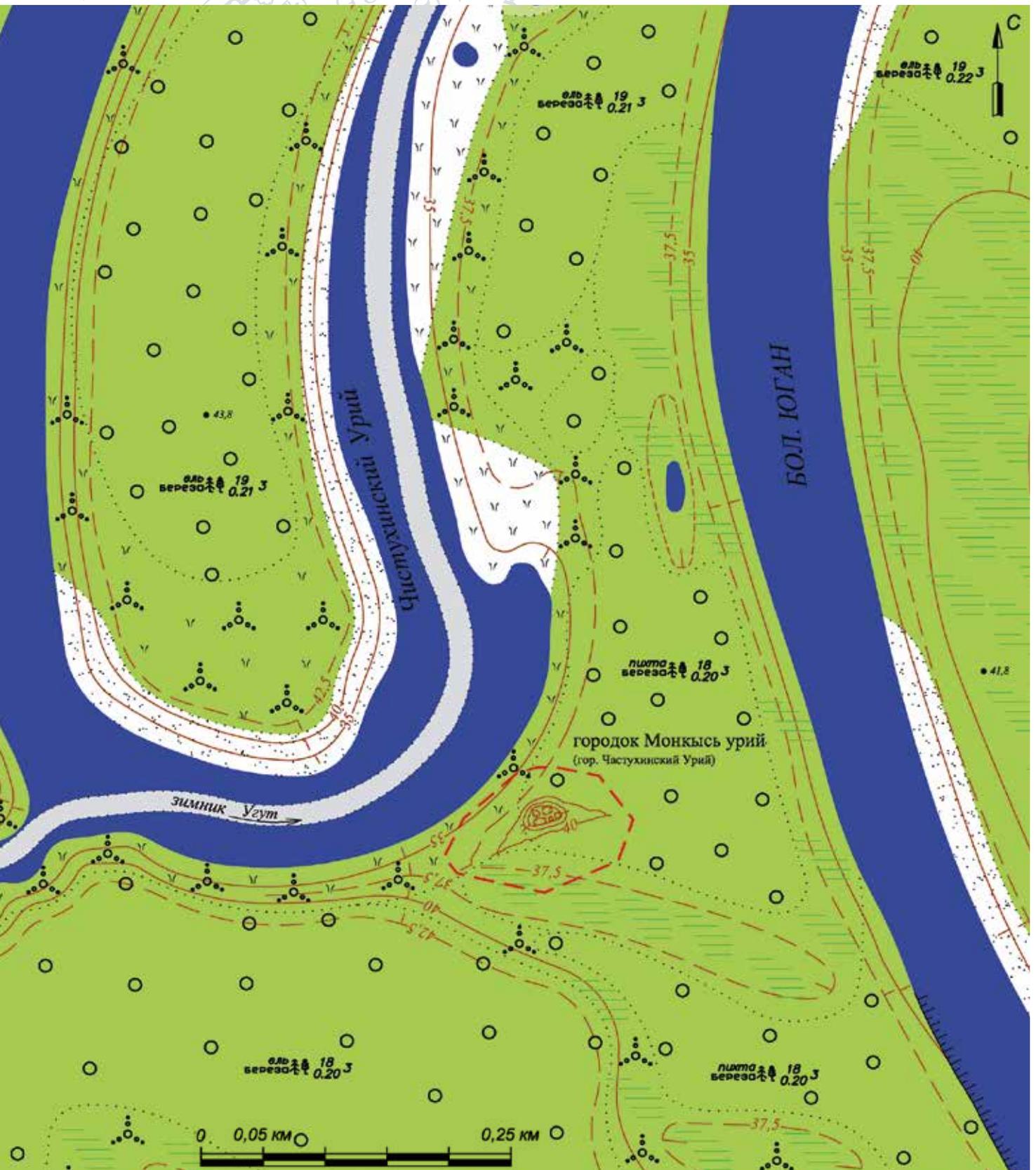

2

2. Городок Монкысь урий. Участок левого берега реки Большой Юган. Ситуационный план. М 1 : 25 000

	городок Монкысь урий (гор. Частухинский Урий)	XV–XVII вв.
	гор. Некса 1, 2	VI–VII вв.
	гор. Стрелка	VIII–XII вв.

МОНКЫСЬ УРИЙ – ГОРОДОК XVI-XVII ВЕКОВ на реке Большой Юган

1

1. Городок Монкысь урий. Участок левого берега реки Большой Юган и берега старичного озера Чистухинский урий. Ситуационный план. М 1 : 5 000

очертания сооружений

граница ОКН

Общий хронологический диапазон объектов культурного наследия в окрестностях поселка Угут обширен: от конца каменного века – неолита (VI–IV тысячелетия до нашей эры) до Нового времени – начала Российской империи (XVIII век) и так называемой этнографической современности.

Эти данные отражают достаточно высокую плотность населения в среднем течении реки Большой Юган, особенно в эпоху Средневековья и Нового времени. Одной из причин последнего была относительно привлекательная и комфортная природно-климатическая обстановка края.

причиной последнего стало интенсивное хозяйственное освоение нефтяной провинции среднего течения реки Обь, которое позволило выявить археологам на данной территории – в окрестностях поселка Угут, в радиусе не более 20 км – три больших комплекса объектов культурного наследия: «Угутский», «Кинямины», «Когончины». Каждый из них состоит из около сотни памятников археологии. При этом практически любой археологический объект включает от одного до нескольких десятков сооружений – остатков жилых, хозяйственных и производственных построек либо могил.

Пространственное распределение и топографическая привязка объектов культурного наследия. Вполне очевидно, что фиксируемые нами микрорайоны («кусты») археологических объектов отмечают территории, наиболее оптимальные и эффективные в плане промысловой деятельности древнего и средневекового населения края. Кроме того, несмотря на некоторые культурные различия обитателей юганской тайги, наличие компактно расположенных комплексов поселенческих объектов предполагает определенную преемственность в развитии местных обществ. Каждый комплекс объектов культурного наследия включает памятники практически всех хронологических периодов. При этом наиболее многочисленны здесь, как уже было отмечено, поселения последних полутора – двух тысячелетий. Это создает некое впечатление относительно непрерывного проживания одного и того же коллектива – общины – на данном временном отрезке.

Отличительные особенности района. Хорошо дренированные, поросшие сосновым бором песчаные гривы и участки береговых террас Западно-Сибирской тайги наиболее удобны и комфортны для проживания и хозяйственно-трудовой деятельности. В частности, в песке намного легче выкопать котлован жилища, хозяйственную яму или охотничью яму-ловушку, чем в суглинке. Это занимает гораздо меньше времени и трудозатрат. Кроме того, прилегающие к руслу реки пойменные участки имеют смешанную растительность с преобладанием деревьев темно-

хвойных пород, таких как кедр и ель, что формирует некий стык локальных ландшафтных зон.

Тем не менее одни лишь ландшафтные условия были бы недостаточно значимой причиной для широкого расселения человека в древности на Севере Евразии, если бы не обеспеченность ряда его территорий, включая таежное Приобье, богатыми природными, в первую очередь пищевыми ресурсами. Совершенно очевидно, что наличие здесь, в том числе на Большом Югане, большого количества археологических памятников и поздних историко-архитектурных комплексов, которые представлены преимущественно поселениями, маркирует обеспеченность региона пищевыми ресурсами. Причем широкий хронологический диапазон обозначает некую стабильность данного положения на длительном временном промежутке. Это идеальная территория обитания в древности, средневековье и отчасти в наше время южной популяции дикого северного оленя таежного подвида. Кроме того, водоемы бассейна Большого Югана изобиловали рыбой, а леса – дикоросами, составляющими пищевую основу как для животных, так и для человека.

НАЗВАНИЕ ПАМЯТНИКА И ГОРОДКА

В своей монографии В. И. Семенова детально изучила топонимы, в особенности гидронимы, связанные с местом нахождения городища. Ученым было установлено историческое имя урочища – Мункысь урий – и указано, что именно его предполагается использовать при описании городка. Тем не менее археологическому памятнику и книге о нем было присвоено иное наименование: «Поселение и могильник Частухинский урий». Причем на современных картах интересующая нас старица реки Большой Юган была картографирована с гидронимом «Чистухинский урий». Название, приведенное В. И. Семеновой, по-видимому, воспроизведено со слов жителей поселка Угут. Оно происходит от фамилии их земляка, который долгое время ловил рыбу в этой старице

и на бытовом уровне закрепил это место как свое промышленное угодье.

Предлагаем рассмотреть вопрос о названии городка, используя материалы монографии [Кардаш, Визгалов, 2015].

Первая версия перевода названия основана на сказании «Об упавшем Мэнк-ыки», вкратце записанном ею со слов местных хантов. Суть этого рассказа такова. Близ места, где находится городище, был пойман и побит людьми за злые проделки великан Мэнк-ыки. «Убегая, он запнулся и упал здесь поперек реки. Голова его осталась в виде холма на левом берегу, а на правом появились бугорки и кустарник, повторив очертания вытянутых ног». На основании этого предания и того, что в одном из текстов легенд про Тонью говорится о сражении, произошедшем на месте, «где голова Мэнк-ыки обросла мохом», В. И. Семенова предложила новый вариант происхождения названия старицы от слова мэнк. В качестве

дополнительного аргумента она указывает традицию использования топонимов, связанных с преданиями о менквах – лесных духах-великанах (они же – первые люди, неудачно созданные верховным богом Нуми-торумом из стволов лиственниц и убежавшие в лес. Вместе с тем Валентина Ивановна отмечает малую вероятность данной версии, поскольку лингвисты отрицают возможность превращения «мэнк-ыки» в «мункысь» (в том числе – и в другие огласовки).

Вторая версия основана на сходстве названия старицы и городка с другим словом – *мункес*. Отталкиваясь от данных сведений, можно предложить вторую версию, учитывающую особенности расположения памятника на крутой петле Югана. Возможно, в названии «Мункысь» кроется скрытый намек на «круг», «кружной» (*хант.* «мэвэл»), и таким образом, старица, где находился городок, могла носить название «Полукруглых чулок».

Третья версия, предложенная В. И. Семеновой и, по-видимому, представляющая для нее наиболее правильной, заключается в том, что название старицы является реликтовым.

Четвертая версия. На наш взгляд, В. И. Семенова рассмотрела не все возможные варианты перевода интересующего нас топонима с хантыйского языка. В настоящее время мы зафиксировали историческое название старицы в разных огласовках: *Мункысь урий* и *Монкысь урий*. Чтобы представить и обосновать свою версию, мы вернулись к фиксации в фольклоре известных названий старицы в хронологическом порядке.

Первые сведения о наименовании старицы, у которой был построен городок легендарного вождя, относятся к началу

XX века. «Остяцкий князь Танга, по сообщению юганских остяков, жил в 7 верстах от нынешних юрт Уготских, при урье Монкол, на возвышенной (до 5 сажень) сопке, расположенной выше устья этого урья на 1 версту». Таким образом, «Монкол урий» – наиболее раннее известное нам название старицы. Такого словосочетания нет в словарях хантыйских диалектов, что позволяет нам – для попытки перевода – расчленить его на составляющие: *тон* и *кол* – перевести их можно, но перевод весьма вариативен, что подробно описывается в нашей работе [Кардаш, Визгалов, 2015].

Наиболее часто употреблявшееся в последних версиях сказаний название – «Мункысь урий», где второй корень звучит как «кысь». Удалось найти наиболее близкое по звучанию и смыслу слово *kis* – *сказочный, старинный*. Данное слово позволяет предложить вариант перевода – «Сказочный холм» или «Былинный холм». Вполне вероятно, что сами сказители могли варьировать названия городка и изменять их на близкие по звучанию и смыслу.

В итоге мы выбрали свой вариант названия, наиболее близкий изначально записанному, а также современному звучанию, воспроизводимому информаторами: «Монкысь урий». Это название – только один из вероятных вариантов. Возможно, впоследствии удастся найти более правильный термин и его перевод, но сейчас, на наш взгляд, определение «Монкысь урий» наиболее близко к историческому топониму.

В. И. Семенова привела в своей книге три версии названия старицы, зафиксированные в фольклорных источниках – Монкол урий, Мункул уры, Мукут урий, а также нашла еще один вариант – Мункысь урий, который относится к названию городка. В результате исследований мы выбрали свой вариант названия, наиболее близкий изначально записанному, а также современному звучанию: «Монкысь урий», что можно перевести как «Сказочный холм» или «Былинный холм».

Тем не менее имеется еще одно наблюдение, в какой-то степени подтверждающее воспроизведенную нами форму названия. В латинском языке имеется слово *tops* – гора. Подобный же корень лежит в основе французского термина *mont*, английского *mount* и ряда других европейских языков, составляющих индоевропейскую языковую семью. Все они также означают слова *гора*, *холм*. Если наша догадка верна, то слово *мон* в названии городка в какой-то степени маркирует близость термина в целом к индоевропейской языковой семье. Вторую часть слова или его окончание нам так и не удалось достоверно определить. Это наблюдение – лишь повод в перспективе, на следующей стадии анализа материалов исследований, задуматься над формированием и бытованием языка как жителей городка, так и их потомков – современного населения реки Большой Юган.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ (ГОРОДИЩА ЧАСТУХИНСКИЙ УРИЙ)

Раскопки городка *Монкысь урий* велись периодически на протяжении последних 35 лет, и каждый этап становился информационной базой для следующего. Нами выделено три этапа исследования памятника.

Первый этап следует охарактеризовать как краеведческий с выборочными раскопками. Городок *Монкысь урий* был обнаружен в начале 1980-х годов П. С. Бахлыковым, жителем поселка Угут, краеведом и основателем местного музея. Им были произведены первые любительские раскопки данного памятника.

По данным В. И. Семеновой, раскопки городища Частухинский Урий велись Петром Семеновичем на протяжении нескольких лет. На вершине холма, в центральной части памятника, в двух впадинах – остатках средневековых жилищ – им были заложены шурфы, в каждом из которых были обнаружены коллективные захоронения с богатым инвентарем (более 650 серебряных монет, серебряные украшения, предметы быта). Кроме того, в течение ряда лет городище незаконно раскапывалось школьниками под руководством учителей Угутской школы-интерната. Коллекция артефактов, собранная П. С. Бахлыковым и его последователями, стала основой археологических фондов созданного им Угутского краеведческого музея. Общая численность находок из двух погребений составила порядка 740 предметов, большинство из которых (около 670 штук) – это серебряные монеты Ивана IV. Первые находки с памятника появились в общественном культурном обороте и попали в поле зрения представителей профессионального сообщества.

В дневнике П. С. Бахлыкова имеется такая запись за 1984 год, касающаяся раскопок городища Частухин-

В. И. Сееновой было составлено описание памятника с характеристикой микрорельефа оборонительно-жилового комплекса до начала раскопок. Именно на основе этих сведений, а также графических материалов, нами была выполнена графическая реконструкция рельефа руин городка.

ский Урий: «Занимаюсь археологией. Мне повезло: откопал несколько сот монет «чешуек» времен Ивана III и IV. И вот большая удача: обнаружил в раскопе чашу. Похоже, иранская, ручнойковки, серебро с позолотой. К сожалению, чаша частично попорчена, позолота чуть просматривается. Как она к нам попала? Полагаю, через ордынцев, то есть где-то в XV–XVI веках досталась местному князьку в обмен на меха».

На втором этапе были проведены первые целенаправленные научные стационарные археологические исследования в центральной части памятника. Эти работы официально были выполнены в 1990 году экспедицией Тюменского областного краеведческого музея (ТюмОКМ) под руководством В. И. Семеновой. Между тем сроки полевых изысканий в действительности могли быть иными. По результатам анализа материалов раскопок в 2005 году В. И. Семеновой выпущена монография «Поселение и могильник Частухинский урий».

По результатам исследований автор раскопок выделила три этапа существования поселения и два «ритуальных» периода, включавших погребальный комплекс из четырех захоронений и святилище.

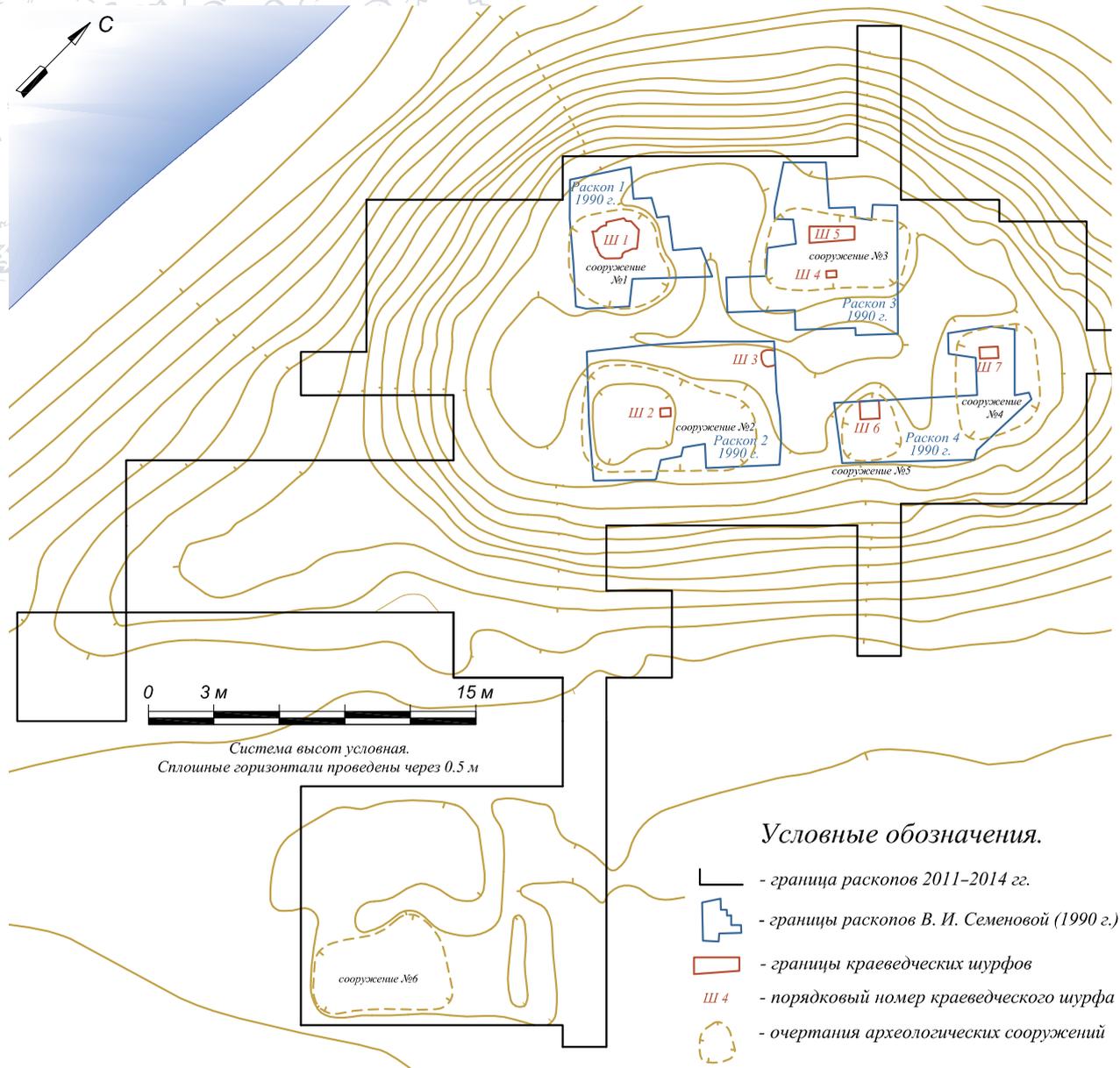
К *первому поселенческому этапу (периоду)* она отнесла разрушенный котлован 2, семь ям и одно детское погребение.

Ко *второму поселенческому этапу* причислены три котлована и четыре ямы.

При этом первые два этапа были датированы серединой I – началом II тысячелетия нашей эры.

С *третьим поселенческим этапом* связаны четыре жилища, столько же ям и оборонительные сооружения, а также захоронение двух женщин. Хронологические рамки его определены в пределах конца XVI – начала XVII века. Следы огня, находки пуль и ядер, выявленные в культурном слое, по мнению В. И. Семеновой, являются свидетельством осады городка казаками, отправившимися из Сургута на Юган для сбора ясака.

Первый ритуальный этап состоял из захоронения двух женщин (погребение № 2, в интерпретации В. И. Семеновой), обнаруженного в жилищной впадине № 2. По оценке автора раскопок, оно появилось сразу после сожжения городка. Спустя короткое

1. Городок Монкысь урий (городище Частухинский урий).
Краведческие шурфы и раскопы 1–4 (1990 г.)
В. И. Семенов в сетке раскопов 2011–2013 гг.

время (1–2 года или несколько лет), на верхней площадке городища были совершены два коллективных погребения. В том числе: погребение № 1 состояло из 9 умерших, а погребение № 3 – из 5 человек. Этот этап был датирован началом XVII века. Последние захоронения В. И. Семенова интерпретировала как «княжеские». Помимо этого, был зафиксирован ритуальный комплекс, представлявший собой группу костяных и железных наконечников стрел, воткнутых по периметру погребения № 1.

Собранная коллекция предметов насчитывала около 1000 единиц. Археозоологическая составила порядка 450 единиц. Точное число костных остан-

ков людей неизвестно. Можно только говорить об обнаружении костей порядка 17 индивидуумов разной степени сохранности.

Подводя итог исследованиям второго этапа, отметим несколько факторов, ставших причиной продолжения исследований памятника. Совершенно очевидно, что за границами раскопов 1990 года остались периферийные участки памятника. Остатки сооружений оборонительной системы также не попали в пределы вскрытых участков. Значительная часть верхней площадки, где, собственно, располагался комплекс жилых построек, была исследована не полностью. Более того, ни одно жилое строение, отмеченное на поверхности впадиной, не было вскрыто целиком. Руины всех построек попали в раскопы лишь частично. Таким образом, о полном исследовании городища говорить было явно преждевременно.

Третий этап. Итак, в 2007 году, спустя почти десять лет после начала работ, экспедиции ООО «НПО «Северная археология-1» в зоне Угутских месторождений нефти представилась возможность обосновать недропользователю – ООО «РН – Юганскнефтегаз» – необходимость проведения раскопок городка *Монкысь урий*. Городище находилось в центре Средне-Угутского месторождения нефти. В связи с угрозой разрушения интересующего нас археологического памятника его раскопки были включены в программу «Охранных мероприятий в отношении объектов культурного наследия, расположенных на месторождениях ОАО «НК «Роснефть»», утвержденную на 2008–2015 годы генеральным директором ООО «РН – Юганскнефтегаз» (г. Нефтеюганск) и Инспекцией по охране и использованию историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (г. Ханты-Мансийск).

Исследования городка *Монкысь урий*, проведенные в 2011–2013 годах, стали третьим этапом его изучения и были выполнены экспедицией ООО «НПО «Северная археология-1»». Все три полевых сезона раскопки велись разными сотрудниками под общим научным руководством О. В. Кардаша. Это было вызвано большим научным значением и интересом руководителей организаций, научные интересы которых совпадали с периодом функционирования городка.

Основные итоги последних и камеральных работ. В результате исследований 2011–2013 годов было выявлено, что городок *Монкысь урий* имел два этапа застройки, функционирование которых не выходит за рамки XV – начала XVII века. Мнение В. И. Семеновой о двух первых этапах функционирования поселения с середины I до начала II тысячелетия представляется весьма сомнительным.

При широкомасштабных для данного памятника раскопках было обнаружено несколько фрагментов керамических сосудов, относящихся к двум периодам до основания позднесредневекового городка. Все остальные керамические сосуды связаны с периодом функционирования городка *Монкысь урий*. По материалам наших раскопок достоверно выделяется котлован как минимум одного жилища неукрепленного поселения рубежа XVI–XVII веков, предшествовавшего оборонительно-жилому комплексу городка. По косвенным данным мы реконструируем еще два жилища этого периода. Эти сооружения были частично уничтожены и перекрыты строениями оборонительно-жилого комплекса. В любом случае период функционирования этих построек вряд ли выходит за рамки XV–XVI веков. Эта группа строений непосредственно предшествовала городку и представляла собой населенный пункт, который можно именовать – юрты *Монкысь*

урий. Это поселение было первым этапом заселения данного места и заложило некую архитектурно-планировочную основу для дальнейшего развития населенного пункта. Жилая зона комплекса состояла из пяти строений второго этапа – именно этот населенный пункт впоследствии получил название городок *Монкысь урий*, который существовал в конце XVI – начале XVII века.

Особая локализация и изолированность городка *Монкысь урий*, топография его расположения и ландшафтно-топографические условия создают впечатление неординарности данного укрепления и его некой отчужденности от соседних «рядовых» поселений.

После осады и сожжения городка в конце осени – начале зимы 1619/1620 годов на его верхней площадке появилось кладбище, а вскоре – следы поминального культа. Некрополь и остатки заупокойных тризн, которые можно рассматривать как единый ритуальный комплекс XVII века, включали несколько коллективных захоронений, а также отдельные незахороненные останки и элементы поминальной обрядности, связанные с почитанием умерших. Отметим, что, на наш взгляд, захоронение было совершено практически сразу же после штурма и сожжения городка. При этом не все убитые при осаде и штурме люди были преднамеренно погребены. Часть из них была просто завалена конструкциями разрушенного оборонительно-жилого комплекса и не позднее 1620 года. Вместе с тем поминальные обряды в отношении специально захороненных жителей городка и случайно заваленных под его сгоревшими конструкциями совершались некоторое время спустя, но немногим позднее середины XVII века. Никаких свидетельств более поздних обрядовых действий, проводившихся на территории городка, нами не выявлено. Таким образом, был исследован **поселенческий комплекс**, функционировавший поэтапно в XV – начале XVII века (до 1619/1620 годов), а также **ритуальный комплекс**, включавший коллективные погребения и поминальные приношения, датируемый с 1619/1620 годов до середины XVII века. Следы посещения останца или временного проживания на нем аборигенов края в более раннее время можно считать находки керамики конца эпохи бронзы и раннего средневековья. Общая вскрытая площадь на памятнике, включая пространство раскопов 1990 года, составила 900 кв. м. Собранный нами коллекция артефактов насчитывает не менее 1780 предметов. Археозоологическая коллекция составляет до 1450 единиц, а антропологическая – около 50 единиц.

На сегодняшний день – в научно-теоретическом плане – изменился не только объем источниковой базы изучения городища, но и его историко-археологический контекст. В первую очередь, в результате стационарных работ, проведенных на памятниках средневековья Сургутского и Нижнего Приобья, а также в процессе анализа их материалов в специальных изданиях, в том числе монографических. Это позволяет по-иному взглянуть на результаты как прежних, так и современных исследований интересующего нас городка. Дело в том, что городок *Монкысь урий* (городище Частухинский урий), несмотря на территориальную близость к другим объектам, открытым в окрестностях поселка Угут, не относится непосредственно ни к одному из вышеописанных комплексов археологических памятников.

– Во-первых, городище занимает промежуточное положение между группами объектов культурного наследия «Когончины» и «Угутские».

Кроме того, можно назвать еще две особенности в локализации городка *Монкысь урий*.

– Если в «Угутском» микрорайоне присутствуют отдельные археологические поселения периода вхождения региона в состав Московского царства, то в группе ОКН «Когончины» имеется только одно городище и примыкающее к нему селище (Когончинские 45 и 45с), функционировавшие в XIV–XVII веках, то есть одновременно с городком *Монкысь урий*.

– Другая особенность: специфические ландшафтно-топографические условия *Монкысь урия*, а именно: размещение данного укрепления в естественно защищенном месте – на высоком останце в смешанном лесу с преобладанием деревьев хвойных пород (кедр, ель), иными словами – в темнохвойном урмане, в окружении заболоченной поймы реки Большой Юган. В то время как практически все известные поселения, входящие в комплексы «Когончины» или «Угутский», за исключением нескольких самых древних стоянок, занимают песчаные коренные береговые террасы, покрытые сосновым лесом. Это не менее полутора тысяч жилых, хозяйственных и производственных объектов. Такая ситуация вряд ли случайна.

В заключение приведем факторы, определяющие особую историческую и научную значимость городка *Монкысь урий*. Сейчас это единственный практически полностью изученный поселенческий археологический объект периода освоения севера Западной Сибири Московским государством. Это подлинный исторический городок, о событиях, связанных с которым, имеются не только фольклорные, но и документальные источники. Причем мы имеем практически максимально полный набор не только исторических, но и археологических данных, проанализировать которые можем, используя естественнонаучные методы. Кроме того, это – единственный археологический памятник в таежном Приобье и второй – на севере Западной Сибири, после Надымского городка, на котором имеются антропологические останки жителей городка. Иными словами, в данном случае имеется возможность напрямую связать конкретный населенный пункт, его архитектуру и материальную культуру с конкретными антропологическими характеристиками его населения. Третий этап изучения *Монкысь урия* позволил зафиксировать археологические данные на новом научно-техническом уровне, и у нас появился материал, который можно проанализировать и представить на этом высоком уровне для более широкой аудитории. Наконец, самое важное: это степень археологической изученности территории памятника. Ее можно оценить приблизительно в 70–80 %, при учете практически полного вскрытия площади оборонительно-жилого комплекса.

Таким образом, мы имеем максимум видов и категорий самых разнообразных источников, позволяющих сделать предельно обоснованные, объективные и аргументированные выводы относительно материальной культуры населения городка *Монкысь урий*, его жителей и исторических событий, связанных с ним.

В связи с этим одной из главных задач предлагаемой читателям работы является попытка осмысления реалий и событий прошлого на основе анализа фактического материала, публикации этих источников и представления собственной оценки.

1

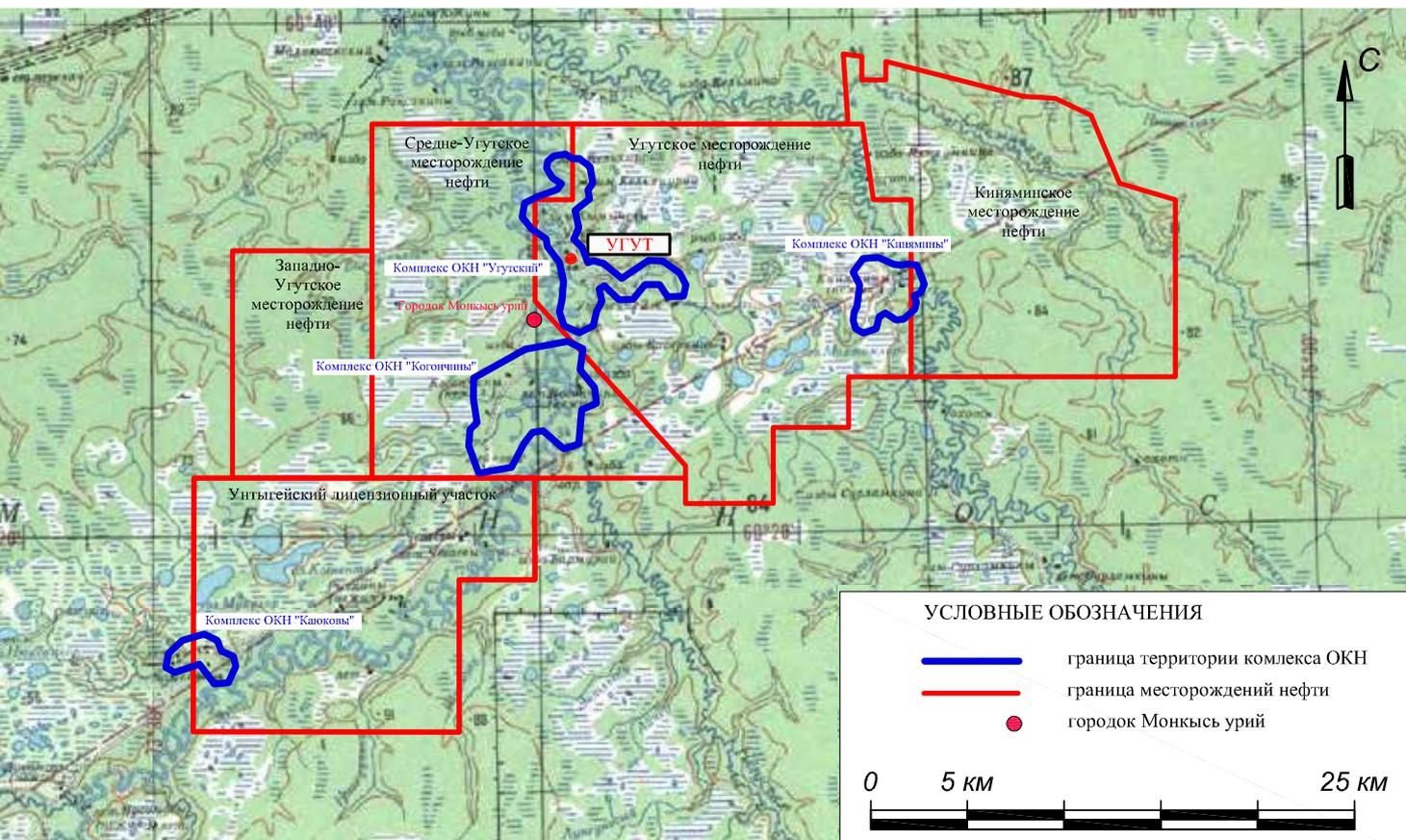
2

1. Городок Монкысь урий. Верхняя площадка оборонительно-жилого комплекса после расчистки. Центральный участок. Вид с юга
2. Городок Монкысь урий. Руины оборонительно-жилого комплекса. Фото. Вид с юго-запада

МОНКЫСЬ УРИЙ – ГОРОДОК XVI–XVII ВЕКОВ на реке Большой Юган

1

2

1. Среднее течение реки Большой Юган. Фрагмент Листа 123 «Хорографической чертежной книги», составленной С. У. Ремезовым на рубеже XVII–XVIII вв. [The Atlas of Siberia ..., 1958. P. 116]

2. Среднее течение р. Большой Юган. Карта-схема расположения комплексов объектов археологического наследия в окрестностях поселка Угут. М 1 : 5 000 000

ГЛАВА 2 / CHAPTER 2

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ¹

/ SETTLEMENT COMPLEX OF MONKYS' URI TOWN

Мы уже отмечали, что городок Монкысь урий (городище Частухинский урий) представляет собой остатки двух функционально различных комплексов: поселения и могильника. Обычно они регистрируются как два разных археологических памятника. Заметим, что в Западной Сибири крайне редки случаи, когда на древнем или средневековом поселении археологи находят синхронные

погребения. В таежном Приобье средневековые могильники были обычно удалены от действующих поселков на расстояние от нескольких сотен метров до нескольких километров. У нас же случай – неординарный и довольно очевидный: могильник принадлежит городку Монкысь урий и отчасти является составной частью его поселенческого комплекса.

¹ В подготовке данного раздела принимала участие архитектор-реставратор С. А. Липс. Авторы признательны ей за помощь и большой вклад при анализе архитектурных элементов «крепости» и реконструкции общего облика городка.

1
1. Городок Монкысь урий. Яма IX. Стратиграфический разрез 1–1 по линии В”/37–36. Фото. Вид с северо-востока

АРХИТЕКТУРА ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ И ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО ПОСЕЛЕНИЯ

При раскопках городка *Монкысь урий* было выявлено два основных комплекса, связанных с заселением и функционированием этого населенного пункта. Первый комплекс – собственно поселенческий, включающий несколько строительных этапов. Второй – ритуальный, находившийся на территории городка; его составляли погребения жителей городка и свидетельства поминальной обрядности, связанные с захоронениями.

До появления интересующего нас укрепленного населенного пункта – городка *Монкысь урий* – в этом месте существовал его предшественник. Это – неукрепленное позднесредневековое поселение («селение», «селище»), состоявшее как минимум из трех жилых строений. Кроме того, на этом же холме зафиксированы следы как минимум двух стоя-

нок конца эпохи бронзы и раннего средневековья. При описании поселенческой части памятника *Монкысь урий* мы будем употреблять следующие термины: «селище *Монкысь*» и «селище *Монкысь урий*» – для остатков раннего неукрепленного поселения, «городище *Монкысь*» и «городище *Монкысь урий*» – для руинированных остатков позднего укрепленного населенного пункта, а также определение «жилище» – при описании остатков отдельных жилых и производственно-жилых построек (домов).

При описании реконструируемых элементов или событий раннего поселения (селища) на холме будем применять термины «юрты *Монкысь*» и «юрты *Монкысь урий*», как вариант – «дом на старнице *Монкысь урий* (ныне – *Чистухинский урий*)». Для периода функционирования позднесредневекового городка предполагается использовать термины «городище *Монкысь*» и «городище *Монкысь урий*». В обоих случаях возможно использование обско-угорских синонимов – «*Монкысь вош*», «*Монкысь урий вош*», «*Монкысь погут*», «*Монкысь урий погут*».

2

СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

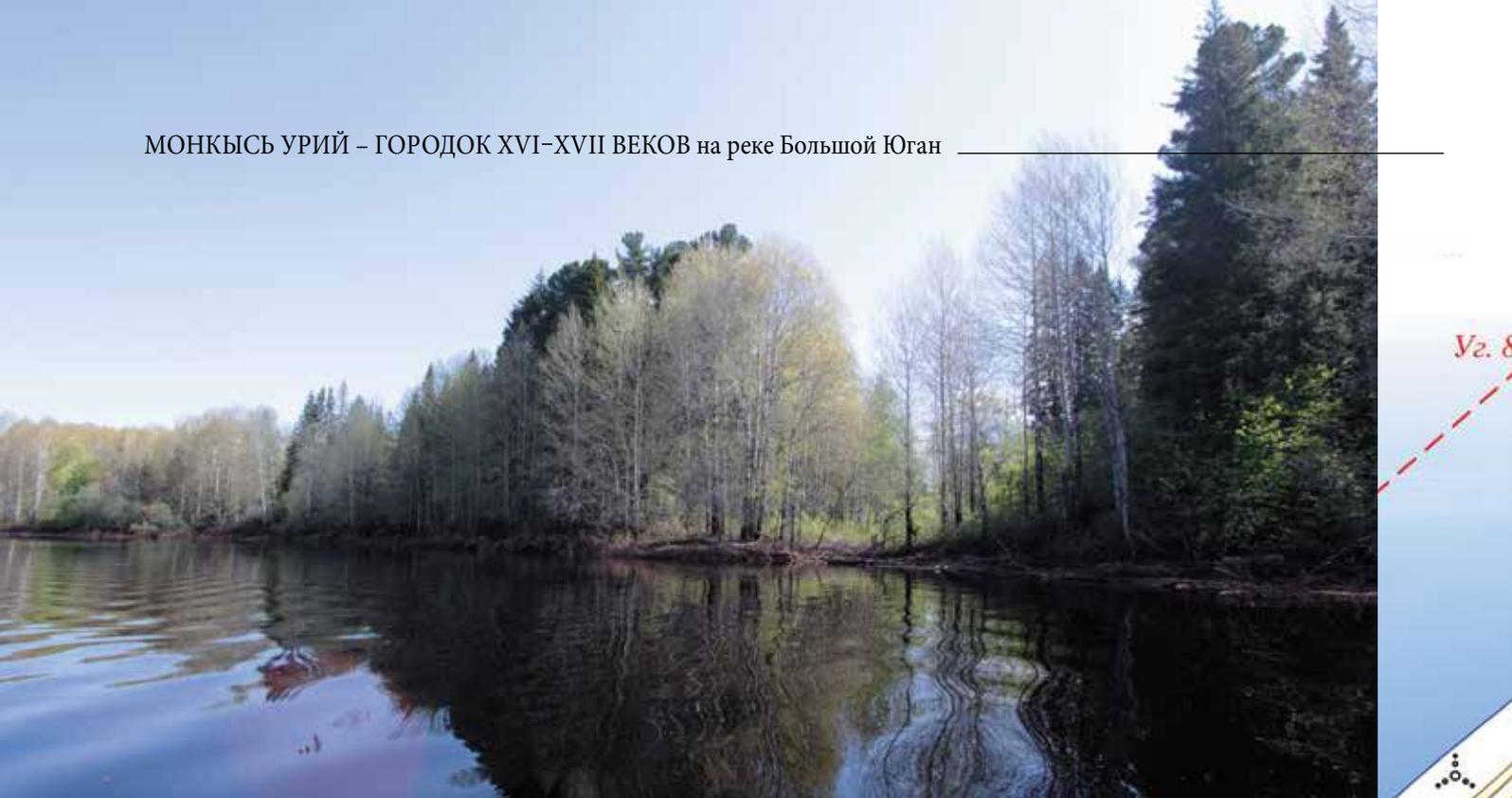
Тип расселения обитателей юрт и городка *Монкысь урий* был речной. Данные населенные пункты были приурочены к двум локальным путям, пересекающим среднеобскую тайгу: летнему, пролежавшему по основной местной водной артерии – Большому Югану, и зимней дороге, фактически являющейся дублером первого пути. Это обеспечивало связи жителей городка как с окрестными родовыми и локальными территориальными общинами, так и с дальними административными центрами. Причем как аборигенных вождеств, так и Московского государства. Особо обратим внимание на то, что в условиях отсутствия карт и навигационных приборов для подвижного населения данный – речной – фактор был весьма актуален.

Тип расселения, в свою очередь, был обусловлен местом «стыковки» или некоего «смыкания» разных участков ландшафтных зон: пойменного урмана с темнохвойной растительностью и «белошных» соновых боров на суходольных гривах. В сочетании с водоемами близость данных ландшафтов обеспечивала доступ местного населения к широкому спектру природных ресурсов, в том числе к местам рыбного промысла, районам обитания и миграций крупных копытных (олень, лось) и пушных животных (соболь, лисица, белка).

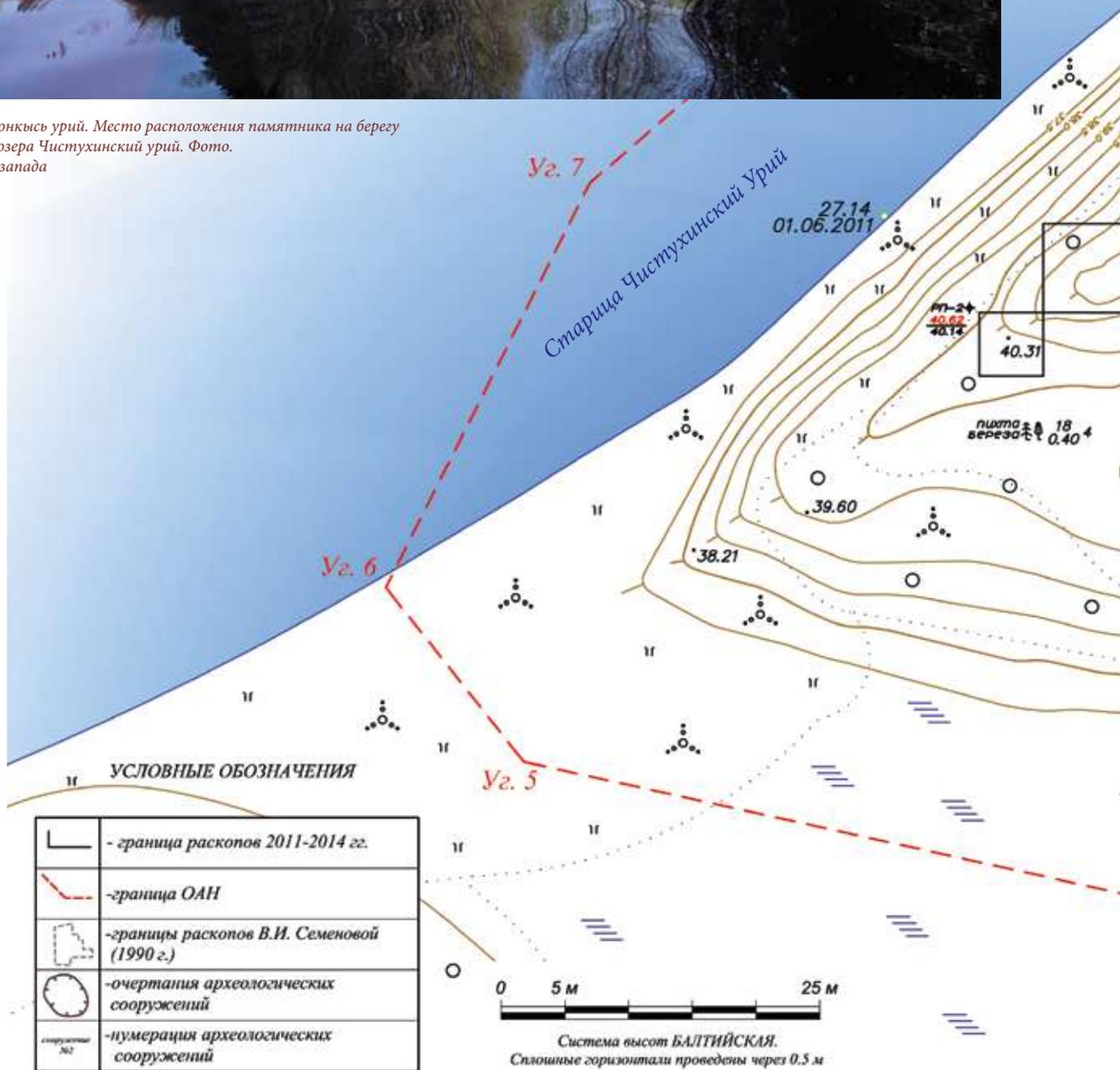
2. Городок *Монкысь урий*. Оборонительно-жилой комплекс. Остатки деревянных горизонтальных элементов основания наружных оборонительных сооружений (участок Ц-Щ/43–45, уровень 44,70 м). Фото. Вид с северо-запада

В историческом плане городок *Монкысь урий* находился в центре особой густозаселенной «провинции», расположенной на левобережье Оби, в среднем течении реки Большой Юган. Тем не менее данный укрепленный поселок был обособлен от комплексов древних селищ и укреплений, включая те, в которых существовали синхронные населенные пункты, например, городище Кулунигый 45. Это обстоятельство позволяет предполагать, что городок *Монкысь урий* не имел прямой исторической связи с населением данной территории. Тот факт, что эта крепость была обособлена от других населенных пунктов, скрыта от посторонних глаз, серьезно укреплена и находилась в малопригодном для проживания месте, позволяет предположить, что ее основатели были новым населением на данной территории. Причем пришельцами, связанными с вышеупомянутыми транспортными артериями.

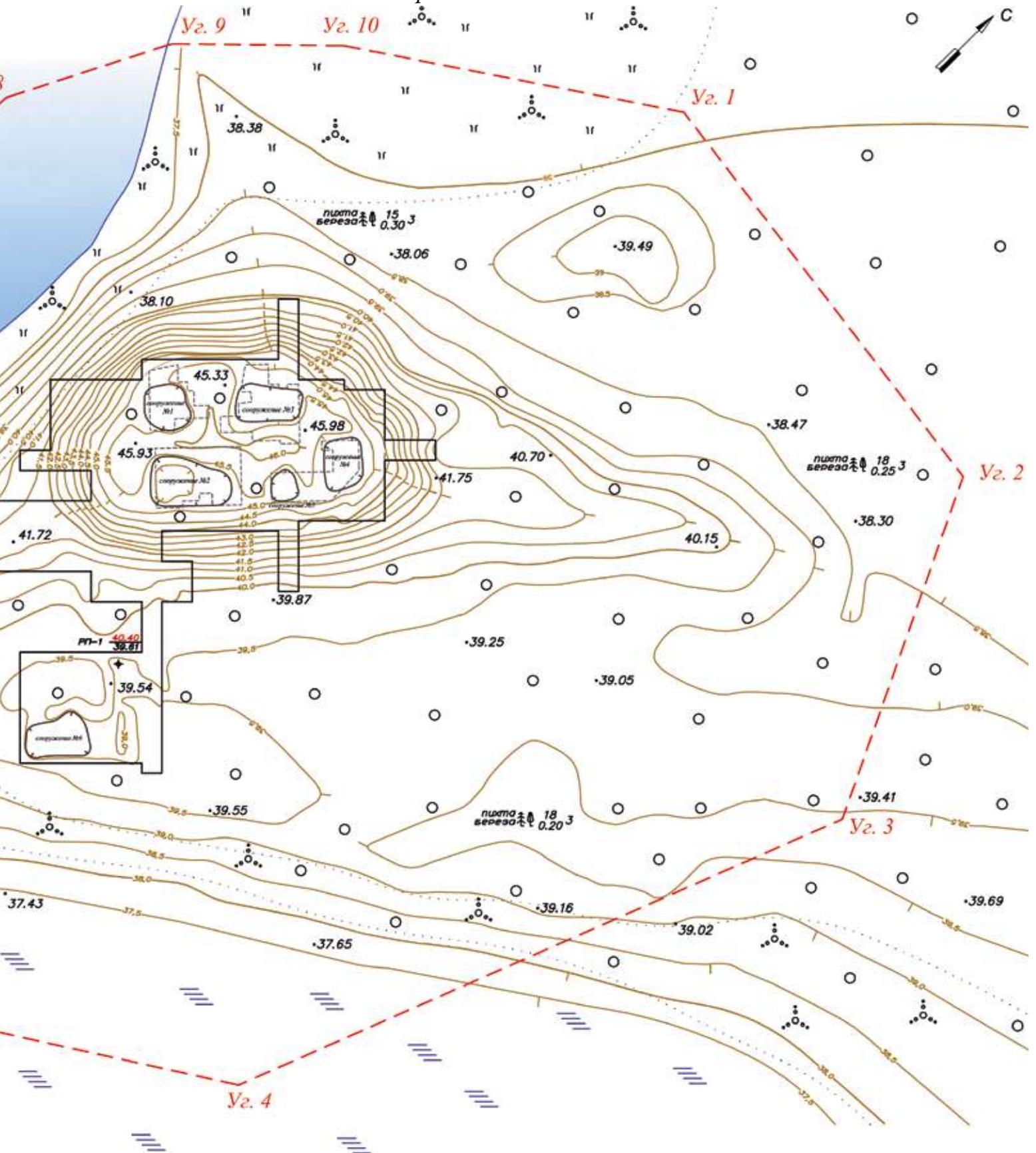
Выбор данного участка местности для размещения городка *Монкысь урий* соответствовал двум главным условиям: близости поселка к разным ландшафтным и промысловым зонам, а также к транспортным артериям, обеспечивавшим связь его жителей с главными магистралями и транзитными центрами.

1. Городок Монкысь урий. Место расположения памятника на берегу старичного озера Чистухинский урий. Фото. Вид с северо-запада

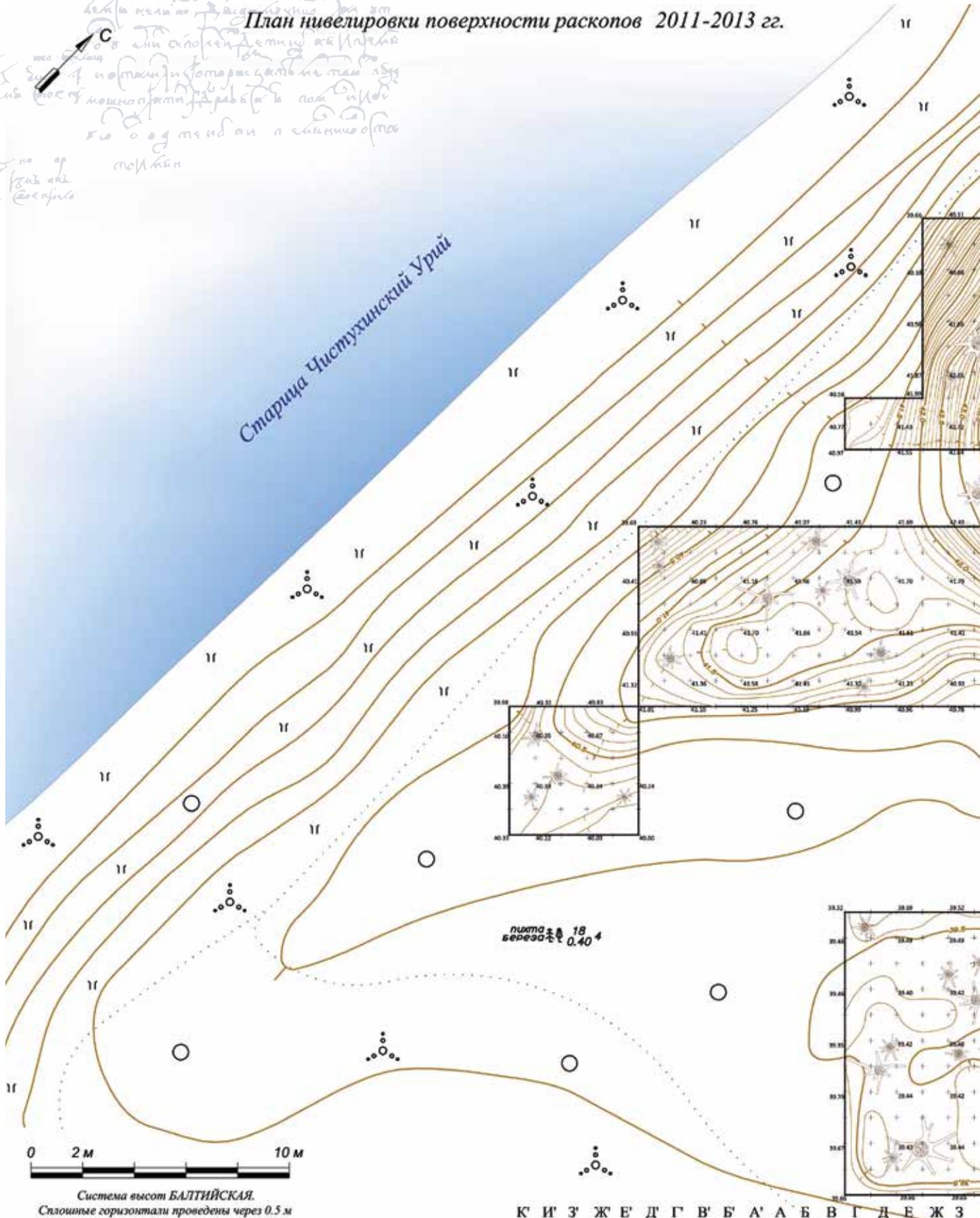

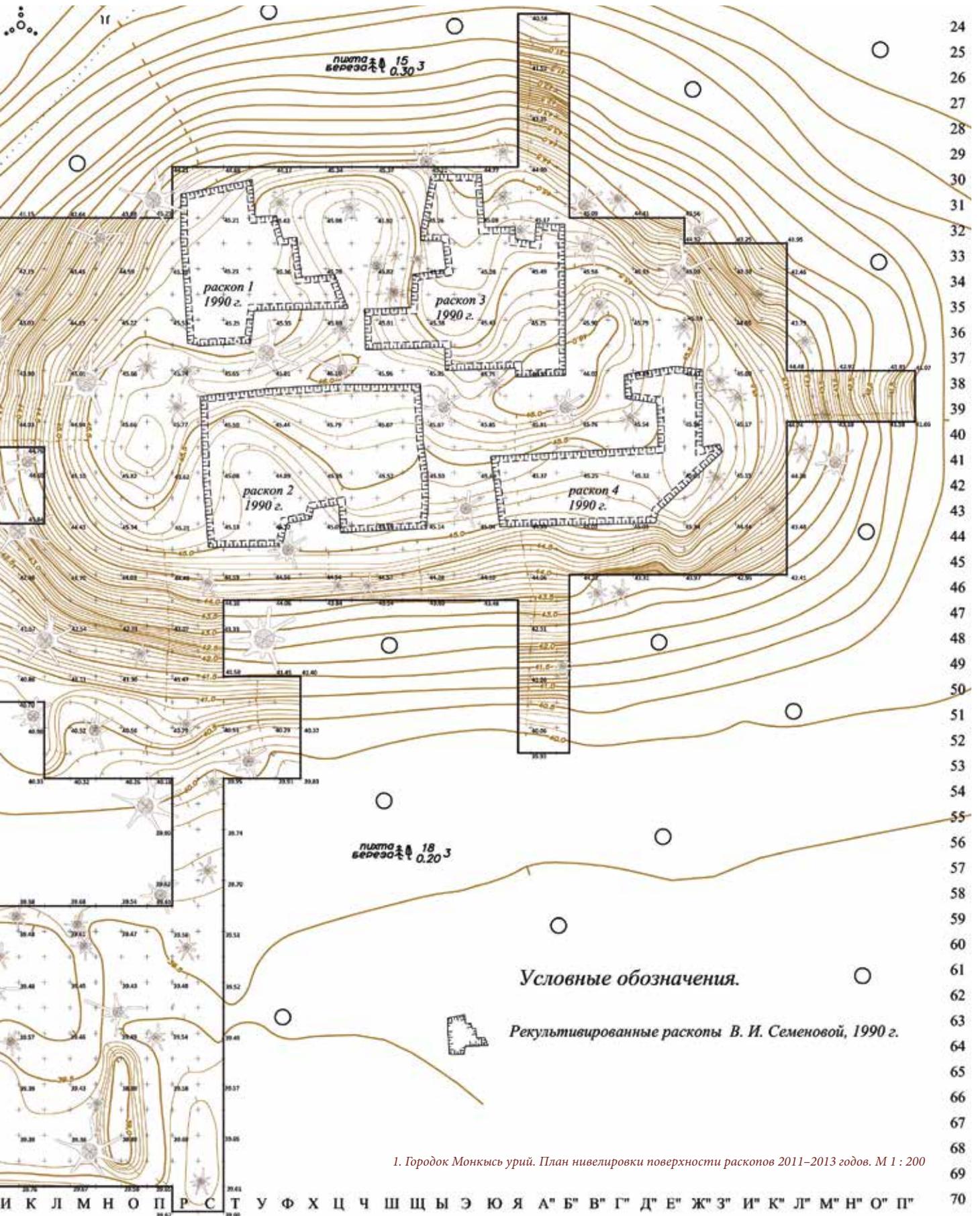
Генеральный план памятника

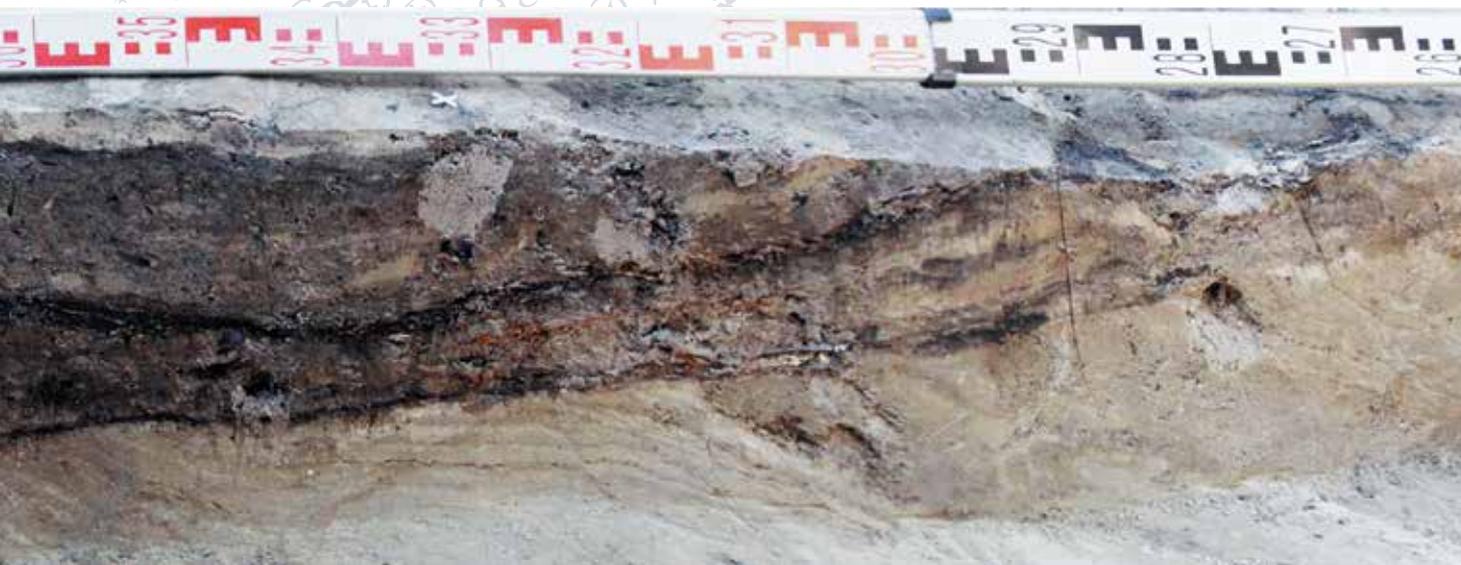
2. Городок Монксы урий. Генеральный план памятника. М 1 : 500

План нивелировки поверхности раскопов 2011-2013 гг.

1. Городок Монкысы урий. План нивелировки поверхности раскопов 2011–2013 годов. М 1 : 200

1. Городок Монкысь урий. Яма IX. Стратиграфический разрез 2–2 по линии 36/В”–Г”. Фото. Вид с юго-востока

Анализ стратиграфии выявил, что слои, связанные с юртами Монкысь урий, залегают ниже слоев, относящихся к городку. Следовательно, неукрепленный поселок существовал до возведения оборонительно-жилого комплекса. Стерильные прослойки, разделяющие культурные слои юрт и городка, отсутствуют. По всей видимости, между обоими поселениями не было перерыва.

ЮРТЫ МОНКЫСЬ УРИЙ – ПРЕДШЕСТВЕННИК ГОРОДКА

Постройки раннего поселения. По результатам анализа материалов раскопок 1990 года и работ 2011–2013 годов нами были реконструированы остатки построек, которые были размещены довольно плотно друг к другу. На вершине холма у старицы Монкысь урий (ныне – Чистухинский урий) был построен населенный пункт, состоявший из трех жилых сооружений. Непосредственно перед началом возведения раннего поселка была проведена дополнительная работа по подготовке места строительства: выборка грунта и выравнивание поверхности холма – для каждого из котлованов жилища в отдельности.

Дома ставились «на пошву» (на почву), без фундамента, то есть без дополнительного укрепления пло-

щадки строительства и устройства основания дома. Поселение не имело какой-либо специальной – искусственно созданной – системы обороны и было защищено только естественным образом – за счет крутого склона холма [Кардаш, Визгалов, 2015. С. 121 – 2.2.18]. Очевидно, что на первоначальном этапе заселения данной возвышенности это было очень важно, поскольку без дополнительных трудозатрат могло обеспечить жителей селища относительной защитой от врагов, диких животных и весенних паводков. Зимой же было достаточно полить склоны водой, чтобы создать ледяной пояс по периметру холма.

Впоследствии, в ходе инженерной подготовки площадки строительства позднего городка, то есть при расширении и разравнивании вершины холма для возведения здесь оборонительно-жилого комплекса, юрты были снесены. Постройки № 1.2.1 и № 1.2.2 были уничтожены практически без остатка. Вероятно, в связи с тем, что постройка № 2.9.1 находилась на более низком месте, чем другие два жилища, она была перекрыта грунтом при разравнивании. По этой причине некоторые ее очертания все же удалось зафиксировать.

Хронология раннего поселения. Время основания и период функционирования юрт Монкысь урий определяется по комплексу признаков. Тем не менее установить точную дату раннего поселка крайне сложно.

Для выявления хронологических рамок функционирования юрт и городка *Монкысь урий* был проведен радиоуглеродный анализ образцов древесины и костных остатков.

Дополнительными источниками по оценке времени строительства и функционирования городка и его предшественника – юрт Монкысь урий – являются данные стратиграфии и морфологии культурного слоя, а также хронология предметов вещевого комплекса.

Анализ стратиграфии выявил, что слои, связанные с юртами Монкысь урий, залегают ниже слоев, относящихся к городку. Следовательно, неукрепленный поселок существовал до возведения оборонительно-жилого комплекса. Стерильные прослойки, разделяющие культурные слои юрт и городка, в стратиграфических разрезах отсутствуют. По всей видимости, между обоими поселениями не было перерыва.

Хронология предметов вещевого комплекса также не противоречит датировке, установленной на основании проведенного радиоуглеродного анализа. Предметы XIII–XV веков весьма малочисленны и в основном представлены украшениями костюма. Можно предположить, что они продолжали бытовать у местного населения в XVI–XVII веках, в том числе сохраняясь в атрибутах ритуального костюма. Основная же масса артефактов из культурного слоя городка относится к XVI–XVII векам и произведена в это время.

На основании представленных выше данных мы можем говорить о существовании городка *Монкысь урий* в XVI–XVII веках, а предшествующего ему жилища – в пределах XVI века. Кроме того, комплексный анализ находок с данного археологического памятника, а также изучение стратиграфии и планиграфии его культурных слоев показывают, что хронологического разрыва между временем функционирования юрт и городка *Монкысь урий* не наблюдалось.

Скорее всего, юрты были временным поселением людей, принимавших участие в эскарпировании склона холма, подготовке городищенской площадки и строительстве городка. Место для возведения «крепости», вероятно, подыскивалось целенаправленно. При этом перед строительством мощного оборонительного комплекса были сооружены временные жилища – юрты. Таким образом, юрты являются прямым предшественником городка. Период их функционирования не выходит за рамки XVI века и, скорее всего, соответствует середине и концу этого столетия.

ОБЩАЯ ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА И АРХИТЕКТУРА ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ

Общая исследованная площадь памятника за все годы раскопок составила 900 кв. м. В том числе на территории оборонительно-жилого комплекса вскрыто около 600 кв. м. Сюда входят вся жилая зона – 450 кв. м (100 %) и около 150 кв. м (около 16 %) площади инженерно-оборонительных сооружений эскарпированного склона. На прилегающей периферийной зоне раскопано около 300 кв. м (около 3,5 % ее общей территории). На первый взгляд, это

Интерьеры построек состояли из стандартного набора элементов: земляной пол и земляные нары по периметру жилища, устроенные с одной или с нескольких сторон помещения, а также глинобитный чувал с вертикальной трубой-дымоходом либо открытый очаг. Нары в жилище были приподняты над уровнем пола примерно на 0,3–0,4 м. Возможно, они были покрыты деревянным настилом либо застелены берестой, камышовыми циновками, оленьими шкурами.

немного, но заметим, что данный участок населением средневекового поселка был освоен минимально. При этом наиболее активно использовалась лишь четверть всей напольной территории населенного пункта. В целом же мы изучили порядка 14 % активно используемой периферии городка.

Подводя итог, отметим, что, безусловно, речь идет о реконструкции вероятностной, так как сохранность основной массы деревоземляных сооружений городка оставляет желать много лучшего. Впрочем, это характерно практически для всех археологических поселенческих объектов таежной зоны Западной Сибири.

Раскопами вскрыто довольно значительное пространство памятника, особенно в его основной – центральной – части. В результате мы имеем в своем распоряжении достаточный комплекс данных для всестороннего анализа планировочной структуры городка и архитектуры его оборонительно-жилого комплекса.

ХРОНОЛОГИЯ ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ

На основании всех представленных данных: *Радиоуглеродного анализа / Анализа стратиграфии / Хронологии предметов вещевого комплекса / Анализа документальных источников* [Кардаш, Визгалов, 2015] – мы можем говорить о существовании городка в конце XVI – начале XVII века.

На месте юрт и вместо них был возведен городок, существовавший до начала XVII века. Время строительства городка приходится, скорее всего, на рубеж XVI–XVII веков. Его разрушение – на декабрь 1619 года.

МОНКЫСЬ УРИЙ – ГОРОДОК XVI–XVII ВЕКОВ на реке Большой Юган

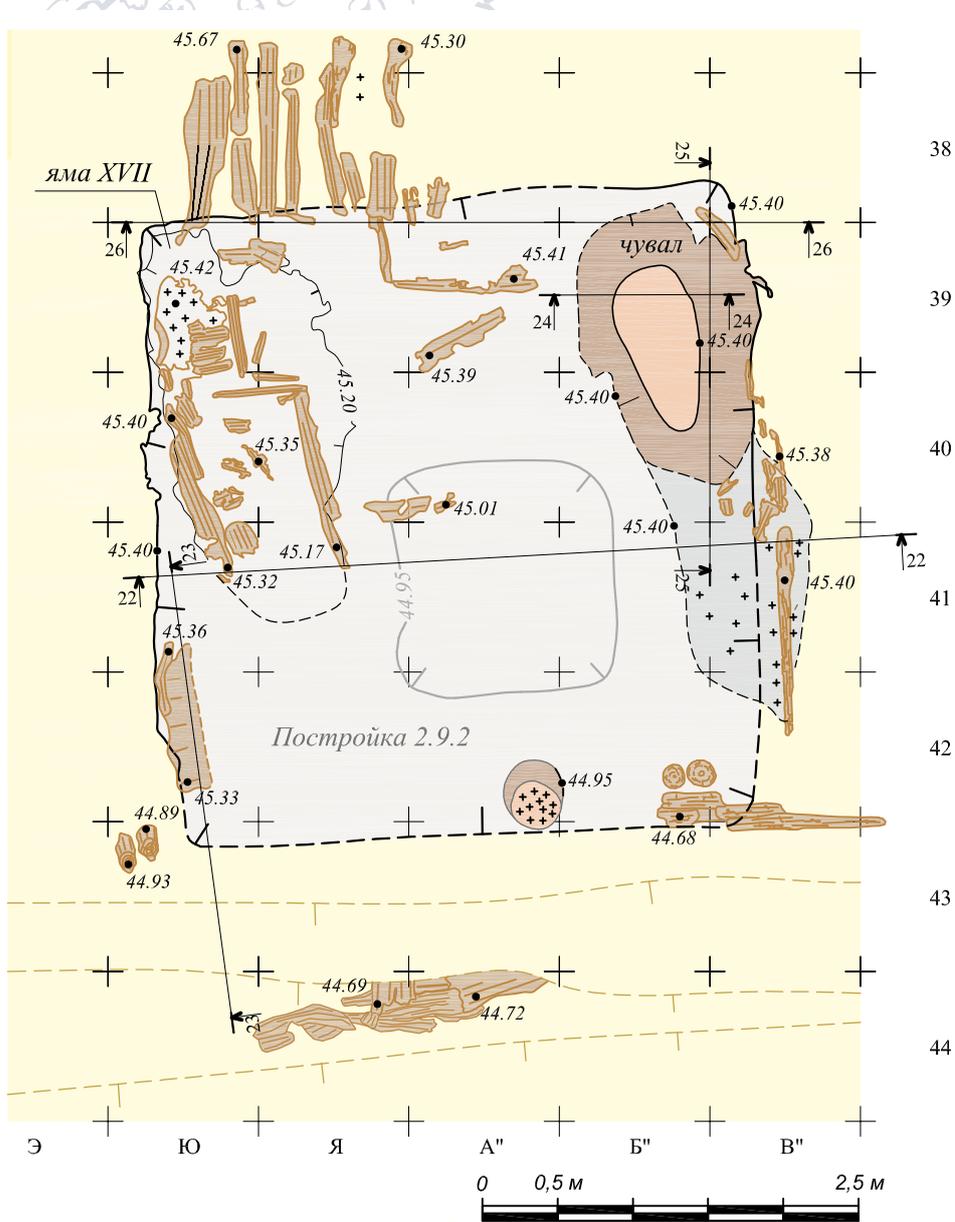
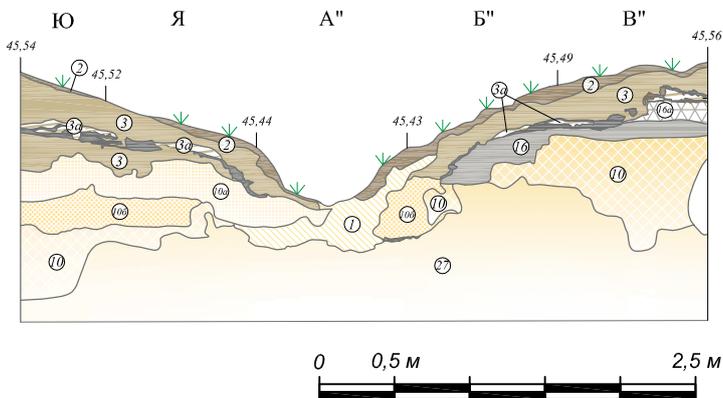
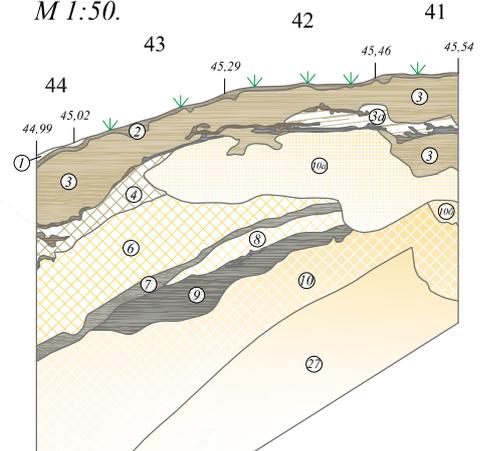

Рис. 2.2.73. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.9.2. План. М 1 : 50

РАЗРЕЗ 22-22 по линии 41/Ю-В". М 1:50.

РАЗРЕЗ 23-23 по линии Ю/44-41". М 1:50.

АРХИТЕКТУРА ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ: ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Городок *Монкысь урий* представлял собой укрепленный населенный пункт, состоявший из двух функциональных зон: оборонительно-жилого комплекса и хозяйственно-производственной территории.

Оборонительно-жилой комплекс являлся центром городка. Он размещался на вершине останца, имел овальную в плане форму, был ориентирован по оси СВ – ЮЗ и условно делился на две части: жилую зону и систему фортификаций. Последние были неразрывно связаны друг с другом, как функционально, так и конструктивно.

Жилая зона городка состояла из пяти построек, которые были разделены центральной (осевой) внутренней опорной стеной на две половины. В северо-западной находились 2 постройки, в юго-восточной – 3. Постройки (жилые камеры) не сообщались между собой и были изолированы друг от друга центральной опорной стеной и внутренними перегородками. Осевая стена и стены-перегородки формировались из несъемной опалубки, заполненной грунтом, дерном, торфом и другими природными материалами. В расположении построек в обеих половинах комплекса относительно оси центральной опорной стены можно проследить принцип обратной зеркальности. Все постройки оборонительно-жилого комплекса городка *Монкысь урий* представляют собой каркасные сооружения со стеновым заполнением каркаса в виде вертикально установленных бревен, плах и жердей.

Помимо построек, на территории жилой зоны городка зафиксированы сооружения (ямы), связанные с ритуальной и хозяйственной деятельностью жителей поселка. Невозможно сказать наверняка о времени существования этих объектов. Можно лишь утверждать, что все они так или иначе были связаны с жизнедеятельностью населения данного места.

Основой фортификаций городка служил искусственно сформированный эскарпированный ступенчатый склон, сооруженный под углом 45°. Наверху он завершался наружной защитной стеной оборонительно-жилого комплекса, выполненной из вертикально установленных бревен или плах. В стене устраивались бойницы, сведения о которых сохранились в местном фольклоре. Данную оборонительную конструкцию дополняли входы в городок. Внутри комплекса можно было попасть через специальные проемы в кровле по мобильным лестницам, которые при необходимости могли легко переместиться со склона на крышу комплекса. Еще одним элементом фортификации являлась свободная территория вокруг городка, расчищенная от леса.

Оборонительно-жилой комплекс городка *Монкысь урий* был перекрыт единой плоской кровлей либо невысокой двускатной крышей. Балками остова перекрытия служили бревна, которые опирались на несущие

элементы каркаса. Каждое из бревен было уложено одним концом на опорные столбы наружной стены городка, другим – на центральную (осевую) опорную стену. Таким образом – без дополнительных центральных опор – перекрывалось расстояние от 4 до 6 м. На балках каркаса покоилось перекрытие, состоявшее из нескольких функциональных слоев: настила из жердей, берестяного «ковра» – для гидроизоляции и, наконец, грунта и «дерна», служивших гнетом для берестяного ковра и слоем теплоизоляции помещения.

Хозяйственно-производственная территория располагалась вокруг оборонительно-жилого комплекса в радиусе около 50 м. Она была ограничена элементами окружающего ландшафта: старицей – с западной стороны, поймой протоки – с южной и юго-восточной сторон, периодически подтапливаемой территорией – с северо-западной стороны, а также лесным массивом – с северной и северо-восточной сторон.

На данной территории проходила часть хозяйственной и производственной деятельности жителей городка. К хозяйственной деятельности мы относим животноводство, точнее, содержание и разведение оленей и собак, равно как деревообработку, связанную с производством транспортных средств, таких как нарты и лодки-обласы. В пользу этого свидетельствуют находки из культурного слоя на данной территории. Кроме того, судя по этнологическим данным, в этой хозяйственно-производственной зоне производилась сушка шкур. С производственной деятельностью связаны остатки постройки, которую мы определили как кузницу.

Здесь же первоначально находился «карьер-полигон» по забору грунта для возведения фундамента оборонительно-жилого комплекса и подсыпки ступенчатого эскарпированного склона.

Данная реконструкция городка *Монкысь урий*, построенная на комплексном анализе разнообразных источников, позволяет провести сравнительный анализ с другими оборонительными и жилыми объектами на широком региональном и хронологическом фоне. На севере Западной Сибири не так уж много раскопанных средневековых городищ, еще меньше – введенных в научный оборот. Тем не менее они существуют. В первую очередь это исследованные нами приполярные и заполярные городки позднего средневековья – Надымский, Полуйский мысовой и Бухта Находка [Кардаш, 2009; 2011; 2013а; 2013б; 2013в], в меньшей степени – другие городки. При их сравнении с нашим памятником можно выделить несколько уникальных элементов городка *Монкысь урий*. В первую очередь это **искусственно созданное (насыпанное) основание** – фундамент городка. Ни для одного из упомянутых укреплений этого не делалось. Большинство подобных городков были возведены на естественном рельефе либо на месте ранее существовавших городков и поселений, что не требовало проведения масштабных дополнительных работ по подготовке территории.

МОНКЫСЬ УРИЙ – ГОРОДОК XVI–XVII ВЕКОВ на реке Большой Юган

РАЗРЕЗ А–А'. Фрагмент 2. Участок Б"/30–32. М 1:20.

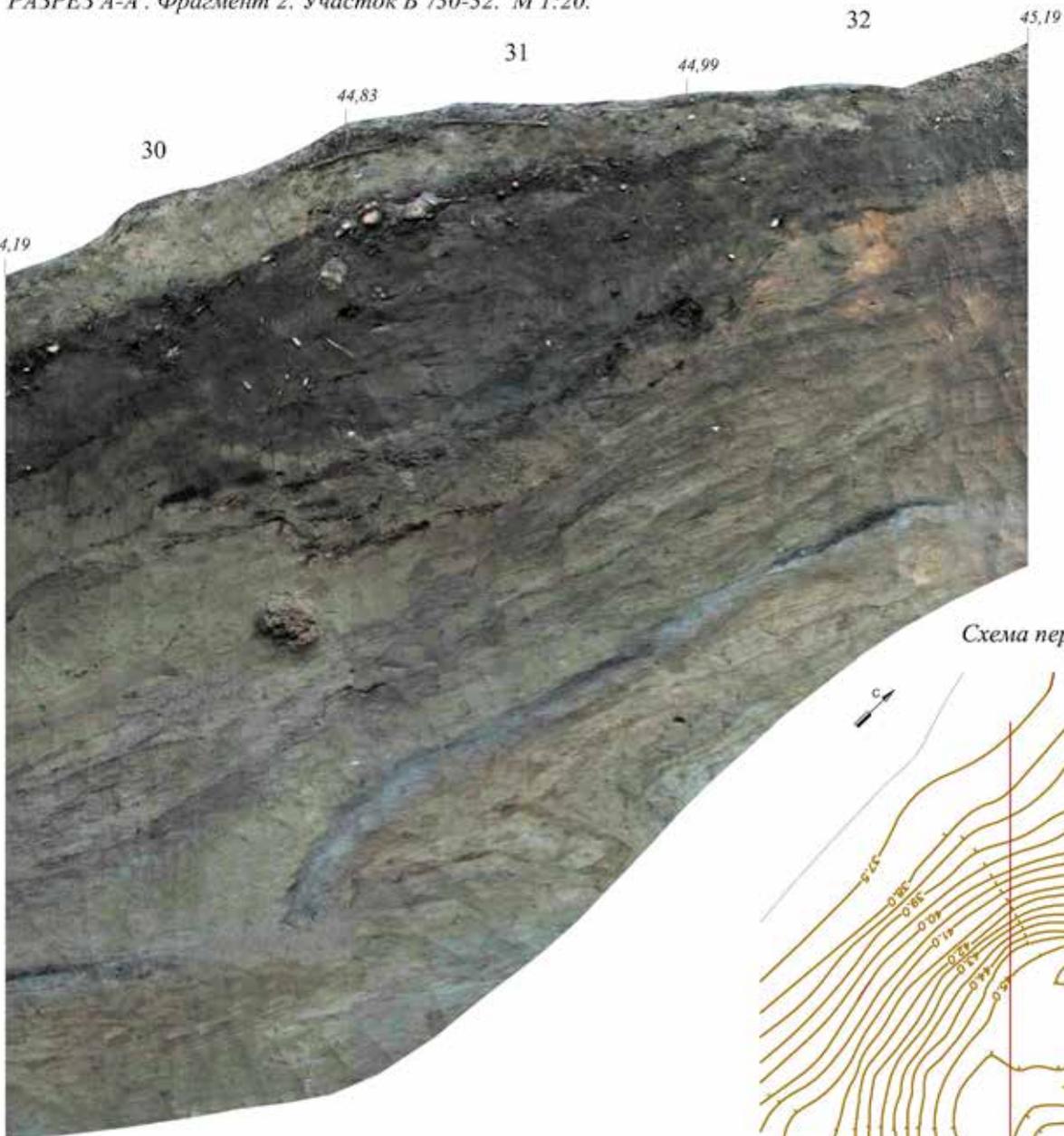
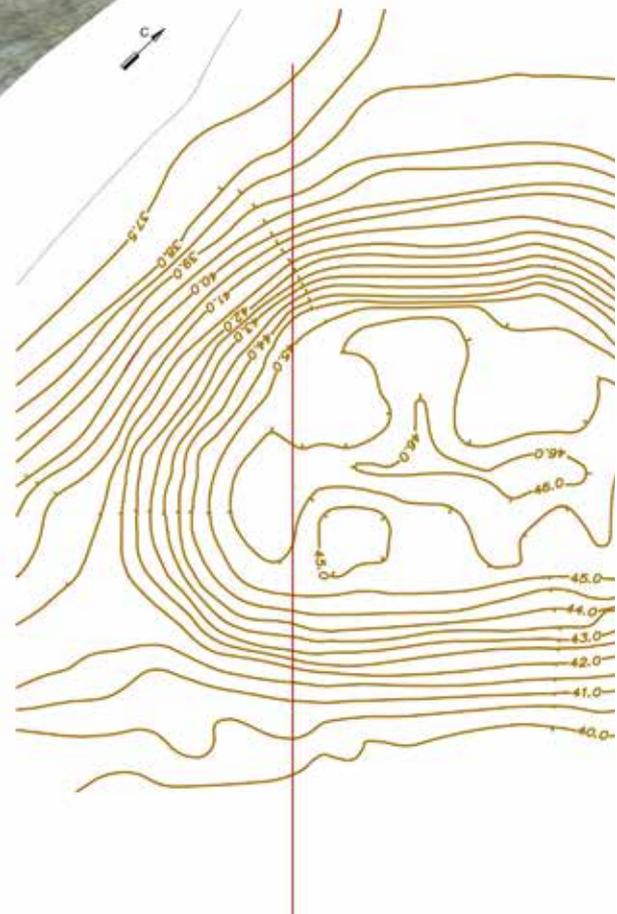

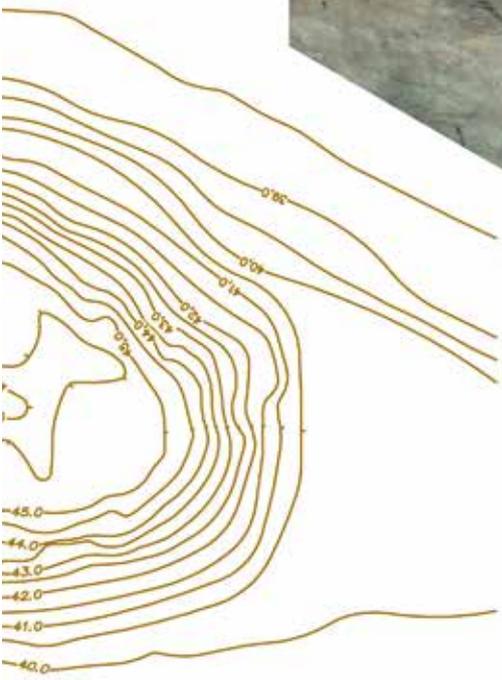
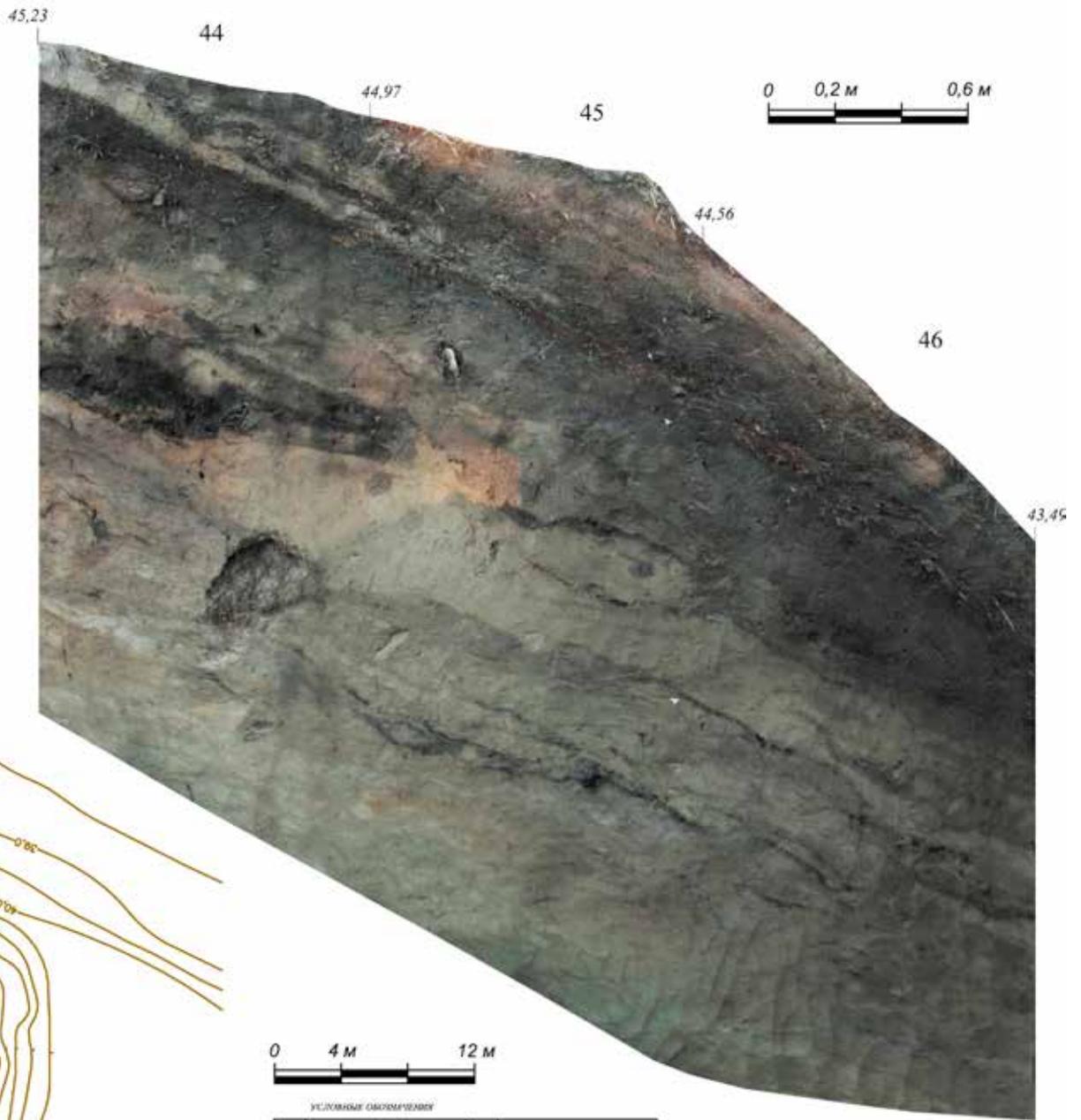
Схема перемещения грунта.

1. Городок Монкысь урий. Генеральные стратиграфические разрезы. Фрагмент 2 стратиграфического разреза А–А' на участке Б"/30–32. Фрагмент 3 стратиграфического разреза А–А' на участке Б"/44–46. Слоистая структура отсыпки фундамента оборонительно-жилого комплекса. Фото. М 1 : 20

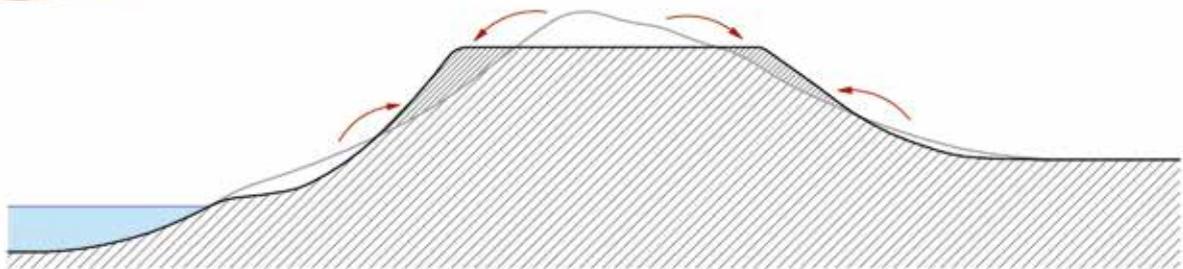
2. Городок Монкысь урий. Схема перемещения грунта при подготовке строительной площадки для сооружения оборонительно-жилого комплекса. Топографический план памятника и разрез холма. М 1 : 400

РАЗРЕЗ А-А', Фрагмент 3. Участок Б''/44-46. М 1:20.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

	контуры площадки до начала ландшафтной возвышенности		участки срединной дрифы
	контуры площадки, соответствующей ландшафтной возвышенности		участки подстилающей дрифы
	основная площадь ландшафта		направление ориентации дрифы

Об уникальности **фортификационной системы Монкысь урия** свидетельствует наличие ступенчатого эскарпированного склона, который заменял защитную систему типа «ров – вал» (либо несколько валов и рвов), известную у других средневековых укреплений.

Систему обороны *Монкысь урия* нельзя назвать типичной для Севера Сибири. Она более напоминает *монолитное многокамерное укрепленное жилище*, характерное для центральных и северо-западных районов таежного Приобья эпохи средневековья. Его ближайшие аналоги: городища Мань-Няслан-Тур (Саранпаульское 2-е) в бассейне Северной Сосьвы [Чернецов, 1937. С. 254; 1957. С. 230. Рис. 21; Талицкая, 1953. С. 265. № 143], Моховая 42 в Сургутском Приобье [Борзунов, 1995. Рис. 1–15] и отчасти известные по остяцким былинам большие дома и «медные города» («Пытыр-вах-вои») с двумя входами – сбоку (в ограде) и сверху (в единой для всех жилых камер крыше) [Патканов, 1891б. С. 16–17, 30–32, 70 и др.]. В одном хантыйском сказании городок *Монкысь урий* даже назван *избушкой из бревен с бойницами* – как крепость [Кардаш, Визгалов, 2015. Прил. 2.10]. В. А. Борзунов даже считает, что в эпоху средневековья такие *деревоземляные дома-«крепости»*, предшественники городищ и городов, сочетавшие функции жилья и одиночного укрепленного пункта, являлись резиденциями верхушки аборигенного общества. Функционально-типологически они соответствовали замкам западноевропейских феодалов [1995; 1999].

Ближайшим *Монкысь урию* синхронным археологическим объектом можно считать городище Когончинское 45 [Кардаш, А–2008]. Оно находится на вершине пойменного острова – останца коренной террасы в дельте (устье) реки Кулунигы́й, впадающей через старичные озера в реку Большой Юган. Весной, в паводок, оборонительно-жилой комплекс данного городища, дополненный внешним рвом, бывает полностью окружен рекой и выглядит как возвышающийся из воды холм. Вместе с тем система обороны у него абсолютно иная – «ров – вал». Преемственности архитектурно-строительных традиций в рассмотренных городках не наблюдается. Крайне редки случаи среди известных городков, когда не фиксируются в системах обороны рвы и валы.

Из известных нам городищ с эскарпированным склоном – в качестве основного элемента обороны – это городище Негусьях 1 на речке Негусьях

(«Соболиная река», правый приток Большого Югана) [Селянина, А–1997]. Городище Негусьях внешне выглядит как городок *Монкысь урий*. Оно находится в аналогичных топографических условиях – на берегу старицы, в промежутке между старицей и основным руслом реки, а главное – имеет аналогичные размеры и форму. Правда, возраст этого городища не установлен. По его внешним признакам мы можем предположить, что этот памятник датируется серединой II тысячелетия, но это не факт. В любом случае, топография памятника в связке с внешней формой его оборонительно-жилого комплекса заставляет задуматься об истоках такой архитектуры. Представляется, что такая форма укреплений была не только экономической и функциональной, но даже только своим внушительным внешним видом могла производить сильное впечатление на жителей окрестных населенных пунктов – юрт. Возможно, холм – «архитектура холма» – должна была олицетворять первозданную землю в окружении воды и, соответственно, связь жителей этого городка с изначальным населением. Это, хотя и косвенно, тем не менее эмоционально закрепляло исторические права обитателей крепости на землю и власть в округе.

Еще одной аналогией таких оборонительно-жилых сооружений, как у городка *Монкысь урий*, следует назвать городище Вочлор 1, открытое на правом берегу Сургутского Приобья, в бассейне среднего течения реки Пим, на озере Вочлор. Топография и параметры памятников идентичны. Последний объект датирован приблизительно XII–XV веками [Кардаш, А–1996. С. 68–71. Рис. 40]. Вполне вероятно, что городков с подобной фортификацией существует больше, но они пока не выявлены и полноценно не обследованы. До XII–XVII веков подобные городки достоверно не известны. Возможно, такая конструкция фортификаций, основанная полностью на искусственной подготовке фундамента и эскарпированного склона, является особенностью развитого и позднего средневековья Сургутского Приобья. Особо отметим, что так называемые «укрепленные жилища» или городища, остатки которых выглядят как холмы, известны с периода поздней бронзы. Тем не менее на данной территории они не формируют единой непрерывной линии развития. Более того, важным отличительным признаком позднейших городков является искусственно сформированный на основании естественного элемента ландшафта (останца, холма) фундамент, а также отсутствие рва как элемента обороны.

Планировочная структура городка также уникальна. Обращаясь к практически полностью изученным памятникам, заметим, что нам известны городки с внешне похожей планировочной структурой: Надымский, Полуйский мысовой, Бухта Находка. При внешней схожести планировки

В зимний период в систему фортификации был включен еще один элемент защиты: ледяной панцирь по всему периметру склона, который еще более усложнял подъем на кровлю.

1. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Соотношение построек № 2.3(4) и № 2.9.2. В центре – забутованная перегородка между постройками, снизу – фрагменты стены постройки 2.3(4), сверху – фрагмент западной части постройки 2.9.2 (участок Ы-Б^н/39–41, уровень 45,50 м). Фото. Вид с юга

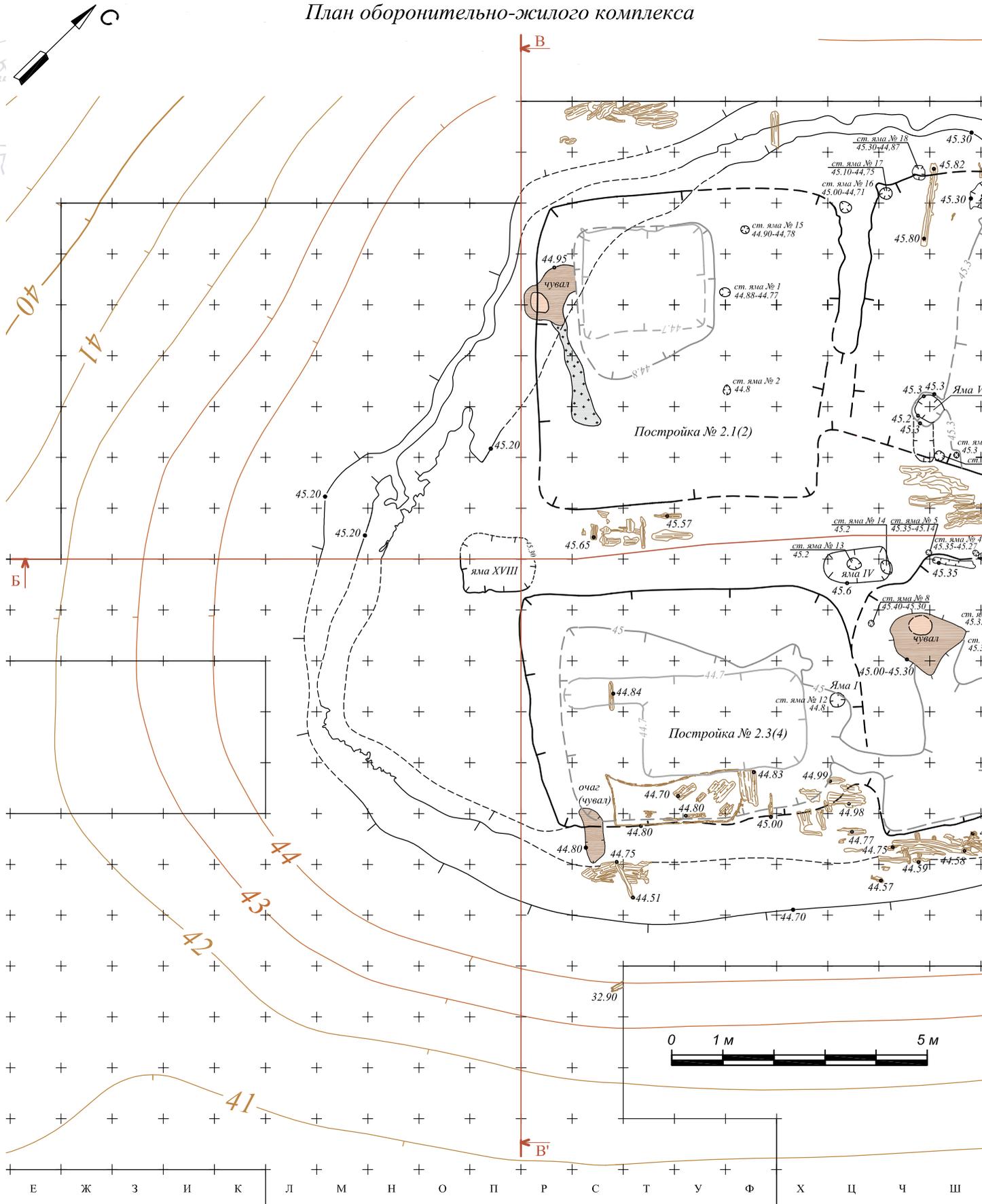
оборонительно-жилого комплекса всех этих укреплений мы видим, что у них по продольной оси пролегла своеобразная «улица». Более того, все постройки в городках были связаны между собой как раз через систему «коридоров-проходов», ведущих к центральной «улице», а от нее – к любой из построек городка. В постройках этих городков, как и в оборонительно-жилом комплексе в целом, имелись как фасадные входы, так и, предположительно, входы через кровлю. Тем не менее существует принципиальное различие в планировке данных городков и *Монкысь урия*. Об уникальности в данном случае нам позволяет говорить наличие в последнем укреплении пяти изолированных друг от друга построек, а также наличие центральной (осевой) опорной стены. При этом все жилые помещения *Монкысь урия* были изолированы друг от друга, а вход в них осуществлялся только через кровлю. Центральная улица также отсутствовала: на ее месте находилась центральная (осевая) опорная стена.

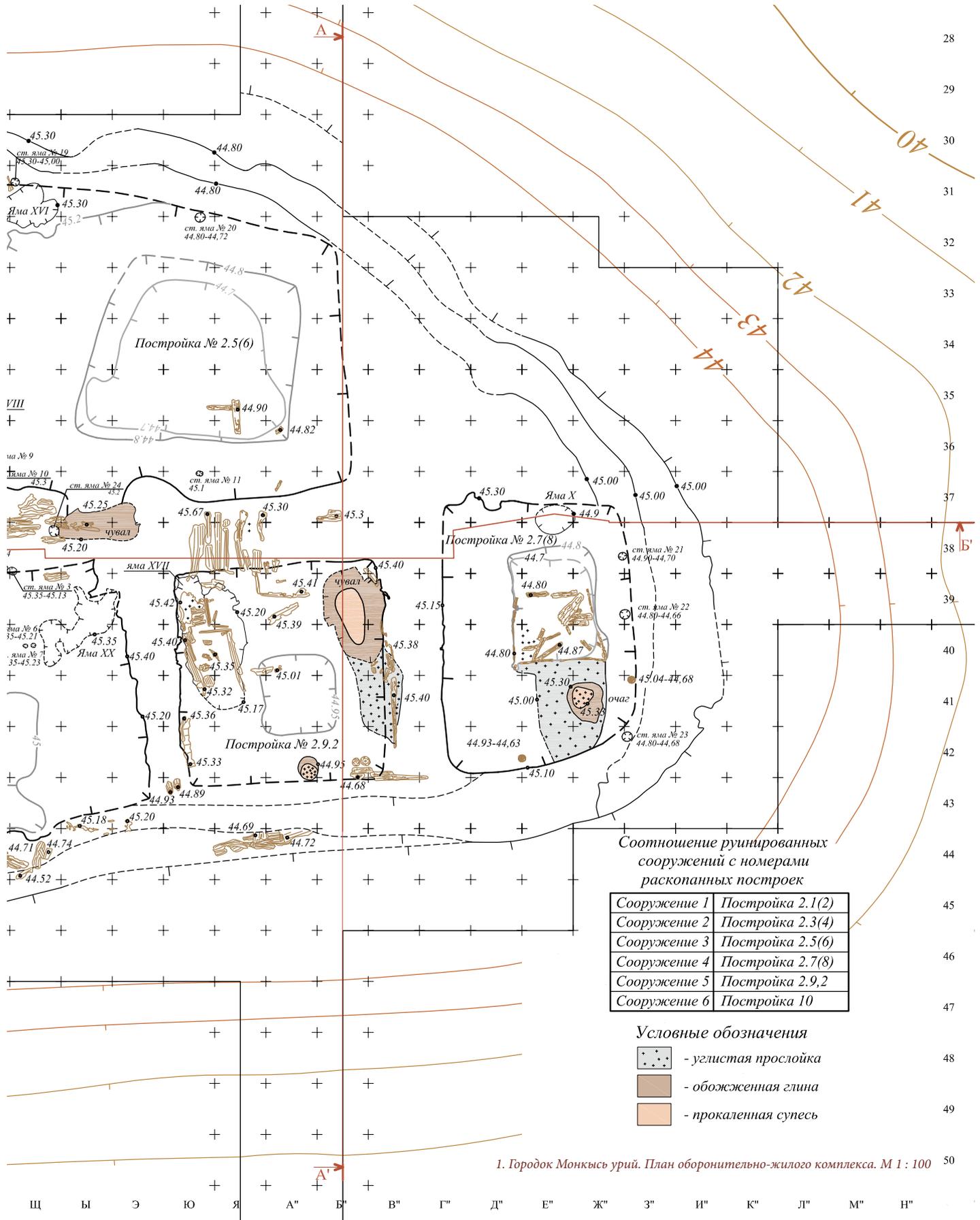
В качестве особенности *Монкысь урия* можно указать также наличие чувалов в его жилых помещениях, а не центральных открытых очагов, как, например, в городке Бухта Находка. Наличие чувала в жилищах Крайнего Севера Сибири не имеет древних корней. Как говорилось выше, по данным раскопок Надымского и Полуийского мысового го-

родков, чувалы как минимум на крайнем Севере появляются с рубежа XVI–XVII веков и существуют в традиционной хантыйской архитектуре вплоть до современности [Кардаш, 2003; 2013а; 2013б; Визгалов, Пархимович, 2008]. У остяков южного и среднего таежного Приобья чувалы могли появиться, по-видимому, раньше – в XIII–XIV веках – и под тюркским влиянием. В то же время распространение их на Крайнем Севере Сибири мы связываем, прежде всего, с миграцией на данную территорию выходцев с Европейского Северо-Востока. На других известных нам средневековых городищах, расположенных на Большом Югане близ городка *Монкысь урий* и датирующихся вплоть до XII–XIII веков, зафиксированы центральные очаги (городище Стрелка) [Кардаш, Пономарева, 2010].

Конструктивные решения, примененные при строительстве городка *Монкысь урий* также можно назвать уникальными. Прежде всего это касается устройства центральной опорной стены и перегородок с применением несъемной опалубки. Подобные перегородки можно встретить в городке Бухта Находка, где зафиксировано торфо-дерновое заполнение стен. Между тем в последнем городке эти перегородки служили скорее элементом теплоизоляции оборонительно-жилого комплекса, а не являлись опорными элементами каркаса, несущими

План оборонительно-жилого комплекса

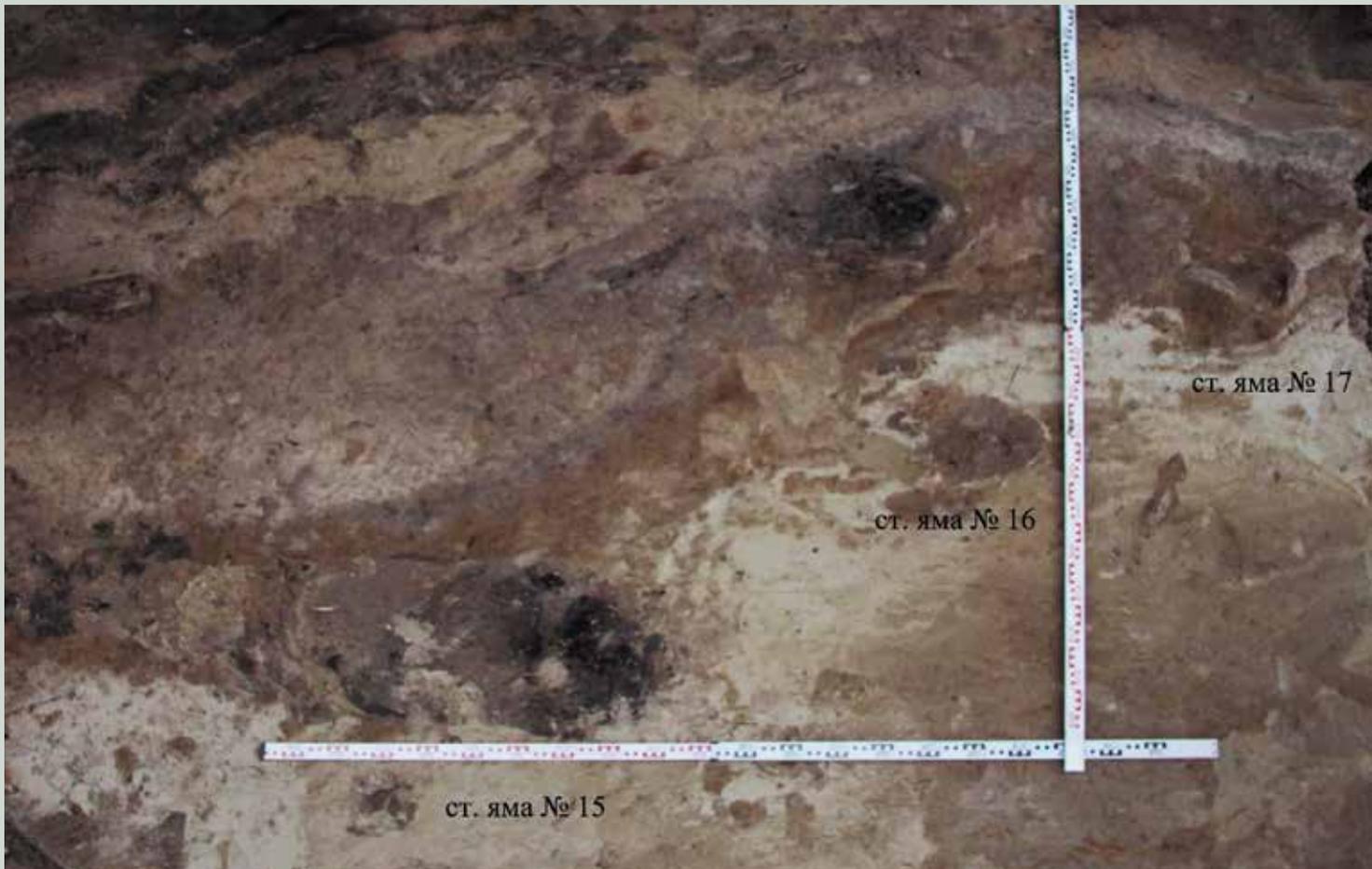
1

2

1. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Результат инженерной подготовки площадки строительства городка: слоистая структура отсыпки склона в стратиграфическом разрезе по линии 46/Ы1–Ы2. Фото. Вид с северо-запада

2. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Результат инженерной подготовки площадки строительства городка: слоистая структура отсыпки склона в стратиграфическом разрезе по линии 44/С–У. Фото. Вид с северо-запада

3. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.1(2). Столбовые ямы №№ 15–17 (участок Ф-Ч/30–32, уровень 44,90 м). Фото. Вид с юго-востока

4. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.1(2). Стратиграфические разрезы столбовых ям. А – столбовая яма № 15. Фото. Вид с северо-востока. Б – столбовая яма № 16. Фото. Вид с северо-северо-востока

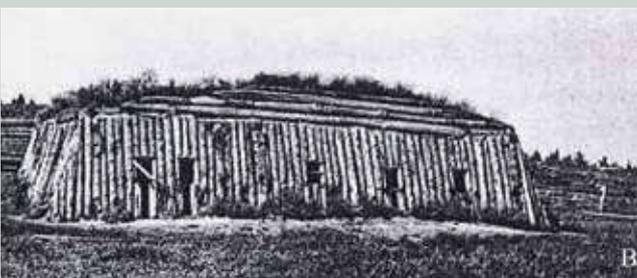
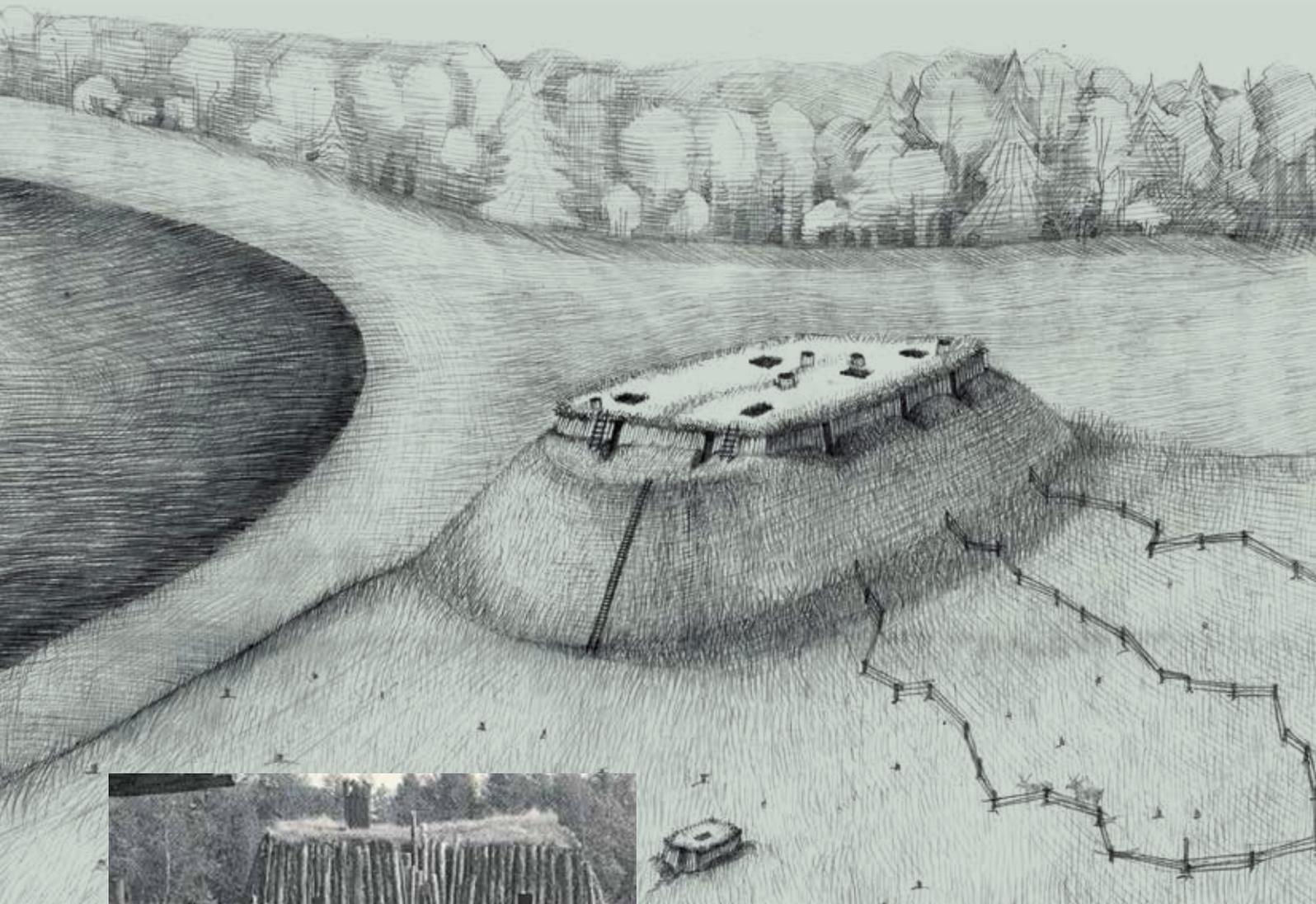
1

2

3

4

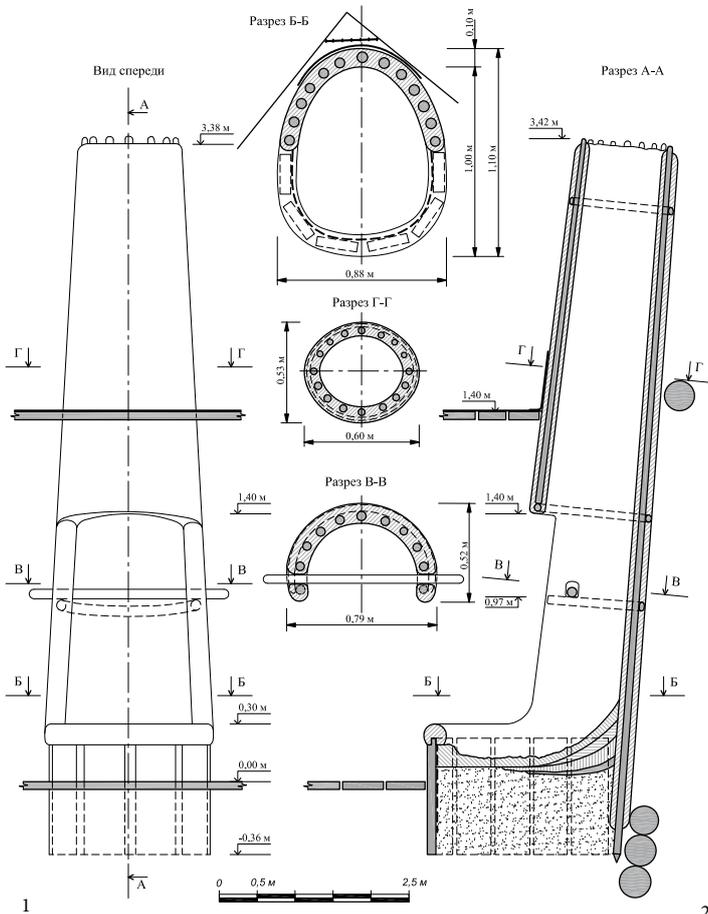
5

1–3. Городец Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс: Остатки деревянных горизонтальных элементов основания наружных фортификационных сооружений со следами пожара (участок Я–А²/44, уровень 44,70 м). Фото. Вид с северо-запада; 2. Городец Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Остатки сгоревших деревянных элементов основания наружных фортификационных сооружений: сопряжение горизонтальных и вертикальных конструкций (участок С–У/45–46, уровень 44,70 м). Фото. Вид с северо-запада; 3. Городец Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Сгоревшие конструкции основания фортификационных сооружений: сопряжение горизонтальных и вертикальных конструкций (участок С–Т/45, уровень 44,70 м). Фото. Вид с северо-запада

4. Городец Монкысь урий. Архитектура. Внешний вид. Реконструкция по материалам археологических и историко-архитектурных исследований. Архитектор С.А. Липс

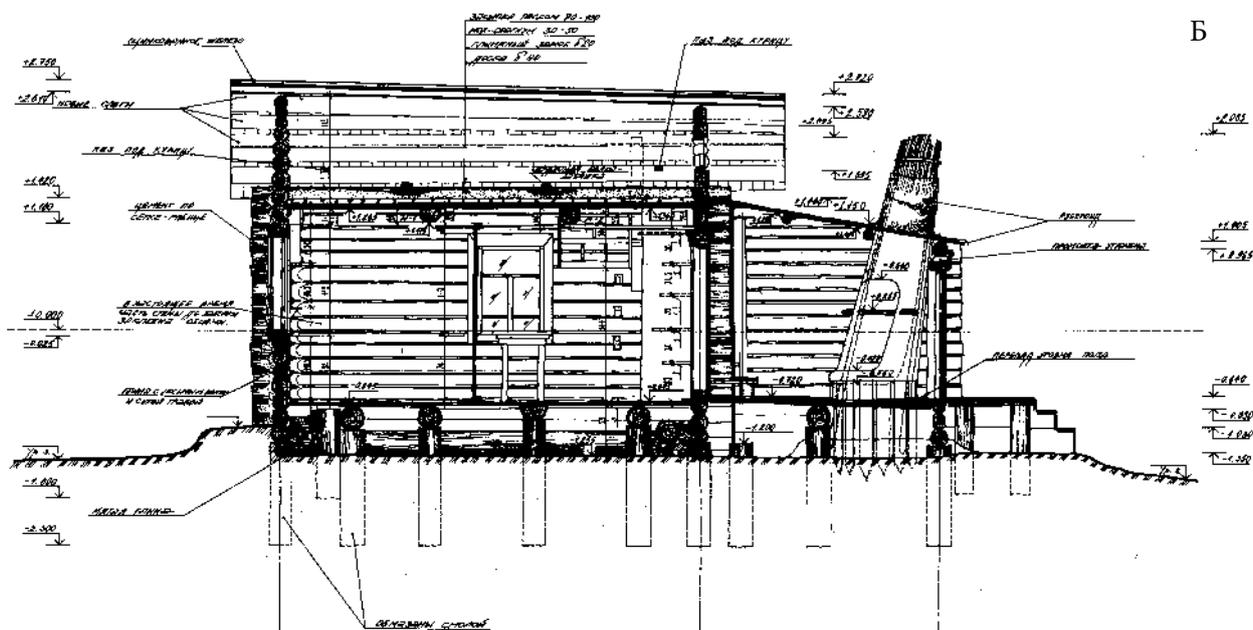
5. Этнографические аналоги архитектурным сооружениям городка Монкысь урий: А – якутская юрта-балаган [Ополовников, Ополовникова. 1998. С. 302]. В – якутская юрта-балаган [Ополовников, 1983. Рис. 40]. Г – якутская юрта-балаган, «немецкий» угол [Там же. Рис. 41]. Музей под открытым небом в поселке Черкёх [Там же.]. А, В, Г – фото

МОНКЫСЬ УРИЙ – ГОРОДОК XVI-XVII ВЕКОВ на реке Большой Юган

1. Этнографические аналогии архитектурным сооружениям городка Монкысь урий. Юрты Пунси на оз. Большое Каюково. Чувал в прирубке дома Е. Д. Каюкова: А – чувал в интерьере (фото К. Г. Карачаров, 1993 г.). Б – чувал в интерьере прирубка дома Е. Д. Каюкова. Обмеры архитектора Н. А. Митиной [Кардаш, А-2002, граф. прил. 13]

2. Этнографические аналогии архитектурным сооружениям городка Монкысь урий: Л – печь-камелек в юрте-балагане. Музей под открытым небом в поселке Черкёх [Ykt.ru. Путешествия по Якутии]

3. Этнографические аналогии архитектурным сооружениям городка Монкысь урий. Юрты Пунси на оз. Большое Каюково. Чувал в прирубке дома Е. Д. Каюкова. Обмерный чертеж. План, вид спереди, разрезы. М 1 : 50. Обмеры архитектора Н. А. Митиной, полевые материалы 2001 г. (слева)

4

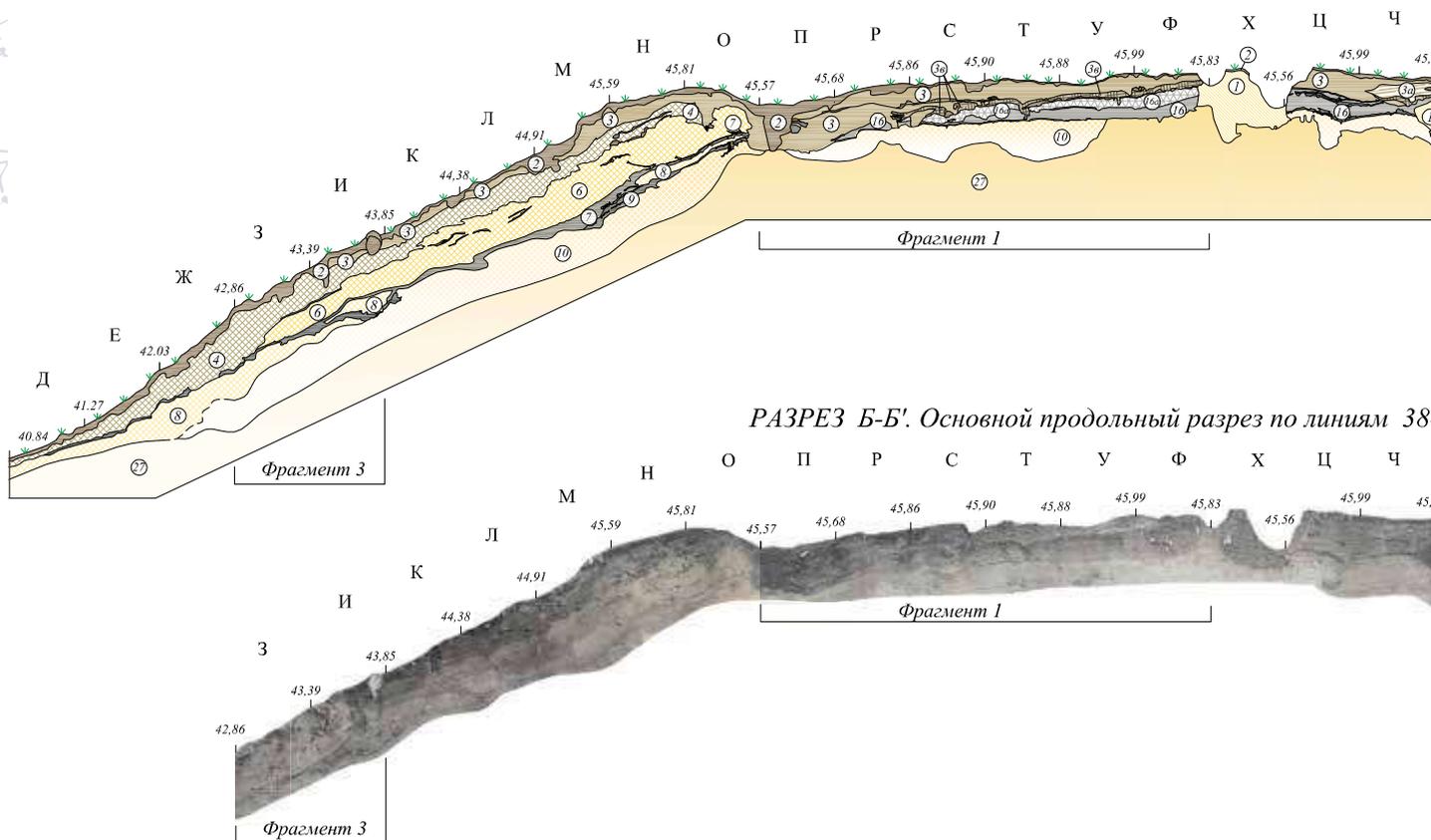

5

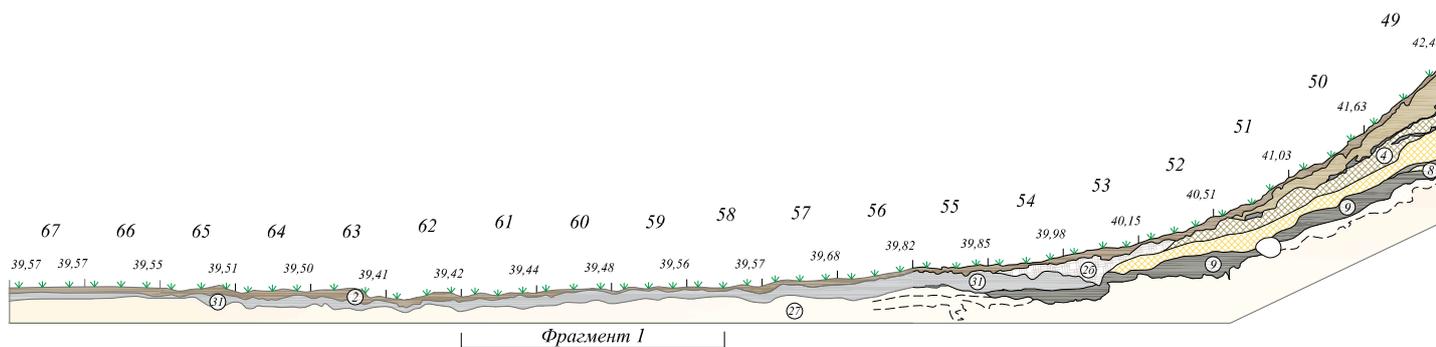
4–5. Городец Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.9.2: 3 – чувал. Фото. Общий вид с юга; 4 – чувал. Стратиграфический разрез 24–24 по линии 39/Б”. Фото. Вид с юго-востока

МОНКЫСЬ УРИЙ – ГОРОДОК XVI–XVII ВЕКОВ на реке Большой Юган

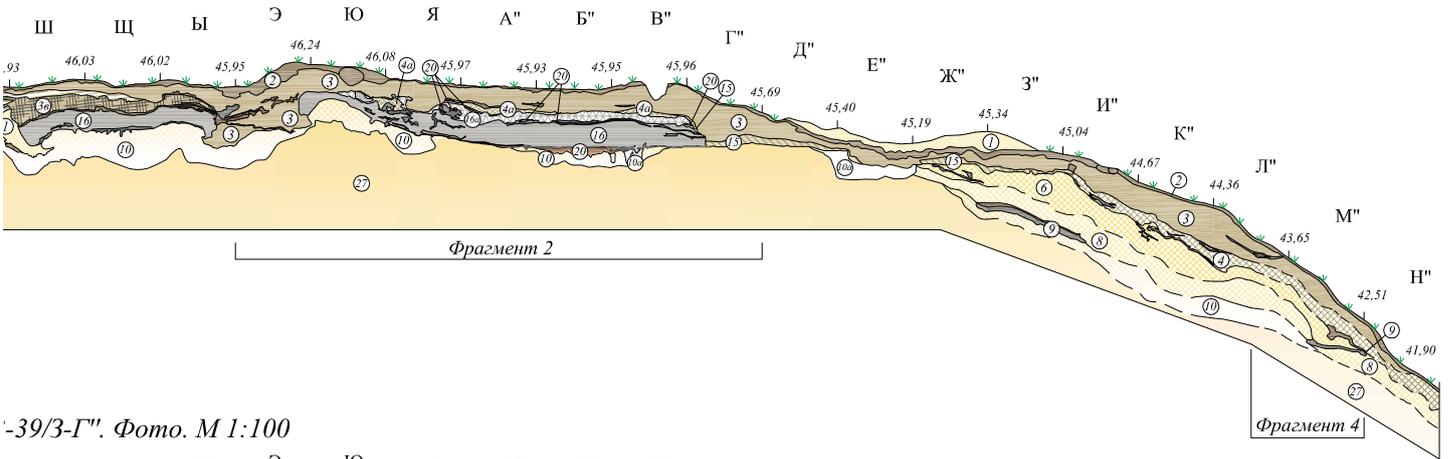
РАЗРЕЗ Б-Б'. Основной продольный разрез по линии 38-39/Д-Н". М 1:100

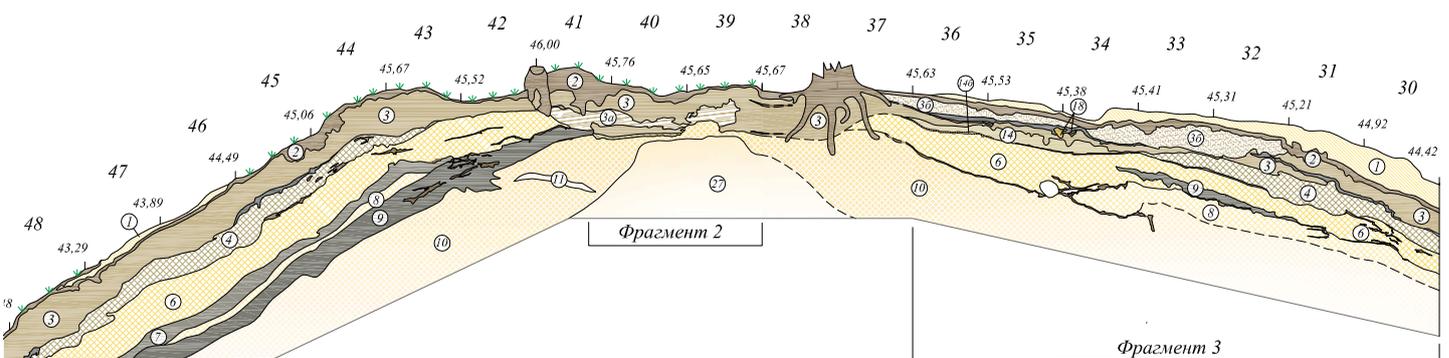
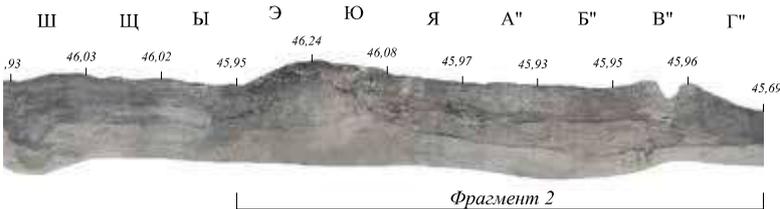
РАЗРЕЗ В-В'. Основной поперечный разрез по линии Р/70-30. М 1:100

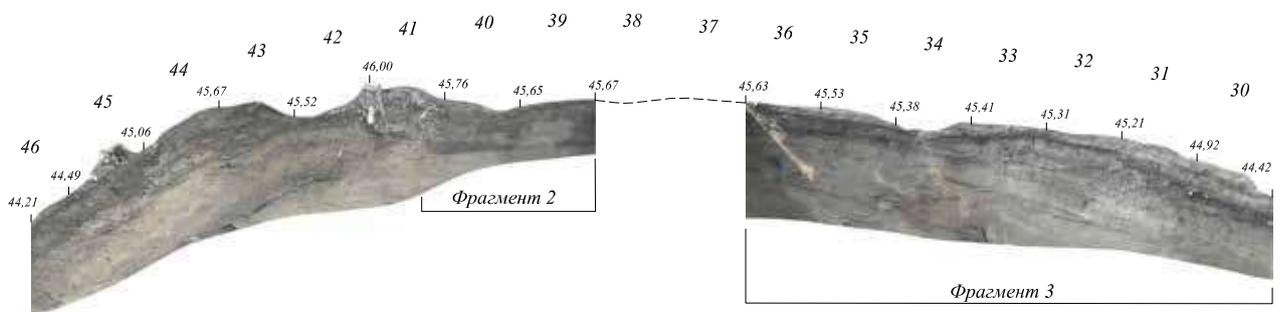
1. Городок Монкысь урий. Генеральные стратиграфические разрезы оборонительно-жилого комплекса. Продольный стратиграфический разрез Б-Б' по линии 38-39/Д-Н". Поперечный стратиграфический разрез В-В' по линии Р/70-30. Чертежи, фото. М 1 : 100

-39/3-Г''. Фото. М 1:100

РАЗРЕЗ В-В'. Основной поперечный разрез по линии Р/36-30. Фото. М 1:100

1

2

1. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Постройка № 2.9.2. Стратиграфический разрез 26–26 по линии 39/Я–Б”, стратиграфический разрез 25–25 по линии Б”/39–40. Фото. Общий вид с юга

2. Городок Монкысь урий. Оборонительно-жилой комплекс. Остатки обгоревших деревянных конструкций кровли (участок Ю–Я/37–38, уровень 45,80 м). Фото. Вид с северо-запада

кровлю, как это было в случае с центральной опорной стеной городка *Монкысь урий*. Конструктивное решение наружных стен этого укрепления также является оригинальным по сравнению с тем же городком Бухта Находка, где по всему периметру – от основания до кровли – стена была обложена торфо-дерновыми брикетами. В городке *Монкысь урий* грунтом и «дерном» было укреплено только основание стен (возможно, до середины их высоты) по периметру оборонительно-жилого комплекса. Основным же элементом защитного пояса являлись сами стены, сооруженные из вертикально установленных бревен, плах и жердей. В стенах оставлены

вертикальные проемы, которые служили вентиляционными и световыми окнами, а также бойницами – в случае нападения на городок.

Совокупность всех оригинальных элементов городка дает нам единственный инновационный вариант существования подобной архитектуры на данной территории. Мы можем говорить о появлении новых архитектурных традиций, наиболее близкими которым мы находим домостроительные традиции дошедших до нашего времени якутских балаганов.

ГЛАВА 3 / CHAPTER 3

ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ / MATERIAL CULTURE OF THE MONKYS' URI TOWN

Имеющийся в нашем распоряжении комплекс предметов является важнейшим источником по культуре и истории населения изучаемого археологического памятника. Анализируя эти артефакты, исследователь в первую очередь определяет культурно-хронологическую принадлежность объекта исследований, моделирует и воспроизводит историческое прошлое, исследуя основные аспекты жизнедеятельности общества, оставившего этот городок.

В этой главе даны обобщающие характеристики найденных предметов, более подробное описание аспектов анализа находок, таких как метрические характеристики, место нахождения, отличительные особенности и аналогии, изложено в монографии 2015 г. [Кардаш, Визгалов, 2015]. Здесь же представлено описание наиболее значимых находок. Общее количество предметов коллекции городка Монкысь урий, собранной за все годы исследований, составляет около 3190 предметов, не считая примерно такого же количества оловянных и стеклянных бисерин.

КОСТЮМ: ОДЕЖДА, ОБУВЬ, УКРАШЕНИЯ

Артефакты, связанные с костюмом жителя городка Монкысь урий и его украшениями, представляют собой довольно многочисленную группу – 779 экз. (ок. 22 %), не считая порядка 3,5 тыс. бисерин из олова и стекла. Тем не менее о самой одежде и обуви по археологическим материалам мы можем сказать немного, кроме того, что она была.

В коллекции имеется только три небольших лоскута суконной цветной ткани. Благодаря данным находкам можно констатировать следующее. Во-первых, наличие у некоторых жителей поселка одежды из сукна. Во-вторых, лоскутки подобной суконной одежды встречаются в культурных слоях археологических памятников Крайнего Севера Западной Сибири, начиная с XIII века [Кардаш, 2010. С. 23–24. Рис. 29 – 5, 6].

Нательные съёмные украшения

В рамках данной функциональной группы достоверно определены наголовные (очелья, височные

1. Прототип орнаментальных композиций из олова. Нашивные (накладные) крестовидные и округлые пластины с отверстием в центре 2–8. Плоская ажурная подвеска из олова, птероморфная – в форме стилизованного тетерева (2–5) и их графические аналоги из письменных (документальных) источников (6–8): Тамга «тетеря»: 6 – лучших людей Юганской Подгородной волости 1692 г. [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1299. Л. 23 об., 24 об.]; 7 – сотников Юганской Подгородней (Балыкской) волости Василия Печина и Ивана Каркатеева в реестре 1802 г. [ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 2. Л. 358]; 8 – жителей р. Большой Балык Сарантеевых и Мумраковых 1914 г. [ТФ ГАТО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 29. Л. 1, 8 об.]
9. Плоская ажурная зооморфная большая цельнолитая подвеска
10. Элемент декора центрального медальона женского ритуального пояса – ворона

кольца, серьги) и наручные украшения (браслет, перстень, кольцо), которые носились непосредственно на теле человека.

Очелья. Данные изделия, обычно сложносоставные, представлены в нашей коллекции только подвесными деталями – **привесками и цепочками**, изготовленными из серебра.

Привески – 4 экз. Три из них – птицевидные, в форме плывущих уток или гусей. Две фигурки идентичные: объемные, полые, выполнены в технике басмы из двух спаянных между собой половинок. Нижняя часть шеи и свернутые крылья птиц покрыты рельефным орнаментом, иных декоративных элементов нет. Каждая привеска крепилась к основе очелья при помощи серебряной **цепочки**, присоединенной к ушку, расположенному между спиной и шейкой утки. Одна цепочка собрана из крупных плоских сомкнутых звеньев в две проволочные нити. Звенья имеют вид восьмерки, соединение подвижное. На конце одной цепочки находится кольцо, которое, вероятно, крепилось к основе – кольцу очелья. Вторая цепочка фрагментирована, имеет сложное плетение, которое по современной ювелирной типологии имеет название «Бисмарк».

11–12. Полюе эллипсоидные, большого размера, с декором, придающим изделию форму желудя, плода или цветочного бутона
 13. Полюе ассиметрично-эллипсоидные, грушевидной формы (или в виде цветочного бутона), декорированные, большого размера
 14. Полюе эллипсоидные бусины-пуговицы с декором (по В. И. Семеновой [2005. С. 82. Рис. 52 – 1])
 15. Деталь очелья – серебряная привеска в форме птицы на цепочке
 16. Височное серебряное кольцо из погребения № 3 в постройке № 3.5(6) [Семенова, 2005. С. 37];
 17–18. Височные серебряные кольца из погребения № 1 в постройке № 1 (найлены сцепленными между собой [Семенова, 2005. С. 41])
 19. Деталь очелья – серебряная цепочка
 20. Деталь очелья – серебряная привеска в форме птицы

Четвертая привеска – в форме рыбы с фрагментом цепочки из крупных сомкнутых звеньев – соединена с серебряной полусферой. Рыбка декорирована «резной» кривой сеткой, полусфера снаружи по краям – пирамидками-треугольниками из зерни.

Фрагмент еще одной цепочки – длиной 10,5 см, сплетенной из тонкой серебряной проволоки [Семенова, 2005. С. 65], – найден в котловане постройки № 2.5(6), на полу центрального углубления, близ погребения № 3. Возможно, эта цепочка также служила для крепления привесок к налобной пластине очелья.

Цепочки с привесками относятся к так называемым «шумящим» подвескам.

В XV веке на Севере появляется новый тип серебряных очелья – с основой в виде широкой пластины. Важным хронологическим признаком этих украшений является наличие нескольких (10–15 шт.) привесок в форме птиц и рыб. Привески подвешивались на серебряные цепочки, концы которых прикреплялись к отверстиям, находящимся в центральной части пластины очелья. Каждое отверстие декорировалось серебряной полусферической накладкой, украшенной в технике зерни и

1. Серьги из медной проволоки в виде кольца с декорированным стержнем (в форме «знака вопроса»)
 2. Привеска к серьге (?) из меди и хрусталя (кварца)
 3. Фрагмент медной серьги в виде кольца с декоративной пластиной

скани. Известно восемь целых очелий такого типа. Наиболее близкое по месту находки и хронологии происходит из погребения 195 могильника Усть-Балык, расположенного в низовьях реки Большой Балык [Семенова, 2001. С. 80. Рис. 18]. Судя по условиям нахождения привесок от очелий, попали они в культурный слой городища в результате естественной утраты в разное время. Совершенно очевидно, что данный тип украшений был в составе некоего статусного костюма. Причем, вероятнее всего, не одной женщины, проживавшей в этом городке. В целом же данные находки позволяют подтвердить высокий статус не только отдельных лиц Монкысь урия, но и поселка в целом.

Височные украшения (кольца, подвески) – 9 экз. Основная функция данных колец и подвесок – височных украшений – хорошо известна по условиям их нахождения в женских погребениях многих средневековых могильников, изученных раскопками, и не вызывает сомнений [Семенова, 2001. С. 81. Табл. 50; Чемякин, Карачаров, 2002. С. 51, 54. Рис. 16 – 15, 19, и др.]. Вместе с тем известны случаи их употребления в качестве наконечных украшений – наконечников, в том числе мужских [Карачаров, 2001. С. 30–41. Рис. 6–17]. В любом варианте данные предметы входили в группу наголовных украшений.

По материалу их можно разделить на две группы: оловянные и серебряные.

Бусина-пронизь¹, декорированная сканью и зернью, – 1 экз. Представляет собой фрагмент поллой серебряной с позолотой бусины, декорированной припаянными треугольниками зерни и жгутами скани, опоясывающими нижнюю часть бусины и ее устье.

Серьги – 16 экз. Изготовлены из меди, олова, камня и стекла. Их главный элемент – большое разомкнутое металлическое кольцо, украшенное декоративными элементами (элементом). По конструкции и форме декоративного элемента данные изделия подразделены на два типа:

Серьги в виде разомкнутого кольца с декорированным бусинами стержнем (серьги в форме знака вопроса) – 7 экз. Широкое распространение данный тип серег в разных вариантах получает в период развитого средневековья со второй половины XIII – начале XIV века на многих территориях центра и севера Евразии, включая Восточную Европу, Южный Урал, Казахстан и юг Западной Сибири [Степи Евразии..., 1981. С. 198, 222. Рис. 72 – 96–98; 89 – 115, 116]. Серьги, наиболее близкие по форме и конструкции обнаруженным на городке Монкысь урий, также найдены при раскопках Мангазеи [Белов, Овсянников, Старков, 1981. С. 47. Табл. 49 – 6, 7].

Серьга в форме кольца с декоративной пластиной – 1 экз. Изделие плоское, литое, вероятнее, из сплава меди и олова (?). Изделие имеет сложную форму: к плоскому разомкнутому кольцу диаметром 1,8 см снизу примыкает фигурная пластина (щиток) в виде совмещенных малого круга и большого овала, снабженных симметричными выступающими декоративными «ответвлениями». Пластина украшена двумя припаянными кольцами – малым и большим, которые могли служить кастами под стеклянные вставки. По контуру нанесен узор из мелких «перлов».

Бусины-подвески (хрустальные?) – детали сережек? – 5 экз. Представлены одним целым изделием и пятью фрагментами. Целая бусина – овального сечения с граненой треугольниками поверхностью – нанизана на металлический

¹ «Пронизь» – слово женского рода, обозначающее бусину или бисерину с отверстием для нанизывания либо украшение, нитку из таких бусин и бисера [Даль, 1882. С. 514–515; Ефремова, 2000. С. 844–845]. Термин считается устаревшим, но, несмотря на это, он имеет однозначную смысловую трактовку. Это обстоятельство отличает его от часто используемого археологами термина – «пронизка», имеющего два смысловых значения: действие (глагол) и синоним слова «пронизь». Считаю, что в данном сочетании логичнее использовать термин «пронизь», что будет наиболее точно отражать форму и конструктивные особенности данного предмета и ему подобных.

(медный?) стержень, который вверху имеет петлю, а внизу снабжен конусообразным фиксатором [Кардаш, 2013б. С. 140. Рис. 3.12 – 9]. Данное изделие является частью более сложного украшения, например, серьги. Тем не менее нельзя исключить, что это составная часть какого-то другого нательного или шейно-нагрудного украшения.

Стеклянные бусины-пронизи – детали сережек – 2 экз. Бусины со сквозным отверстием изготовлены из непрозрачного светло-голубого стекла (стеклянной пасты). Бусы из голубого, темно-синего, молочно-желтого, белого и разноцветного стекла в большом количестве обнаружены в слоях конца XVI – начала XVIII века в Надымском городке [Кардаш, 2009. С. 141; 2013а. С. 141]. Немного голубых и молочно-белых бус (13 экз.) собрано на синхронном памятнике Крайнего Севера Сибири – Полууйском мысовом городке [Кардаш, 2013б. С. 176].

Перстни – 9 экз. По материалу подразделяются на две группы: бронзовые и оловянные.

Группа 1. Бронзовые перстни. Представлена только одним предметом.

Тип 1. Перстень с круглым щитком. Изделие цельнолитое. Щиток овальный с гравированным изображением дракона с трезубцем – геральдическим знаком, аналогичным родовому знаку Рюриковичей. Шинка перстня овального сечения, шириной 0,3 см, с ребром на внешней стороне и рельефным орнаментом (типа «кошечки») на участках, примыкающих к щитку. Подобные бронзовые перстни с круглым или овальным плоским щитком, на котором размещалось гравированное изображение, получают широкое распространение на севере Сибири с конца XVI века. Здесь они известны по находкам на большой серии археологических памятников, как русских, так и аборигенных, в том числе на таких как Мангазея и Надымский городок [Порфиридов, 1951. С. 153–154, 244. Табл. XIV – 1–7; Белов, Овсянников, Старков, 1981. – С. 47–48. Рис. 8 – 1–3; Кардаш, 2013б. С. 140–141. Рис. 3.12 – 28–32].

Группа 2. Оловянные перстни. Данная категория предметов подразделяется на четыре типа, различающихся по форме щитков: перстень с круглым кастом под кобашен, перстень с восьмигранным щитком, перстень с шестигранным щитком и перстень с четырехгранным (квадратным) щитком (1 экз.). Аналогичные украшения найдены в слое конца XVI – начала XVIII века Надымского городка [Кардаш, 2013б. С. 141. Рис. 3.10 – 38].

В коллекции имеются также 3 фрагмента браслетов, изготовленных из бронзы, литых, орнаментированных.

Кольцо – 1 экз. Целое **бронзовое кольцо** в форме обруча, сечение которого близко к сегменту.

Съемные шейно-нагрудные и поясные украшения, многофункциональные украшения костюма

К этой группе изделий относятся украшения одежды, а также предметы, которыми в том или ином виде декорировали костюм. В данном разделе охарактеризованы различные типы полифункциональных украшений, точное назначение которых установить сложно.

3, 3а. Перстень щитковосрединный из бронзы

4. Обломок браслета из белой оловянистой бронзы

5–7. Ворона – элементы декора центрального медальона женского ритуального пояса

В любом случае, это изделия, которые были предусмотрены для декора самой одежды или ее элементов (бусины-пронизы, бусины-пуговицы, бисер), и те, что носились поверх одежды (шейно-нагрудные украшения, пронизки, подвески и детали поясной гарнитуры).

В этом же разделе, как отдельную хронологическую группу, мы рассматриваем украшения XIII–XIV веков, причем вне зависимости от близости их форм к некоторым изделиям XVI – начала XVII века. На наш взгляд, они представляют некий реликтовый элемент, который продолжал использоваться в составе более позднего костюма.

По форме, способу крепления к одежде и возможному изначальному предназначению мы разделили предметы этой группы на три категории.

Первая категория – бусины. Последние представляют собой относительно многочисленную и разнообразную категорию изделий. Такие объемные украшения одежды, как бусины, по способу крепления можно разделить на две основные группы:

- бусины-пронизы, то есть изделия со сквозным отверстием для крепления;
- бусины-пуговицы, изделия с ушком (петлей) для крепления.

Бусины-пронизы использовались не только для украшения одежды. Чаще всего они входили в состав сложносоставных, в том числе так называемых «шумящих», украшений – головных, косных, шейно-нагрудных (с нашивными бусинами или бисером), поясных, а также выступали как элемент височных колец.

Бусины-пуговицы, имевшие петлю для подвешивания, как и бусины-пронизы, являлись полифункциональными украшениями. В отличие от подвесок, они были более универсальными. При этом многие разновидности таких бусин, особенно крупные формы, спустя некоторое время после своего появления перестали использоваться собственно как пуговицы и производились исключительно для украшения одежды.

Бусины-пронизы. По размеру и способу использования подразделяются на бисер (бусины диаметром до 0,3 см) и собственно бусины (диаметром до 2,5 см). По-

следние по причине малочисленности отнесены нами к деталям составных украшений – серег – и охарактеризованы выше. Бисер по материалу подразделяется на стеклянный и металлический.

Бисер стеклянный – 160 экз. В коллекции бисер шарообразной формы, диаметром около 0,2–0,3 мм, белого (141 экз.), зеленого (13 экз.) и голубого (19 экз.) цветов. Основная часть его лежала в женской сумке для рукоделия.

Бисер металлический. Количество его не установлено. Общий вес составляет около 700 г. Бисер из олова имеет форму, близкую к цилиндрической, и диаметр 0,2–0,3 см. Часть бисера хранилась в женской сумке.

В целом же находка большого количества бисера, как металлического, так и стеклянного, является неординарным случаем для археологического памятника таежного Приобья. Единичные бисерины изредка попадаются в погребальных и поселенческих комплексах данного региона. Между тем такого количества бисера на других памятниках XVI–XVII веков севера Западной Сибири пока не найдено. Данное обстоятельство можно расценивать как признак высокого социального статуса жителей, в частности женщин, проживавших в городке *Монкысь урий*.

Бусины-пуговицы металлические с ушком-петлей относятся к универсальной категории украшений. По металлу они подразделяются на три группы: медные, серебряные и оловянные.

Группа 1. Бусины-пуговицы из серебра – 2 экз. Представлены одним типом изделий: многогранные бусины (2 экз.). Прямых аналогий им нам не известно. Тем не менее, судя по форме и размерам, эти предметы изначально использовались в качестве пуговиц и пришивались к суконной одежде. Изделия явно импортного производства. Скорее всего, они были оторваны от какой-то верхней одежды (однорядка, кафтан) и впоследствии утеряны.

Группа 2. Бусины-пуговицы из меди – 14 экз. По форме подразделяются на два типа.

Тип 1. Бусины-пуговицы в форме эллипсоида (плоскокрыжовника) – 13 экз. Изделия полые, снабжены

1–3. Полые бусины-пуговицы в форме эллипсоида («крыжовника»)

4–5. Полые бусины-пуговицы в форме объемного многогранника (неправильного икосаэдра)

6–12. Полые шарообразные бусины-пуговицы малого размера без декора

ушком в верхней части, декорированы насечками, формирующими ребристую поверхность, а также маленьким шариком на конце.

Широко распространены на севере Западной Сибири [Чиндина, 1975. С. 70. Табл. 10, 12, 14; Зыков, Кокшаров, 2001. С. 171–177. Рис. 51–79; и др.].

Тип II. Сферические бусины-пуговицы – 1 экз. Изделие цельнолитое. Имеет форму шарика, снабженно петлей, причем относительно большой.

Медные полые сферические бусины без декора периодически встречаются на севере Западной Сибири в комплексах развитого и позднего средневековья. В частности, они были найдены в слоях конца XVI – начала XVIII века Надымского городка [Кардаш, 2013а. С. 142]. По всей видимости, эта и подобные бусины-пуговицы имели импортное происхождение и попадали в регион вместе с суконной одеждой.

Группа 3. Бусины-пуговицы из олова – 219 экз. Одна из самых многочисленных групп данной катего-

мы и декору среди них можно выделить три основных подтипа.

Первый подтип – шишковидные – 105 экз. Изделия имеют форму асимметричного эллипсоида, сужающегося к нижней части. Поверхность всех бусин ребристая, верхняя часть – у петли – покрыта выпуклыми «чешуйками», спускающимися несколькими ярусами.

Второй подтип – ореховидные – 9 экз. Изделия имеют форму четырехгранного эллипсоида с уплощенными гранями, разделенными четырьмя вертикальными ребрами. Сверху тела бусины-пуговицы припаяна петля, снизу – маленький шарик. Изделия украшены растительными розетками, напоминающими так называемые орнаментальные «волюты».

Третий подтип – грушевидные (бутоновидные) – 27 экз. Имеют форму асимметричного эллипсоида с расширением нижней части. В горизонтальном сечении – шестигранные, с поперечным ребром в нижней трети. Сверху тулова припаяна петля, снизу выступает

13–14. Бисер из цветного и белого стекла из кожаной сумки (кв. Ц/42, ур. 44.91 м) (в сумке – 166 стеклянных бисерин, в том числе: 137 – белых, 13 – зеленых, 16 – голубых)

рии украшений костюма. Из указанного числа 40 – это фрагменты или оплавленные предметы. По геометрической форме и особенностям декора подразделяются на три основных типа.

Тип I. Сферические (шаровидные) – 40 экз. По размерам, технологии изготовления и элементам декора составляют три подтипа: малые – 22 экз., средние – 15 экз., большие – 3 экз.

Привозные сферические полые медные бусины без декора, с простейшим «рифленным» орнаментом и без такового периодически встречаются на севере Западной Сибири в комплексах развитого и позднего средневековья. В частности, они были найдены в слоях конца XVI – начала XVIII века Надымского городка [Кардаш, 2013а. С. 142], а также в погребениях и культовых комплексах известного Сайгатинского IV могильника XI–XV (XVI?) веков [Челякин, Карачаров, 2002. Рис. 19 – 8; Борзунов, Корочкова, Стефанов, 2011. Ил. 24 – 3, 4].

Тип II. Эллипсоидные (в форме древесного плода или цветочного бутона) – 158 экз., включая 40 фрагментов. Предметы данного типа объединяют единая технология производства и конструкция. Все они изготовлены из оловянных литых элементов, спаянных между собой. Подвески полые. По особенностям фор-

мишечка на стерженьке. Изделия сильно корродированны. Тем не менее на поверхности просматривается мелкий, едва различимый рельефный орнамент в виде сетчатых кругов и псевдошнура, спускающегося по ребрам и между ними. Бусины сходны как с плодом груши, так и с цветочным бутонем. В. И. Семенова предположила, что данное растение было близко тюльпану.

Форма данных изделий, технология их изготовления, орнаменты не оставляют сомнений, что они являются продукцией европейских производственных центров. Тем не менее точные аналогии таким изделиям нам пока не известны.

Вторая категория – пластинчатые (плоские) подвески из олова (либо сплава на основе олова).

Тип I. Подвески оловянные орнитоморфные, в форме лапки водоплавающей птицы («лапчатые») – 12 экз. Представляют собой плоские ажурные отливки из олова, с литым рельефным декором на лицевой стороне. Изделия имитируют перепончатую лапку водоплавающей птицы – скорее всего, гуся либо утки, гагары, лебедя (?).

«Лапчатые» подвески из олова являются относительно редкой находкой. Прямых аналогий им известно немного. Это артефакты, обнаруженные в слое XVII – первой трети XVIII века Надымского городка,

но и там их известно только две [Кардаш, 2013а. С. 140. Рис. 3.10 – 26, 29].

Тип II. Подвески оловянные орнитоморфные, в форме геральдического изображения птицы – 22 экз. (рис. 1–5). Каждая из них представляет собой плоское ажурное схематическое изображение птицы (возможно, тетерева) в геральдической позе: в фас с распростертыми крыльями и ногами. Голова птицы выполнена в виде ромба с таким же отверстием посередине. По бокам вытянутого овального тела симметрично расположены крылья и ноги, снизу – раздвоенный волутообразный хвост. На лицевой стороне изделий – рельефный орнамент.

Нам известны только две сходные подвески данного типа, которые найдены на одном из разграбленных памятников в районе деревни Согом Ханты-Мансийского района ХМАО. Они практически идентичные (парные) и от наших изделий второго типа отличаются только более вытянутыми пропорциями и подтреугольной верхней частью с округлым отверстием [ср.: Зайцева, Кузина, 2014. Ил. 2 – 35, 36].

Из всех таежных животных и птиц, которые могли бы послужить прообразом данных фигурок, наиболее вероятен тетерев, особенно – по форме хвоста. Кроме того, на наших фигурках птица изображена не в профиль, как большинство водоплавающих, а в плане: «в полете», «жертвенной позе» или в условной геральдической. Мы полагаем, что это не случайно. Особо подчеркнем семантическое и сакральное значение данного вида птицы. Дело в том, что тетерев изображался в виде тамги («тамга тетерея»), родового или кланового знака «лучших людей» – глав общин («сотников») населения Юганской Подгородней (Балыкской) волости, в которую входили бассейны Большого и Малого Балыка, нижнее течение Большого Югана, а также отрезок Оби близ г. Сургута [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1299. Л. 23 об.]. Как известно из фольклорных источников, родной местной героини Тоньи (Таньи, Тонемы, Танги) была река Балык. Более того, согласно преданию, в момент гибели Тоньи его душа покинула тело в виде «черного косача» – тетерева. Связь главного персонажа героического предания и сакрально-символического образа тетерева именно с городком *Монкысь урий*, на наш взгляд, имела место и также не случайна.

Тип III. Подвески оловянные круглые – составляют небольшую группу украшений в форме плоского диска, снабженного сверху петлей для крепления. Отлиты в односторонних плоских формах.

Третья категория – плоские и объемные подвески из бронзы и меди. Данная категория выделена условно:

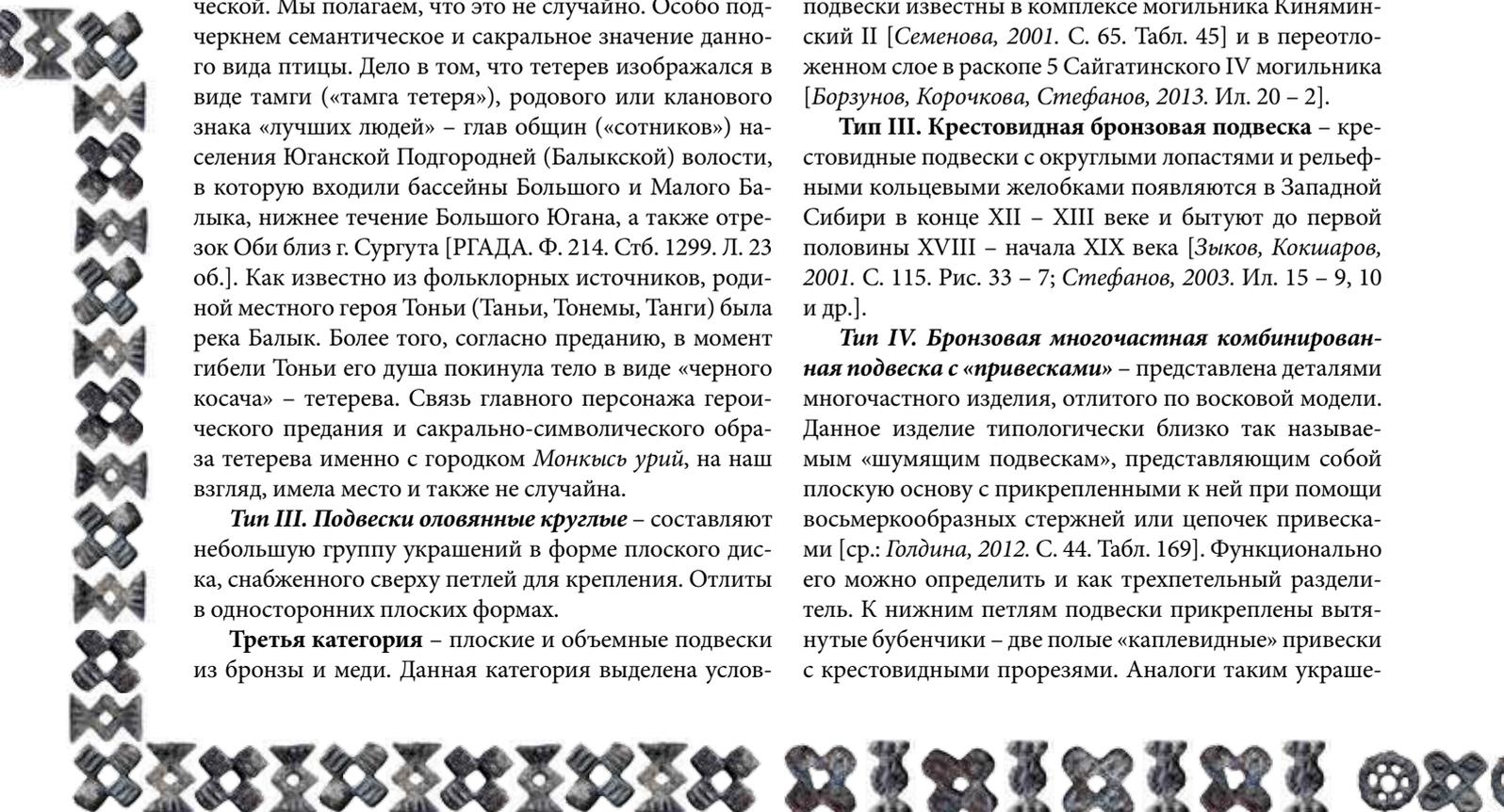
с тем чтобы рассмотреть в комплексе украшения развитого средневековья (XIII–XIV веков). Предметы этого периода из городка *Монкысь урий* немногочисленны, точнее, единичны. Тем не менее они довольно часто встречаются на культовых и погребальных памятниках таежного Приобья этого и более позднего времени. В нашей коллекции представлено семь типов таких украшений.

Тип I. Подвески, имитирующие лапку водоплавающей птицы («лапчатые») – одно изделие ажурное, с парными прорезями, два других – монолитные, но со следами литейных дефектов, имитирующих прорези. Отлиты из «белой оловянистой» бронзы в односторонних формах. Представлены фрагментами от нижней и верхней частей украшений. Судя по четким следам срезов на двух первых предметах, все подвески были сломаны преднамеренно, что характерно для многих вещей погребального инвентаря обских ургов.

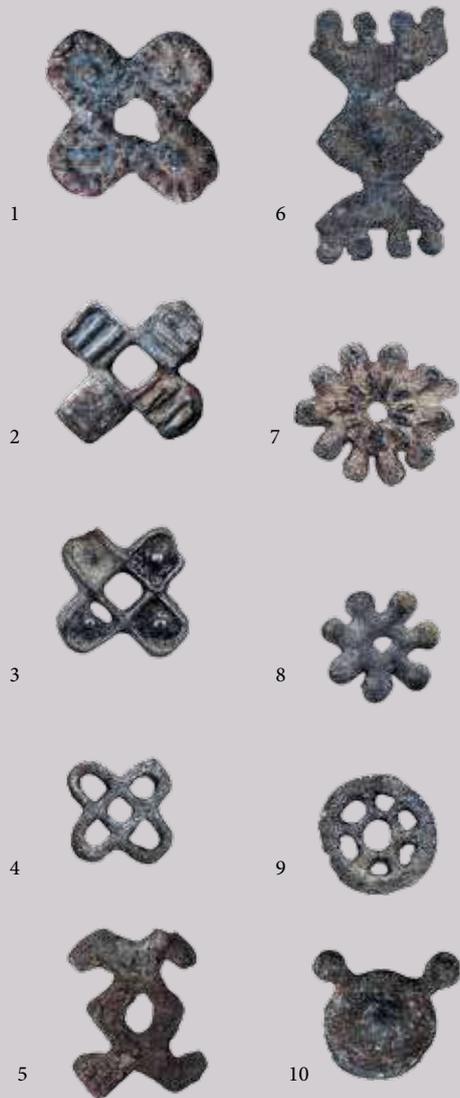
Тип II. Бронзовая круглая подвеска – представляет собой цельнолитое украшение, отлитое из «белой» бронзы в односторонней плоской форме. На внешней стороне изделия – рельефный орнамент. Нижняя – круглая – часть подвески украшена «жемчужиной», оконтуренной кольцевой канавкой, по краям – таким же валиком. Средняя, прямоугольная, часть изделия декорирована поперечными желобками. Вверху подвески – частично срезанная округлая петля. Подобные подвески известны в комплексе могильника Киньяминский II [Семенова, 2001. С. 65. Табл. 45] и в переотложенном слое в раскопе 5 Сайгатинского IV могильника [Борзунов, Корочкова, Стефанов, 2013. Ил. 20 – 2].

Тип III. Крестовидная бронзовая подвеска – крестовидные подвески с округлыми лопастями и рельефными кольцевыми желобками появляются в Западной Сибири в конце XII – XIII веке и бытуют до первой половины XVIII – начала XIX века [Зыков, Кокишаров, 2001. С. 115. Рис. 33 – 7; Стефанов, 2003. Ил. 15 – 9, 10 и др.].

Тип IV. Бронзовая многочастная комбинированная подвеска с «привесками» – представлена деталями многочастного изделия, отлитого по восковой модели. Данное изделие типологически близко так называемым «шумящим подвескам», представляющим собой плоскую основу с прикрепленными к ней при помощи восьмеркообразных стержней или цепочек привесками [ср.: Голдина, 2012. С. 44. Табл. 169]. Функционально его можно определить и как трехпетельный разделитель. К нижним петлям подвески прикреплены вытянутые бубенчики – две полые «каплевидные» привески с крестовидными прорезями. Аналоги таким украше-

1–10 – Нашивные (накладные) крестовидные (1–4) и фигурно-ромбические с отверстием в центре (5) и без такового (6), также округлые с отверстием в центре (7–9) и без такового (10); 7–8 – («лепестковые», «солярные»); 9 – (ажурные «солярные»).

ниям зафиксированы среди материалов ранних погребений могильника Усть-Балык, датирующихся XIII–XIV веками [Семенова, 2001. С. 71. Табл. 47 – 7; 59]. Сильно изношенные подобные изделия встречаются в более поздних комплексах, например, в слоях XVI – первой трети XVIII века Надымского городка [Кардаш, 2013а. С. 44, 208. Рис. 3.13 – 7, 8].

Тип V. Подвески-пронизки объемные бронзовые зооморфные – 3 экз.

Первое украшение – целое, выполнено из меди или бронзы невысокого качества в технике полого объемного литья: в двусторонней форме с сердечником. Является крайне стилизованным изображением зверя,

стоящего на земле – прямом горизонтальном постаменте. Вид животного установить не представляется возможным. Голова, спина и задние ноги животного соединены в полукруг, по бокам разделены прорезями. На дуговидной спине зверя – отверстие для подвешивания. Тело животного украшено узкими валиками, идущими вдоль края открытой полости и по центральной оси изделия, а также орнаментом типа «рубчик», повторяющим изгиб спины животного.

Вторая подвеска представлена небольшим фрагментом изделия, отлитого из хорошего качества «белой оловянистой» бронзы. Судя по срезам, предмет был распилен в древности намеренно.

Третья фигурка, обнаруженная в той же части городка, представляет собой цельнолитое миниатюрное изображение птицы неопределимого вида. Фигурка объемная, без прорезей, но на спине птички имеется вертикальное отверстие для крепления. Полость внутри фигуры отсутствует. Относительно реалистично переданы объем тела птицы, сложенные на спине крылья, хвост, клюв.

Зооморфные подвески-пронизки разных типов, отлитые из «светлой оловянистой» бронзы, характерны для таежных культур Западной Сибири первой половины IX – XII века [Басандайка..., 1947. Табл. 86; Зыков и др., 1994. С. 95. № 132]. В. И. Семенова датирует их XIII–XIV веками [2001. С. 75. Табл. 48 – 5, 10–12]. На поздних сайгатинских памятниках Сургутского Приобья встречаются – и в большом количестве – бронзовые изделия, аналогичные первому [ср.: Зыков и др., 1994. С. 97, 141, 142. №№ 140, 141; Чемякин, Карачаров, 2002. Рис. 20 – 12].

Тип VI. Подвеска-пронизка трубчатая – 1 экз. Бронзовое литое изделие имеет вид уплощенной трубочки с двумя обращенными книзу серповидными выступами по бокам. В целом данное изделие можно интерпретировать как крайне стилизованное зоо-орнитоморфное. Подобные птицевидные пронизки находят аналогии в погребальном инвентаре Ликинского могильника X–XIII веков [Викторова, 1973. Табл. XIII – 7], а также в погребениях XIII–XIV веков могильника Усть-Балык [Семенова, 2001. С. 72, 76. Табл. 48 – 19, 59].

Тип VII. Круглое плоскоконическое нашивное (накладное) украшение – 1 экз. Изделие бронзовое, литое, имеет форму уплощенного литого конуса, декор отсутствует. Лицевая сторона отшлифована. В полости оборотной стороны стержнем сформирован проем (петля) для крепления.

Тип VIII. Медная объемная подвеска – бубенчик – 3 экз. Бубенчик представлял собой полое шарообразное

1. Подвеска цельнолитая в виде фигурки птицы
2. Бронзовая пряжка
3. Деталь очелья – серебряная привеска в форме птицы на цепочке

изделие с уплощенной верхней и нижней частями, а также рельефным стыковочным швом в средней части. Предмет изготовлен из двух полусферических половин, спаянных между собой. К верхней крепилась петля, в нижней части имелась линейная прорезь, концы которой завершались круглыми отверстиями. Аналогичные изделия были широко распространены на севере Восточной Европы, в Прикамье и Западной Сибири в XII–XV веках.

Четвертая категория изделий: ременная (поясная) гарнитура. Составляет отдельную, но относительно малочисленную группу находок на городище *Монкысь урий*, относящуюся к съёмным украшениям костюма. Она представлена предметами двух групп.

Группа 1. Пряжки ременные – 4 экз. В коллекции имеется три изделия двух типов – в форме вертикального овала и прямоугольной рамки, а также отдель-

ный подвижный фиксатор ремня – кованый язычок из медного листа. Бронзовые пряжки в форме прямоугольной рамки, с декором или без него, появляются на севере Сибири с рубежа XVI–XVII веков. Они довольно многочисленны и встречаются на памятниках как русского, так и аборигенного населения [Белов, Овсянников, Старков, 1981. С. 47–48. Рис. 8 – 8; Кардаш, 2013а. С. 134. Рис. 3.1 – 15, 16].

Группа 2. Накладки ременные – 5 экз. Это объёмные полусферические накладки из медного листа с центральным отверстием для крепления к основе.

Нашивные (накладные) украшения одежды¹

Нашивные (накладные) ажурные металлические пластины из олова – 435 экз. Являются наиболее многочисленной группой нашивных элементов украшения костюма на данном памятнике. Их функциональное назначение не вызывает сомнения, поскольку имеются прямые этнографические аналоги. Даже нам, во время полевых сезонов в начале 1990-х годов, удалось зафиксировать факты, возможно, последние, изготовления и использования таких украшений местными ханты. Практически все данные украшения являлись так называемыми «элементами линейного декора» и служили для формирования или оформления бордюра. Их, в частности, использовали для украшения женской верхней одежды, пришивая по ее краям. В результате формировался орнаментальный фриз, в котором иногда чередовались разные варианты накладок.

Выделено два типа таких изделий с несколькими вариантами и разновидностями.

Тип I. Ажурные нашивные пластины в форме арки, предназначенные для точечного (локального) декора – 6 экз. Каждое из них – это украшение в виде ажурной подпрямоугольной отливки с двумя скругленными углами и выступом на противоположной стороне (возможно, остатком литника), оформленным в качестве декоративного элемента. Внутри контура арки располагалась ажурная орнаментальная композиция, в каждом случае – оригинальная. В двух случаях в его основе была ромбическая сетка, в двух других –

¹ В археологических исследованиях сложилась историографическая традиция украшения костюма в форме плоских ажурных пластин именовать *накладками*, очевидно, по причине отсутствия ярко выраженного крепления и вариативности использования. Возможно, в тех случаях, когда мы не имеем прямой аналогии функционального назначения и способа крепления, такой термин будет справедлив. Однако в нашем случае такие данные имеются. В контексте традиционного определения категорий украшений по способу крепления (например, для подвесок), на наш взгляд, правильнее представляемую группу предметов именовать также по способу крепления – *нашивки*. Использование термина «*накладки*» более справедливо в отношении украшений, которые наклеивались либо крепились иным способом к одежде и ее элементам. Вместе с тем мы не исключаем использование и последнего термина.

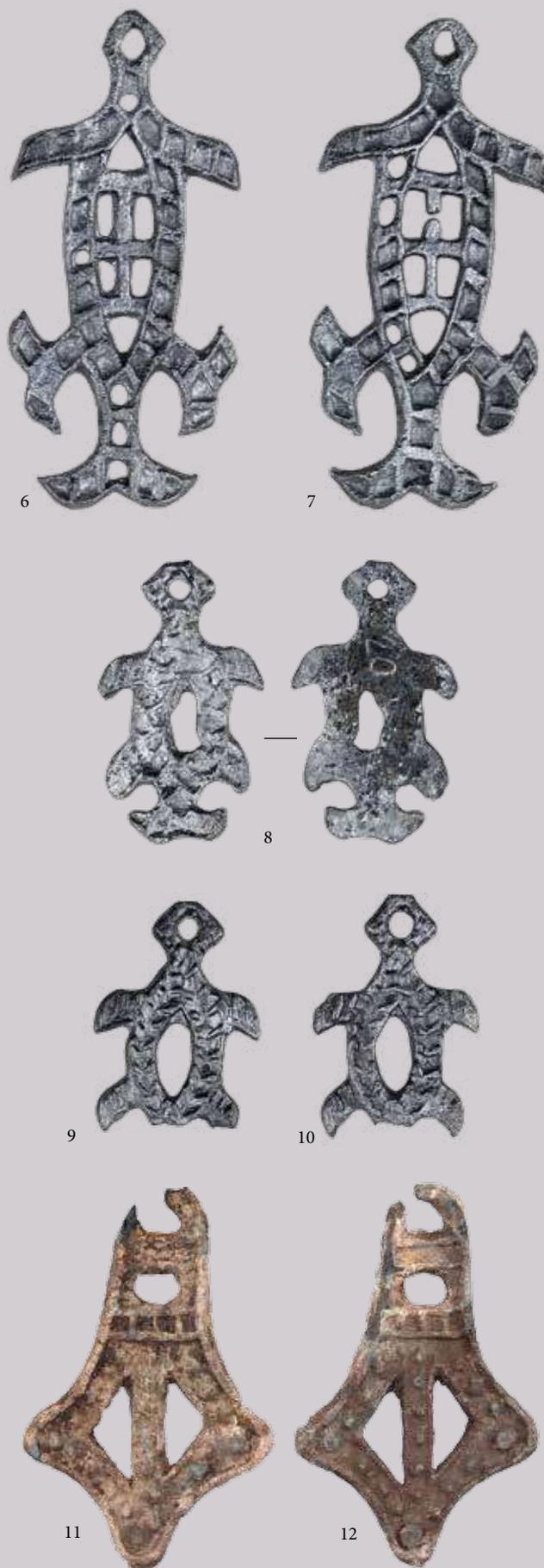
растительная (древовидный декор – «древо жизни»), а на остальных узор плохо различим либо отсутствовал вообще.

Тип II. Полиморфные нашивные пластины для формирования бордюров линейного декора – 429 экз. Каждое из них – это изделие в виде стандартной фигурной плоской отливки, иногда ажурной, с отверстием в центре. По форме и декору пластины подразделяются на три основных подтипа: крестовидные, фигурно-ромбические и «солярные».

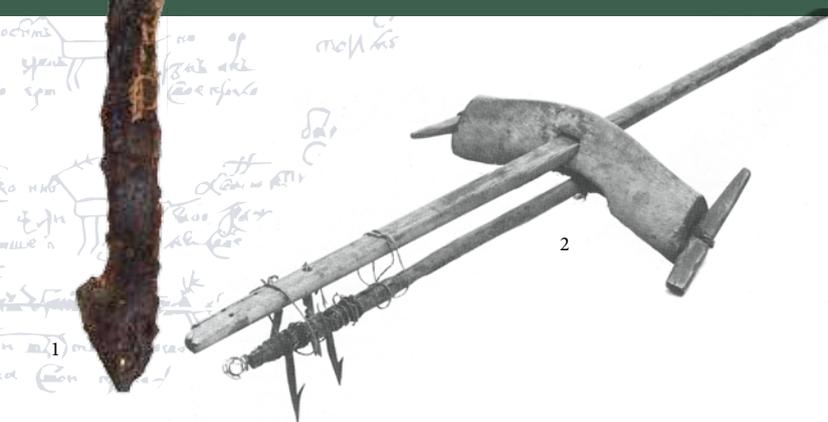
Массово украшения из олова различных типов, особенно вышеописанных форм, появляются на данной территории не ранее конца XVI века. Особо важен факт, что такие изделия – детали, предназначенные для создания орнаментальных или декоративных композиций, появляются в сформировавшемся виде и для конкретных орнаментов. Большая часть форм в неизменном виде просуществовала вплоть до конца XX века. Особо следует подчеркнуть, что ни украшения костюма такого типа, ни орнаментальные композиции из них не имеют в таежной зоне Западной Сибири более ранних (до XII–XIII веков) местных прототипов, тем более прямых аналогов. Бронзовые литые декоративные изделия, близкие по форме ряду оловянных украшений *Монкысь урия*, массово появляются в регионе лишь после XII–XIII веков. На наш взгляд, такая технологическая традиция – в сочетании с орнаментальной символикой – не имеет древних корней на севере Сибири. Мы полагаем, что она сформировалась на основе «европейской традиции» украшения костюма и была привнесена на территорию региона в готовом виде из Северо-Восточной Европы в последний период освоения региона Московским царством, то есть в конце XVI – XVII в.

4–5. Воропа – элементы декора центрального медальона женского ритуального пояса. Плоские ажурные нашивные (накладные) украшения.
6–10. Подвески птероморфные – в форме стилизованного тетерева (?): 6–7 – подтип 1; 8 – подтип 2; 9–10 – подтип 3
11–12. Подвески в форме лапки водоплавающей птицы («лапчатые»), подтип 1 (из ритуального захоронения двух особей северного оленя под полом постройки № 2.3(4), уч. Ш, О/41–42 – яма VII, ур. 44, 97–45, 12 м)

1. Поражающий элемент ловушки (клянца)
2. Ловушка (клянец) для добычи лисицы, песцов и зайцев [Сирелиус, 2001. С. 314]
3. Наконечники стрел асимметрично-ромбической формы (kite), расширяющиеся к боевой (поражающей) части (верхней трети) (Тип V)
- 4–5. Наконечники стрел плоские, асимметрично-ромбической формы с боевой частью в виде острия с плечиками (Тип IV)
- 6–9. Наконечники стрел с проникающим криволинейно-треугольной формы (curvilinear triangle), снабженным шипами и вытянутым черешком (Тип VI)
10. Луки, стрелы и колчаны остяков реки Большой Юган, конец XIX в. [Мартин, 2004. С. 53. Табл. 1 – 1–14]

ОРУДИЯ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА

Охота и рыболовство для современного коренного населения региона, сохраняющего традиционный образ жизни, имеют важнейшее значение. Эти промыслы не только обеспечивают людей пищей, но и формируют уклад и алгоритм жизни в целом. В свою очередь таежное оленеводство в Западной Сибири, даже в недавнем прошлом, не имело приоритетной пищевой направленности и удовлетворяло лишь транспортные нужды аборигенов края [Салымский край..., 2001. С. 79]. В историческом прошлом у жителей западносибирской тайги практически полностью отсутствовали какие-либо значимые альтернативные источники обеспечения пищей, кроме присваивающих форм хозяйства.

Охотничье оружие – орудия охоты на животных

Древнейшим и основным охотничьим оружием, вплоть до позднего средневековья и начала нового времени, оставались лук и стрелы. Другими орудиями охоты, прежде всего пассивной, являлись различного вида ловушки. По материалам раскопок городка *Монкысь урий* мы имеем данные о двух типах охотничьего вооружения (орудий охоты).

Детали лука, боеприпасы для стрельбы и снаряжение лучника – 181 экз. Каких-либо деталей лука, например, костяных пластин, на городище пока не обнаружено. Исходя из этого, можно заключить, что охотники использовали луки, изготовленные из одного куска дерева (цельнодеревянные) или из нескольких деревянных деталей (составные). Иных элементов снаряжения лучника, таких как щитки для защиты запястья от удара тетивы, костяные элементы рубанков для оцилиндровки древков

стрел, крюков колчана или чего-то подобного, при раскопках городка *Монкысь урий* не найдено.

Все охотничье оружие представлено изделиями только одной группы: боеприпасами для стрельбы, а именно: стрелами, вернее, их деталями – металлическими наконечниками.

Стрелы с разнообразными по форме и материалу наконечниками, на наш взгляд, составляли основную часть ритуального комплекса, связанного с поминальной обрядностью. Вместе с тем в них «заложено» достаточно много охотничье-промысловой, хозяйственно-бытовой и иной информации.

По материалу наконечники стрел подразделяются на три группы: медные, железные и костяные.

Группа 1. Наконечники стрел из медного листа.

Мы считаем, что наконечники стрел, изготовленные из котлового медного листа, изначально были предназначены для ритуального использования. Наиболее многочисленные их типы не имеют прямых аналогий среди наконечников, использовавшихся жителями городка *Монкысь урий* на охоте и во время военных действий. Имеется только несколько медных форм, относительно близких железным. Мы считаем, что это – следствие того, что форма медных наконечников была обусловлена не утилитарным, а неким знаково-мифологическим назначением. Стрелами с такими наконечниками очень трудно поразить противника, животного или зверя, и они не были предназначены для этого. Стрелы с наконечниками, вырезанными из медного котлового листа, являются одной из основных, *маркирующих*, категорий вещей ритуально-поминального комплекса, связанного с захоронениями и ритуалами, совершенными на территории разрушенного оборонительно-жилого комплекса городка.

Ряд исследователей, в частности В. И. Семенова, А. П. Зыков и С. Ф. Кокшаров, отрицают ритуальное употребление таких стрел, аргументируя это вероятностью периодического дефицита железа в западносибирской тайге [Семенова, 1995. С. 72. Табл. 3; 2001. С. 40, 42. Табл. 18; 2005. С. 46, 47. Табл. 8; Зыков, Кокшаров, 2001. С. 73. Рис. 33 – 20].

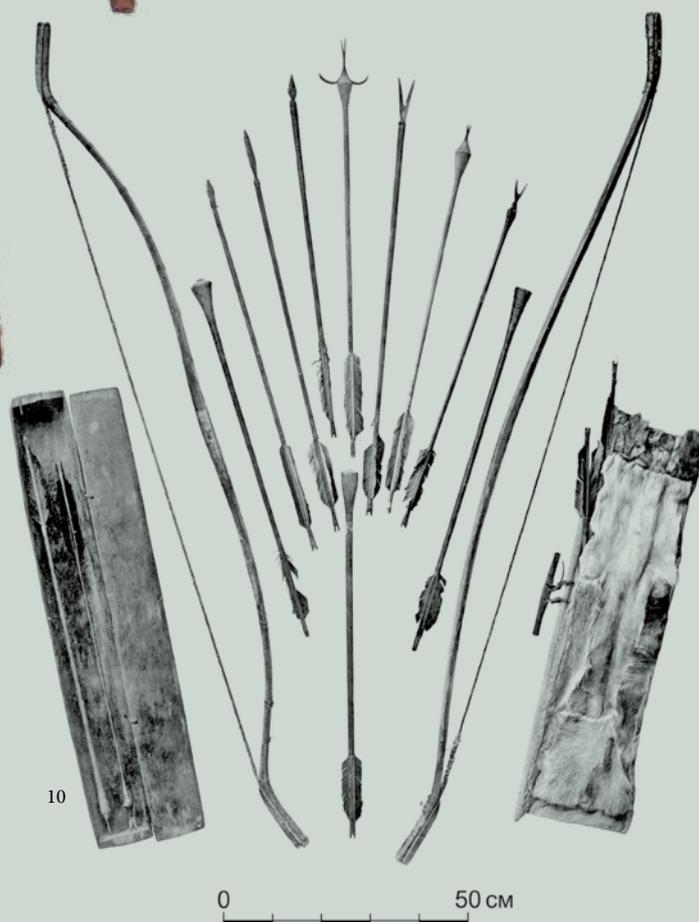
Группа 2. Железные наконечники стрел. По функциональным признакам все наконечники подразделены на две подгруппы, а по особенностям формы – на семь типов.

Первая подгруппа. Специализированные охотничье-промысловые типы наконечников стрел – 27 экз.

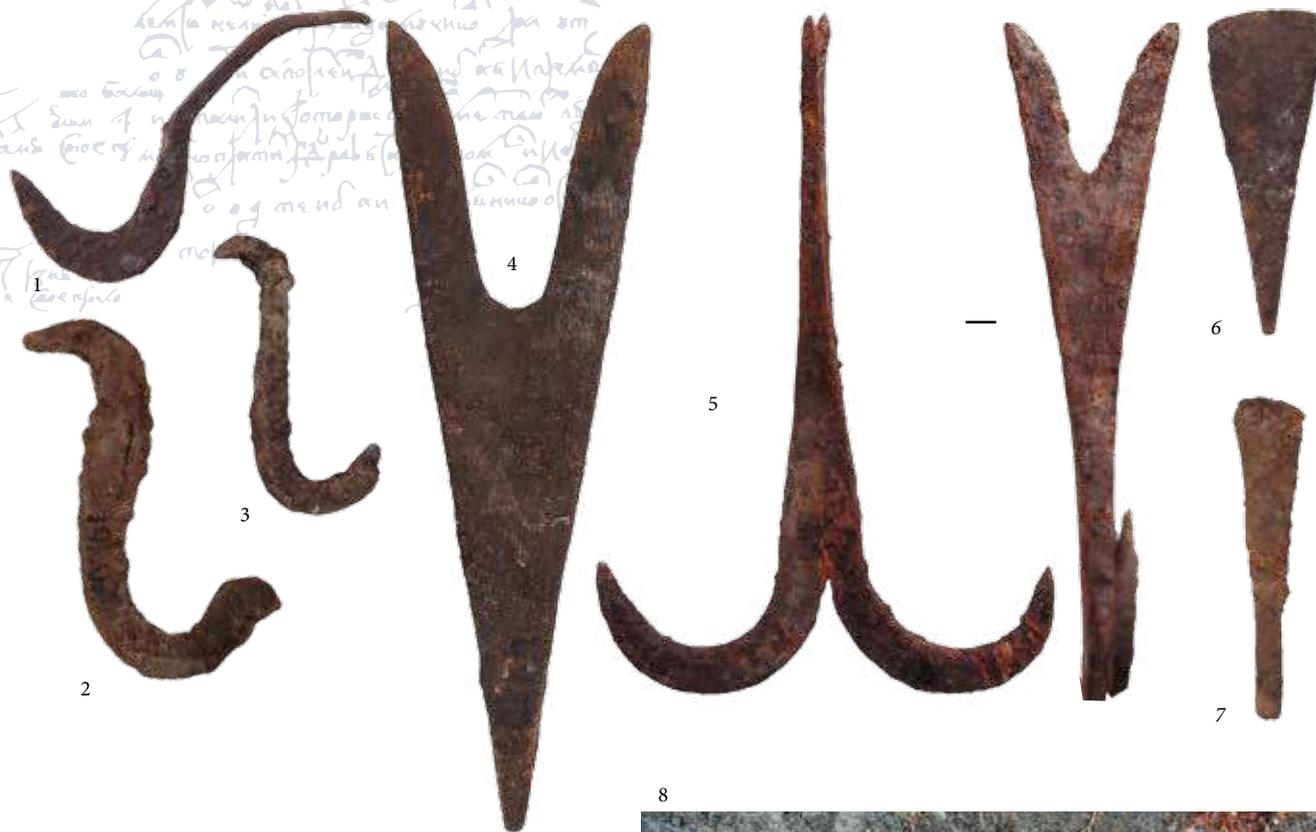
В данную подгруппу включены наконечники стрел с самыми широкими (от 1,5 до 4,5 см и более) проникателями (боевыми головками), что обеспечивает нанесение объекту охоты или противнику достаточно большой раны. Кроме того, в эту подгруппу входят комбинированные типы наконечников, способные при планировании стрелы после выстрела нанести максимально большую рану – длиной от 5,5 до 6,0 см и более. По форме данные наконечники представлены шестью типами, которые описаны в главе монографии, посвященной ритуальному комплексу [Кардаш, Визгалов, 2015. С. 352–355].

Вторая подгруппа. Универсальные (охотничье-боевые) типы наконечников стрел – 37 экз. В данную подгруппу включены наконечники стрел с боевой головкой шириной до 1,5 см. Как известно по материалам археологических исследований на севере Западной Сибири, в том числе городка *Монкысь урий* [Кардаш, Визгалов, 2015. С. 220], диаметр кольчужных колец в XVI–XVII веках варьировал от 0,9 до 1,5 см. Наконечники стрел с узкой боевой головкой изначально были рассчитаны для пробивания воинского доспеха, прежде всего кольчуг, наиболее распространенных на севере Восточной Европы и в Сибири, особенно в позднем средневековье. Такие наконечники специалисты определяют как бронбойные. Вместе с тем это не исключало спорадическое использование стрел с такими наконечниками и в охотничьем промысле. По нашему мнению, они особо эффективны при охоте на крупных копытных (северный олень, лось), поскольку были способны

пробивать кость и глубоко застревать в теле животного. Представлены одним типом – наконечники стрел стержневидные (бронбойные).

Мы можем лишь предположить, что некоторые типы железных наконечников в таежном Приобье и на севере Сибири появились в конце XVI – начале

1–3. Поражающие элементы (детали) деревянного наконечника стрелы (комбинированного томара) с серповидными шипами (Тип II)

4. Наконечники стрел в виде широкой двузубой вилки – «вилчатые срезни» (Тип II, подтип 1)

5. Наконечники стрел с широкой «вилчатой» поражающей частью и дополнительными поражающими частями в виде широкой двузубой вилки – комбинированные «вилчатые срезни» (Тип I, подтип 2)

6–7. Наконечники стрел в форме вытянутого треугольника с прямым лезвием – «срезни» (Тип III)

8. Наконечник стрелы (№ 4): условия нахождения *in situ* на территории постройки № 2.9.2 (уч. Я/40, ур. 45.43 м)

XVII века, что было связано с новым этапом освоения Севера Сибири Московским царством. К этому периоду, возможно, относятся отдельные типы универсальных охотничье-боевых (тип VII) и комбинированных (тип I) наконечников. Впрочем, стержневидные (шиловидные) бронебойные могли появиться и значительно раньше. Часть таких наконечников могли изготавливать и в городке Монкысь урий.

Группа 3. Наконечники стрел из кости и рога – 61 экз. В данную группу входит 40 целых изделий, а также 21 обломок, типологическая идентификация которого затруднена. Многие наконечники имеют плохую сохранность и распределены по типам условно.

Наконечник – поражающий элемент (деталь) «кляпца» – ловушки ударно-натяжного дей-

ствия – 1 экз. В коллекции имеется большой корродированный железный стержень прямоугольного сечения с шипом на острие. Судя по этнографическим материалам, данное изделие являлось поражающим элементом ударного механизма ловушки-«кляпца», предназначенной для добычи лисиц, песцов и зайцев [Сирелиус, 2001. С. 314; Кардаш, 2013а. С. 151. Рис. 3.18 – 20]. Находки таких предметов на археологических поселениях коренных жителей единичны. Не исключено, что этот предмет жителями данного поселения на рубеже XVI–XVII веков использовался не в качестве детали кляпца, а как наконечник стрелы.

9. Удочка с крючком, леской и поплавком, р. Вах, конец XIX в. [Сирелиус, 2001. С. 308]

10–12. Крюки багров для ловли и извлечения рыбы

13–14. Рыболовные крючки

15. Заготовка грузила для калыданной сети

16. Ритуальные (?) грузило и поплавок для калыданной

сети обдорских князей Тайшиных, XIX в.

17. Багор для извлечения рыбы, коми-зыряне XIX в. (коллекция

РЭМ, г. Санкт-Петербург)

18. Калыданная сеть и ловля осетра калыданной сетью на

р. Обь – фрагмент рисунка Н. Шахова, первая половина XIX в.

(г. Санкт-Петербург, МАЭ. Инв. № 5753–5)

Орудия рыболовства

Рыболовство для коренного населения таежной зоны Западной Сибири и по сей день особо значимая отрасль хозяйства. В некоторые сезоны оно дает возможность практически полностью удовлетворять потребность людей в пище. Археологические предметы, так или иначе связанные с рыболовством, являются важным источником, позволяющим охарактеризовать данную отрасль хозяйства в прошлом и воссоздать экономику древнего общества.

К орудиям рыболовства, найденным на памятнике *Монкысь урий*, отнесено 16 предметов, изготовленных из металла и камня. Они представляют три функциональных типа изделий: **крюки рыболовные**, **крюки** – наконечники багров и грузило калыданной сети¹ (ловушки).

18

¹ Калыданная сеть – это специфическая рыболовная снасть, предназначенная для придонной ловли рыбы ценных пород, таких как осетр, нельма, муксун и других сиговых. В толковых словарях и этнографической литературе утверждается, что это была остяцкая рыболовная сеть, бытовавшая в Тобольской губернии. Ловля осетра калыданной сетью на Оби изображена на рисунке Н. Шахова первой половины XIX века (г. Санкт-Петербург, МАЭ им. Петра Великого – Кунсткамера, инв. № 5753–5).

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И БОЕПРИПАСЫ

Данную группу составляют предметы вооружения, военное снаряжение, в том числе детали воинского костюма. Несмотря на их относительную многочисленность (314 экз.), собственно о вооружении жителей городка и, соответственно, аборигенно-го населения края, мы можем сказать немного.

Исходя из данных документальных и фольклорных источников, равно как принимая во внимание находки использованных боеприпасов для огнестрельного оружия, о которых будет сказано ниже, мы предполагаем, что военное противостояние и конфликт вряд ли были бы возможны, не обладай жители городка оружием. Таковое у защитников «крепости», безусловно, было, но какое и в каком количестве – вопрос сложный, поскольку данных для анализа крайне мало.

Предметы наступательного вооружения и боеприпасы: холодное оружие

Лук и стрелы. Использование лука с боевыми стрелами, причем обеими сторонами конфликта, зафиксировано в хантыйских преданиях об осаде *Монкысь урия*. Много сюжетов из этих сказаний посвящено высоким навыкам в стрельбе из лука их главного персонажа – защитника городка, хантыйского богатыря Тоньи. При раскопках городища было обнаружено 132 «утилитарных» наконечника стрел из железа (82 экз.) и кости (50 экз.). Из железных наконечников стрел к боевым формам можно отнести не

1. Застежка ворота (?) – крючок с кольчужными кольцами (железо)
2. Кольчужные кольца (железо)
- 3–4. Наконечники ножен (медь)
5. Застежка ворота (?) – крючок с кольчужными кольцами (медь)
- 6–8. Фрагменты полотна кольчуги (железо)
9. Чугунное кованое ядро
- 10–11. Недеформированные свинцовые пули (снаряды)
12. Створка литейной формы (постройка 2.7, уч. Б^н/37, ур. 45.41 м)

менее 50 экз. Из костяных в качестве боевых мог использоваться только один тип костяных наконечников – стержневидной формы: таких найдено 29 штук. При этом около 70 % всех наконечников были найдены в составе поминальных комплексов, связанных с погребениями, открытыми на руинах разрушенного городка. Принадлежность стрел с такими наконечниками к поминальным воинским комплексам сомнения не вызывает. Археологами зафиксировано, что эти стрелы были воткнуты вертикально в грунт по периметру могил [Семенова, 2005. С. 76]. Помимо чисто «утилитарных» наконечников стрел, обнаружено 50 экз., выполненных из медного листа, – они явно ритуального назначения.

Типологическому анализу значительной части наконечников стрел *Монкысь урия* посвящен специальный раздел монографии В. И. Семеновой [2005. С. 43–47. Табл. 6–8]. Большую обобщающую работу по систематизации средневековых наконечников стрел по северным памятникам Западной Сибири выполнил А. П. Зыков [А–2008. С. 131–163].

Предметы наступательного вооружения и боеприпасы: огнестрельное оружие

Кремень ружейный – 1 экз. При раскопках 1990 года была найдена четырехугольная каменная пластинка с зазубринами от высекания искры [Семенова, 2005. С. 55. Рис. 16 – 5]. Предмет мог быть потерян нападавшими при штурме. Впрочем, не исключено его приобретение жителями городка задолго до этих событий и использование в качестве части огнива.

Боеприпасы для огнестрельного оружия – 242 экз. В коллекции имеются боеприпасы трех категорий:

- артиллерийские чугунные ядра диаметром от 3,0 до 4,0 см – 15 экз.;
- железные пули диаметром 1,4–1,8 см – 16 экз.;
- свинцовые пули диаметром 1,2–1,4 см – для ручного огнестрельного оружия – 211 экз.

В коллекции имеется 2 литейных формы для отливки пуль (пулелейка). Были связаны или нет данные литейные формы с материальной культурой населения городка – точно не известно. Они могли попасть в городок случайно, например, с захваченным ханты огнестрельным оружием и боеприпасами казаков, убитых при транспортировке казны Томского гарнизона. Другой вариант: они могли быть потеряны стрельцами при осаде и штурме городка. По крайней мере, никаких *иных археологических* свидетельств использования жителями городка пищалей при раскопках обнаружено не было. Кроме того, в западносибирских городках XVI–XVII веков, принадлежавших аборигенному населению, литейных форм археологи пока не находили. В отличие от форм для изготовления оловянных украшений, которых обнаружено достаточно много [Кардаш, 2103а. С. 139. Рис. 3.11 – 1–4].

9

10

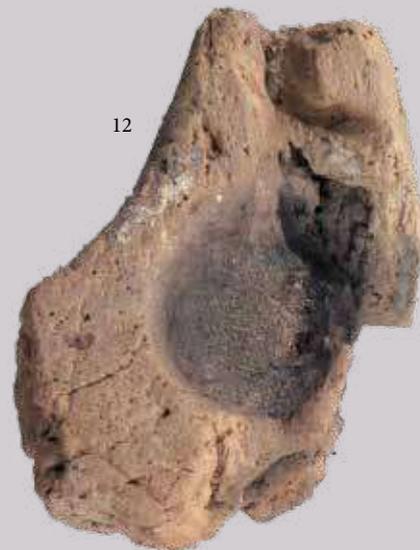
11

Предметы защитного вооружения

Звенья кольчуги (кольчужного панциря) – 55 экз. Остатки кольчуг представлены отдельными железными кольцами-звеньями и фрагментами полотна. Находки были распределены относительно равномерно по всей площади оборонительно-жилого комплекса городка.

В целом же совершенно очевидно, что кольчуги принадлежали как осаждавшим, так и оборонявшимся воинам. В любом случае эта специфическая военная экипировка, на наш взгляд, относилась к категории импортного доспеха, скорее всего, русского. Защитный доспех типа «кольчатого панциря» был характерным элементом русского вооружения на протяжении XIII–XVII веков [Кирпичников, 1976. С. 40–41].

Деталь пластинчатого панциря (?) – 1 экз. Изделие имеет вид прямоугольной железной пластины с парными отверстиями по краям. Судя по единичности находки, данная пластина могла служить частью дополнительного усиления кольчужного доспеха или бармицы шлема. Прямые аналогии ей в таежном Приобье нам не известны.

12

ОРУДИЯ ТРУДА И ИНСТРУМЕНТЫ

Среди вещевого комплекса городка *Монкысь урий* достаточно четко выделяется группа предметов, в которую входят орудия труда, в том числе инструменты. Особые условия формирования культурного слоя городка, особенно конца его функционирования (осада, штурм, взятие «крепости», гибель жителей), сохранили для нас, вероятно, максимальный набор разнообразных инструментов, в том числе целых. Последний – в обычных обстоятельствах, то есть после ухода людей из обветшавшего жилища, – вряд ли был оставлен в доме. Анализ данных находок позволяет сделать ряд важных выводов о ремеслах и хозяйственных занятиях жителей городка.

Универсальные орудия: железные ножи

Ножи хозяйственные (бытовые). Образуют отдельную группу универсальных орудий. Они представлены железными клинками, деталями рукоятей, а также принадлежностями для заточки лезвия – каменными точильными брусками. Бытовые ножи отличает изначальная форма лезвия, предназначавшегося для хозяйственно-бытового использования. Очевидно, что при их изготовлении в первую очередь учитывалась их главная – режущая – функция, связанная с разделкой туш животных, обработкой древесины или кости и тому подобное. Кроме этого, постоянное ношение при себе хозяйственного ножа обуславливало его приемлемые размеры и вес. По форме рукояти и ее монтажу – подразделяются на два типа:

Тип I. Ножи черенковые.

Тип II. Ножи цельнометаллические («безчеренковые»). Целые ножи и их обломки залежали по всей территории городка.

В целом же эти категории предметов довольно многочисленны, что свидетельствует о достаточно интенсивной хозяйственно-бытовой деятельности населения городка.

**Инструменты для обработки дерева и металла.
Мужские ремесла**

Обработка дерева, а также изготовление деревянных изделий, за исключением производства берестяной посуды, в традиционной культуре коренного населения таежного Приобья по сей день остаются преимущественно сферой деятельности мужчин. В свою очередь металлообработка ныне почти полностью исчезла из системы домашних ремесел обских угров. Тем не менее некоторые оставшиеся у них

процессы, связанные с обработкой металлов, также являются чисто мужским занятием.

ПЕРВАЯ ГРУППА орудий. Ее составляют железные и стальные инструменты, применявшиеся при деревообработке.

Топоры – 9 экз. Представлены в коллекции обломками и целыми предметами. Большинство топоров, в том числе целые формы, были обнаружены в процессе раскопок 1990 года и достаточно детально охарактеризованы [Семенова, 2005. С. 48–50. Рис. 28; 29]. Это клиновидные орудия с асимметричным лезвием,

1–2. Клинки импортных ножей с оловянными и железными элементами рукоятки (XVI – начала XVII в.)

3. Нож черенковый с рукояткой из рога северного оленя

4. Лезвие резца-«ложкореза»

5. Современные орудия и приспособления для обработки шкуры в процессе использования

6–10. Универсальные орудия и инструменты. Орудия обработки дерева. Топоры и тесла из железа XVI – начала XVII в., их детали и этнографические аналоги

XX в.: 6–9 – целые топоры с прямым или слабо изогнутым лезвием; 10 – тесло втульчатое, специализированное – для изготовления лодки (обласа); 11 – тесла проушенные, перекованные из топоров, – для изготовления лодок-обласов, XX в., река Пим (г. Сургут, СКМ. Инв. № КП–5851; КП–4416)

1. Скобель (voltage – хант.) [Сирелиус, 2001. С. 268]
 2–3. Лезвия скобелей (стругов)
 4. Сверла ручного бура или дрели
 5. Дрель ручная с «лучковым» приводом [Мартин, 2004. С. 76. Табл. 12 – 2]

В целом же деревообрабатывающее и кузнечное производства у аборигенов таежного Приобья даже в конце средневековья – начале нового времени были на уровне домашнего ремесла, обеспечивающего, в первую очередь, нужды каждой большой семьи. Вместе с тем создается впечатление, что мы фиксируем некую начальную стадию перехода домашнего ремесла к общественному (общинному) и даже, возможно, товарному.

треугольными проушинами и выступами обуха в сторону топорича.

Клинья железные – 4 экз. Предназначены для фиксации (расклинивания) рукояти топорича в проушине топора.

Тесло – 1 экз. Оно имеет короткое и широкое лезвие дугообразного сечения, образованное загнутыми почти под прямым углом треугольными боковыми окончаниями. Лезвие снабжено цилиндрической втулкой. В своей диссертационной работе А. П. Зыков не упоминает о подобных теслах ранее XVI века [А–2008. С. 144–157]. находка железного тесла на городище *Монкысь урий* является первым и наиболее ранним свидетельством использования данного специфического инструмента в таежном Приобье, а также косвенным аргументом изготовления легких лодок аборигенным населением реки Большой Юган. Тесла данного типа, а именно с втульчатой креплением рукояти, известны лишь на более поздних археологических памятниках, в

частности конца XVIII века [Шорин, Баранов, 2002. С. 76–78. Рис. 9 – 4].

Также в коллекции представлены:

Наструги-скобели¹ (лезвия) – 5 экз. Каждое орудие имеет вид широкой прямоугольной пластины (лезвие) с симметрично загнутыми под прямым углом двумя заостренными концами (черенки). Такое орудие предназначалось для вторичной обработки поверхности

¹ *Наструг (струг)* – инструмент для строгания дерева [Даль, 1882. С. 348–349; Ефремова, 2000. С. 651]. По значению и форме близок к такому инструменту, как рубанок. *Скобель* – инструмент, представляющий собой нож с двумя поперечными ручками. Предназначен для снятия коры, первичного обстругивания бревен, досок и т. п. Такое же название имеет термин струг плотницкий [Даль, 1882. С. 205; Ефремова, 2000. С. 1092]. Мы используем двойной термин для обозначения таких орудий (*наструг-скобель*), поскольку даже в современном традиционном хозяйстве возможно использование данного инструмента в разных операциях с деревом. Такое двойное использование, вероятно, имеет давнюю традицию. Она связана с импортным характером таких орудий и их дефицитом у аборигенов приобской тайги.

6

древесины или доводки заготовки предмета до нужной кондиции после ее вырубки топором. Надструги и скобели широко представлены в материалах средневековых памятников Евразии и в быту обских угров [Зыков, Кокшаров, 2001. С. 94. Рис. 44 – 1].

Сверла (для ручной дрели или бура) – 2 экз. Представляют собой цилиндрические железные стержни. На археологических памятниках северо-западных районов таежного Приобья сверла для ручной дрели или бура зафиксированы в слоях XV–XVI веков [Зыков, Кокшаров, 2001. С. 94. Рис. 44 – 1].

Резцы. Представлены находкой одного лезвия «ложкореза». Клинок резца снабжен листовидным обоюдоострым лезвием, загнутым полукольцом, и длинным черенком четырехгранного сечения. Резец обычно вставляли в деревянную рукоять. Обиходное название инструмента – «ложкорез». Аналогичные изделия в Древней Руси были распространены с XI века [Древняя Русь..., 1985. С. 258. Табл. 98 – 7, 8]. В Сибири такие орудия находили только на русских памятниках XVII века [Станкевич, 1951. С. 169. Рис. 2].

ВТОРАЯ ГРУППА орудий. В нее входят используемые при металлообработке инструменты с основной железной рабочей частью. Кузнечное ремесло являлось исключительно мужским занятием. Находки инструментов кузнечного производства на памятниках севера Западной Сибири крайне редки, поэтому каждый из этих предметов имеет особое значение.

К таким находкам относятся:

Щипцы (клещи) кузнечные – 1 экз. Представляют собой две вытянутые пластины, соединенные между собой шарниром. Рукояти заканчиваются шарообразными утолщениями. Инструмент относится к разряду малых шарнирных одноручных щипцов, используемых при кузнечной или слесарной обработке металла.

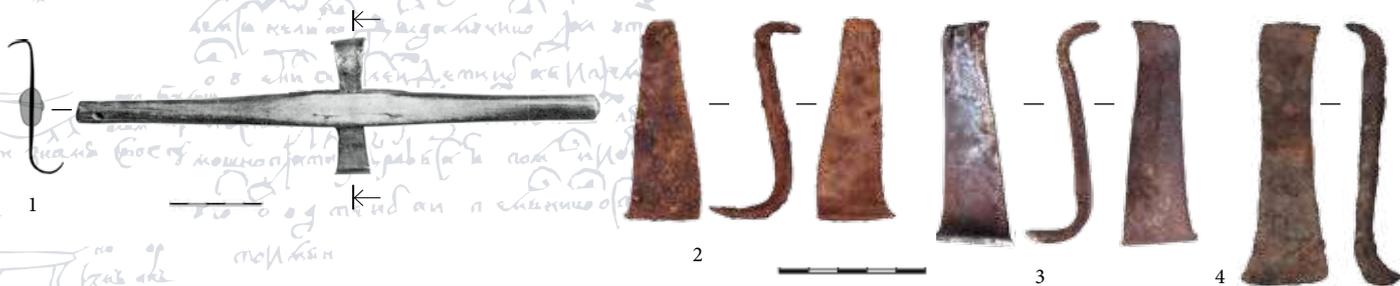
Напильники – 2 экз. Имеют форму длинных узких пластин прямоугольного сечения с черенком-насадом, выраженным в виде сужения одного конца изделия. Деревянные ручки у них не сохранились. Рабочая сторона каждого напильника покрыта тонкими параллельными насечками (желобками), которые нанесены под небольшим углом

6. Ножницы универсальные
7, 7а. Напильник и детали его рабочей поверхности
8, 8а. Напильник и детали его рабочей поверхности
9. Щипцы (клещи) малые кузнечные: железо XVI – начала XVII в.

(около 20–25°) к оси инструмента. Это позволяет определить данные орудия как напильники с одинарной насечкой.

Ножницы универсальные – 1 экз. Состоят из двух одинаковых частей – фигурных пластин, соединенных заклепкой, что позволяет отнести их к категории шарнирных. Каждая пластина имеет форму вытяну-

Универсальные орудия и инструменты. Детали орудий труда из железа и дерева XVI – начала XVII в. для обработки кожи, а также их этнографические аналоги.

1. Скребок ол'иц, конец XIX в., р. Большой Юган [Мартин, 2004. С. 78–79. Рис. 73. Табл. 13 – 2]

2–4. Железные лезвия «скребка двулезвийного» (ол'иц – хант.)

5. «Скребок-лопаточка» или скребок расправляющий (тигер – хант.) [Сирелиус, 2001. С. 278]

6–7. Железные лезвия «скребка-лопаточки» (pilin wah – хант.)

8–9. Железные лезвия «скребка разминающего» (yhter yh – хант.)

того острого треугольника, соединенного с узкой рукоятью, которая завершается кольцом.

Простейшая обработка металлов («ковка на обухе топора у очага») из чисто домашних хозяйственных занятий выделяется в отдельное производство. На данном археологическом памятнике это выразилось в строительстве отдельной кузницы, что подтверждается фольклорными и археологическими источниками. Наиболее полный набор как деревообрабатывающих, так и кузнечных инструментов был обнаружен только в одной постройке оборонительно-жилого комплекса. Отдельные инструменты найдены и в других домах.

По результатам анализа охарактеризованных выше орудий мы можем реконструировать в общих чертах ремесленные производства, практиковавшиеся жителями городка *Монкысь урий*.

О том, что кузнечное производство не было узкоспециализированным, свидетельствует распространение шлако-криц, которые были на территории памятника распределены относительно равномерно, но с преобладанием в пространстве оборонительно-жилого комплекса. Их распространение указывает на то, что кузнечная обработка происходила не только в специализированном помещении, но частично – в жилых строениях. В этой связи мы не можем исключать того, что многие мужчины или главы семей имели полный набор инструментов, который после штурма и гибели городка был большей частью вывезен. Указания на то, что кузнечное производство не было узкоспециализированным, нередко встречаются в фольклоре. В частности в былинах обских угров можно найти упоминания о том, что князья и богатыри сами куют себе наконечники стрел. Например, [Патканов, 1891. С. 104; Мифы, предания, сказки..., 1990. С. 177, 181].

Инструменты для обработки кожи и ткани. Женские ремесла

Хорошо идентифицируемые металлические детали инструментов для обработки кожи, а также для изготовления одежды и других предметов из разных

материалов, дают нам возможность не только представить описание и типологию данных специализированных орудий. Сравнительный анализ находок и изучение этнографических материалов позволяют реконструировать домашние ремесла, быт и хозяйство юганских ханты конца средневековья – начала нового времени, а также определить гендерную принадлежность ремесленного производства, его терминологию, уровень развития и объемы.

Группа 1. Инструменты для обработки шкур животных. Представлены одной категорией изделий – скребками, которые образуют в коллекции отдельную яркую и информативную подгруппу, представленную только железными лезвиями скребков – 16 экз. Рукояти скребков, изготовлявшиеся из дерева и кости, не сохранились. Эти скребки были предназначены для поэтапной обработки шкур крупных животных, в первую очередь лося и северного оленя. Таких наборов пять. Это соответствует количеству построек-помещений, составляющих оборонительно-жилой комплекс городка. Данные орудия и своеобразная технология их использования, по-видимому, не были присущи ни средневековому аборигенному населению других таежных и приполярных территорий Западной Сибири, ни переселившимся на них русским ремесленникам. В то же время очевидно, что такой оригинальный набор орудий мог сформироваться только у населения лесной полосы Северной Евразии, экономика которого тесно связана с охотой на крупных копытных животных (лось, олень). Обнаруженный в городке *Монкысь урий* орудийный набор для обработки кожи вряд ли мог быть просто предметом импорта. Как уже сказано, его использование было составной частью достаточно специфической технологии, передачу которой без непосредственного контакта – в устной опосредованной форме и без прямого обучения ее носителями – сложно себе представить. Тем более что как и сейчас, так и на рубеже XVI–XVII веков это занятие рассматривается прежде всего как женское ремесло. Соответственно, в наше время и в недавнем

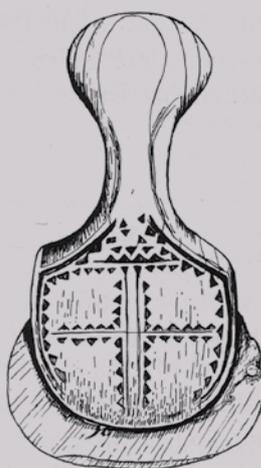
прошлом (XIX–XX века) передача этой технологической традиции осуществлялась по женской линии, главным образом – от матери к дочери. Очевидно, то же самое наблюдалось у жителей городка *Монкысь урий*. Такие обстоятельства позволяют нам говорить не просто о торгово-промысловом освоении Западно-Сибирского региона в XVI веке западными соседями, а о переселении с запада на восток новых этнических групп и расселении их по таежному Приобью, в частности по бассейну реки Большой Юган. Такое переселение могло осуществляться различными по численности группами, по разным причинам и в разных условиях: в системе функционирования средневекового Камского торгового пути, в рамках межкультурных контактов, в том числе брачных связей, захватов пленников, полонения женщин для последующего брака с ними, а главное – в общем потоке народов при освоении Московской Сибири.

В завершение необходимо заметить, что при всей оригинальности инструментов из *Монкысь урия*, на обширной территории Севера Сибири у разных местных народов (ханты, манси, ненцы, долганы, нганасаны, юкагиры и другие) как минимум с XIX века существовал схожий технологический процесс обработки шкур крупных копытных животных, при котором использовались близкие типы и формы орудий [Салымский край..., 2000. С. 134–136; Хомич, 1995. С. 82–84; Иохильсон, 2005. С. 605–606. Рис. 67; Саввинов, 2005. С. 163–166, 289. Табл. 7]. Вряд ли это случайно и, вероятнее всего, также связано с отмеченным выше культурным взаимодействием аборигенов Сибири с населением, продвигавшимся по тундре, тайге и лесостепи с запада на восток.

Группа 2. Швейные принадлежности. Представлены двумя категориями предметов: железными швейными иглами и шильями. Количество игл, найденных в городке *Монкысь урий*, может служить

Кожевенное и швейное производство у населения городка Монкысь урий, являвшееся одним из домашних ремесел, было способно обеспечить жителей необходимой продукцией. При этом уровень его развития можно охарактеризовать как достаточно высокий, сравнимый с уровнем развития современного традиционного женского ремесла ханты реки Большой Юган.

своеобразным показателем как социального статуса его населения, так и продолжительности существования поселка. Для сравнения: в Надымском городке, который был немногим меньше оборонительно-жилого комплекса *Монкысь урия*, за 130–150 лет его функционирования в культурный слой попало около 250 железных швейных игл и их фрагментов [Кардаш, 2013б. С. 166]. В то время как в Полууйском мысовом городке в слоях того же времени при близкой вскрытой площади была найдена только одна швейная игла и три шила [Кардаш, 2013а. С. 342]. Полууйский мысовой городок являлся одной из основных резиденций Обдорских князей из хантыйского рода Тайшиных, возведенной в устье реки Обь, основного водного пути Западной Сибири. Повидимому, в силу своего высокого социального статуса проживавшие в нем женщины не занимались домашним швейным производством. В периферийном Надымском городке, являвшемся зимней резиденцией ненецких князей Большой Карачеи, шитье, наоборот, постоянно практиковалось. Учитывая все вышеизложенное, можно предположить, что при ординарном функционировании городок *Монкысь урий* вряд ли функционировал более 100 лет.

5

6

7

8

9

1–2. Железные петли-«ушки» для крепления рукояти («дужки») котла

3. Фрагмент котла в момент его нахождения *in situ* в культурном слое (пространство к югу от оборонительно-жилого комплекса, на берегу старицы, очаг ритуального комплекса (?), уч. 3/53, ур. 40,22 м)

ПРЕДМЕТЫ БЫТА И ДОМАШНЕГО ОБИХОДА

Данная категория изделий представлена небольшим количеством находок и их типов. В данном разделе, как и в других, рассматриваются все предметы, обнаруженные на памятнике *Монкысь урий*, то есть происходящие как из погребений, так и из жилых помещений.

Среди этих предметов выделяются две довольно условные функциональные группы:

- посуда и кухонная утварь;
- предметы домашнего обихода.

Посуда и кухонная утварь

Это наиболее многочисленная, разнообразная и относительно полно представленная группа предметов, объединенная одним функциональным назначением: хранением, приготовлением и употреблением пищи.

Группа I. Металлическая посуда. Наиболее многочисленная по количеству находок. В 1990 году было обнаружено около десятка обломков котлов [Семенова, 2005. С. 58], но последующие раскопки значительно пополнили коллекцию. Ее представляют бытовые котлы из меди с железными деталями, в основном в виде фрагментов, а также обломки ритуальной (статусной) серебряной посуды. По материалу и по функциональному назначению в составе металлической посуды выделено две подгруппы.

Подгруппа 1. Медная бытовая посуда с железными деталями – 100 экз. При этом не учтены изделия, выполненные из пришедших в негодность медных котлов¹.

Медную посуду следует считать важным хронологическим, даже «эпохальным», признаком: «эпоха медных котлов», «бескерамический период», «период без керамической посуды аборигенов Сибири». Она же является важным свидетельством торгово-меновых отношений: ее количество на том или ином памятнике указывает на интенсивность и объемы меновых операций.

¹ В число этих предметов, изготовленных из старых медных котлов, входят 3 наконечника ножен, 14 держателей фитиля и 48 ритуальных наконечников стрел (рис. 2.3.11 – 57, 58, 60; 2.3.18 – 1–14; рис. 3.2.2 – 1–48).

Котлы представлены фрагментами медных и железных дужек, обломками ушек, разнообразными аморфными медными пластинами и заклепками. Размеры большинства медных пластин не превышают 5×3 см.

Единственный целый с небольшими утратами медный бытовой котел был обнаружен в погребении № 1. Он был извлечен при краеведческих раскопках П. С. Бахлыкова и, по сведениям В. И. Семеновой, хранился в краеведческом музее поселка Угуг. Форма бытовавших у жителей городка котлов воспроизводится именно по этому изделию. Котел имеет усеченно-коническую форму с расширяющимися к устью стенками, железные ушки и дужку. Край устья отогнут наружу под прямым углом.

Обломки котлов залежали по всей площади памятника, но наибольшая их концентрация наблюдалась в помещениях оборонительно-жилого комплекса.

Части и детали медных котлов являются одной из самых массовых категорий вещей на поселенческих памятниках севера Западной Сибири XIII – середины XVIII века [Зыков, Кокшаров, 2001. С. 106; Кардаш, 2013а. С. 168].

Подгруппа 2. Серебряная ритуальная (статусная) посуда с железными деталями – 99 экз. Представлена в коллекции *Монкысь урий* целой чашей и 8 фрагментами малых блюд. Точнее емкостей, похожих на небольшие блюдца, но функционально таковыми не являвшихся.

Группа II. Керамическая посуда. Вторая группа емкостей связана с постоянным хранением, приготовлением и употреблением пищи. Она неоднородна и подразделяется на две хронологические группы: ранняя посуда, произведенная до начала функционирования городка *Монкысь урий*, и посуда населения городка.

Детально рассматривать посуду первой группы, представленную четырьмя фрагментами, не имеет смысла. Эти обломки попали в культурный слой городка случайно. Они представляют собой мелкие осколки керамических сосудов атлымской культуры периода поздней бронзы (XII–VIII веков до нашей эры).

Подгруппа 1. Русская керамика. Сосуды керамические черномореные – 4 фр. По обломкам с венчиками реконструируются четыре горшка с раздутым туловом, зауженной и слегка отогнутой горловиной. Сосуды лепные. Нахождение керамических черномореных сосудов на памятниках коренного населения является симптоматичным признаком. Обломки как минимум от пятнадцати подобных сосудов были найдены в Надымском городке [Кардаш, 2009. С. 169]. В то же время среди инвентаря соседних позднесредневековых могильников Усть-Балык и Киньяминский такой посуды не обнаружено [Семенова, 2001; 2008].

Подгруппа 2. Аборигенная керамика. Сосуды керамические орнаментированные – 28 фр.

Данная подгруппа представлена обломками как минимум пяти емкостей.

Обнаруженные при раскопках городка *Монкысь урий* керамические сосуды с гребенчатым орнаментом относятся ко времени его функционирования, а именно к концу XVI – началу XVII века. Также явно, что они были связаны с культурой жителей этого городка, как минимум некоторых из них. Вполне возможно, что они маркируют прямые контакты обитателей городка с населением южно-таежной и лесостепной зон Западной Сибири, поскольку такая же посуда входила в состав погребального инвентаря некрополей этих территорий. В то же время среди инвентаря соседних позднесредневековых могильников Усть-Балык и Киньяминский такой посуды не обнаружено [Семенова, 2001; 2008]. Первое, что можно предположить как причину появления таких сосудов на Большом Югане, это брачные связи. Одно из возможных назначений этой посуды на поселении, по-видимому, ритуальное, хотя это и не подтверждается археологически.

Небольшое количество сосудов, обнаруженных в городке *Монкысь урий*, также свидетельствует о том, что большая и чисто утилитарная необходимость в данных емкостях явно отсутствовала. Логично предположить, что такие сосуды были принадлежностью именно кумирен каждой семьи, которые находились в каждом жилом помещении.

Группа III. Деревянная посуда. Представлена только двумя предметами: большой котловой ложкой. Остальные емкости просто не сохранились. Хотя такой посуды у коренных жителей Западной Сибири было, безусловно, много, и она была очень разнообразна. В пользу этого свидетельствуют этнографические материалы конца XIX века и нашего времени, а также находки на раскопанных памятниках со слоями, находящимися в условиях «вечной мерзлоты» (Надымский, Полуийский мысовой, Войкарский городки и др.) [Мартин, 1994; Кардаш, 2013а; 2013б; Брусницына, Федорова, 1994; 1995].

Предметы домашнего обихода

Вещей данной категории немного, а функциональное назначение некоторых из них может быть довольно разнообразным. Тем не менее в данном разделе мы объединили предметы, так или иначе связанные с бытовой деятельностью человека и домашним обиходом.

Сундук (железные детали) – 1 экз. В 1990 году были обнаружены остатки практически целого изделия, от которого в коллекцию были взяты металлические (железные) детали. Часть таких же предметов была извлечена в 2011 году – из переотложенного слоя раскопа № 1 (1990 года). Детальными сундука представлены *ручка, замок, ключ, петли*

1

1a

1. Серебряная чаша из погребения № 1; 1a – центральный медальон серебряной чаши из погребения № 1 (увеличено)

(навесы) сундучные, полосы обивки, гвозди обивочные.

Среди вещевого комплекса городка *Монкысь урий* окованный жстью сундук выглядит как чуждый элемент, брошенный за ненадобностью. В момент обнаружения он был пуст, то есть никак не использовался. Кроме того, он не стоял у стены или в углу. Современные ханты довольно часто используют сундуки и чемоданы в качестве своеобразных «реликвариев» – для хранения пантеона домашних божеств, а также связанных с ними атрибутов и приношений. Как правило, они находятся на чердаках своих домов русской или русско-хантыйской постройки (у традиционных жилищ потолков нет), в священных «амбарах» на святилищах или в других потайных местах [Визгалов, Кардаш, 2010. С. 175. Рис. 3.54 – 7–13].

Учитывая неординарность событий, связанных с городком, вполне вероятно, что это мог быть именно тот сундук, который использовали казаки, перевозившие казенное жалование для служилых людей Томского гарнизона. Судя по габаритам, в нем могло поместиться 400 рублей серебряной монетой (не менее 40 000 медных монет достоинством в одну копейку). Монет в сундуке не было, но стоял он у края погребения, в котором монеты находились россыпью. Причем именно это помещение подверглось наиболее плотному обстрелу при штурме, и здесь погибло больше всего жителей. Возможно, сундук был сломан (отломана крышка). Хранившиеся в мешках или кожаных кошельках монеты были изъяты. Затем сундук был брошен за ненадобностью.

Сумка (кошель) – емкость для переноски и хранения мелких предметов – 3 экз. В коллекции имеется один целый предмет и два фрагмента, предположительно от такого же изделия. Сумка кожаная, прямоугольной формы, была сшита из четырех деталей. В целом же кошель изготовлен из довольно толстой телячьей кожи. Все сохранившиеся края его деталей прошиты.

На поверхности целой сумки прослеживается фактура тиснения «под овсянку». Такой технологический прием был широко распространен на Руси с XII века. По мнению А. В. Курбатова, местом изготовления такой кожи следует считать городские центры Северной Руси. Исходя из этого, можно сделать вывод, что интересующая нас сумка является импортным русским предметом [Курбатов, 2010. С. 447–452].

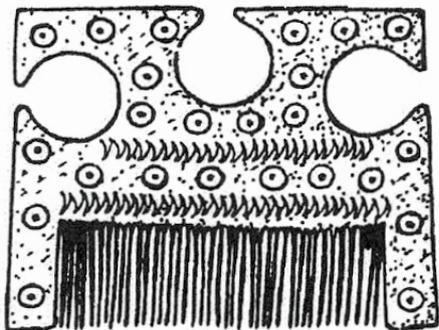
Не совсем понятно назначение такого предмета. Сумка была наполнена металлическими женскими украшениями – преимущественно оловянными или свинцовыми отливками местного производства,

а также некоторыми бытовыми предметами. Тем не менее это не было ее изначальным предназначением. У нас есть два предположения. Это изделие могло быть подсумком для боеприпасов, который принадлежал одному из убитых казаков томского гарнизона, везшим денежное довольствие. Из свинцовых пуль или дроби, найденных в сумке, аборигены могли отлить украшения. Однако более

вероятно, что это был один из кошель, в которых перевозили серебряные монеты. Такие кошельки полностью зашивались и не имели проема: во избежание даже случайного их вскрытия и потери денег. Есть еще одно совпадение – это размер кошелька, сопоставимый с габаритами сундука. Судя по размерам заполненных кошельков, в сундуке их могло поместиться приблизительно 20 штук: в 4 ряда по

Предметы быта и домашнего обихода. Железные детали и реконструкция сундука конца XVI – начала XVII в. из пространства постройки № 1 (погребение № 1?); 2 – взрезной замок, 3 – ручка; 4 – ключ; 5, 6 – петли крепления крышки (навесы сундучные); 7–14 – обломки полос жестяной обивки (от мест угловых соединений?); 15–36 – гвозди обивочные (для крепления жестяной обивки, элементов и угловых соединений сундука); 37 – графическая реконструкция сундука. Примечание: в этом или подобном сундуке могли перевозить жалование служилых людей для Томского гарнизона, похищенное остяками

5 кошелей в каждом ряду. Исходя из суммы перевозимого жалования (400 рублей), в каждом кошеле находилось 20 рублей – около 200 монет (копеек). Приблизительный объем такого числа монет (30 куб. см) немного меньше, но близок к объему найденного целого кошеля.

Лампы (светильники и держатели фитиля). Представлены 14 деталями. Каждое изделие представляет собой грубо изготовленную из обрезка стенки медного котла небольшую емкость в форме вытянутой воронки, открытой с одной стороны. Внешне данные предметы напоминают небольшие ложечки со втулкой.

Кресальный набор – комплект приспособлений и материалов для добывания огня. Представлен в Монкысь урии только одним типом изделий – кресалами.

Гребень-расческа – 1 экз. Предмет прямоугольной формы, изготовлен из ковкого медного листа. Гребень одно-сторонний. Его верхняя часть – рукоять – оформлена тремя круглыми сквозными вырезами, примыкающими к краям и образующими проем. С одной стороны изделие орнаментировано по периметру циркульными кругами с точкой в центре и двумя зигзагообразными горизонтальными линиями, выполненными широким резцом, следы которого напоминают орнамент керамических сосудов типа «шагающая гребенка». На оборотной стороне «шагающим» резцом выполнено два параллельных ряда. Циркулярный орнамент отсутствует.

На сегодня нам известно два практически идентичных гребня. Один из них происходит из погребения первой половины XVII века Кинтусовского 4.3 могильника на реке Большой Салым [Карачаров, А-1992]. Второй обнаружен при раскопках Козюлинского могильника на реке Томь [Плетнева, 1990. С. 60, 61. Рис. 46 – 20]. Оба предмета имеют сходные размеры и орнамент. Возможно, они были изготовлены в одно время и в одной ремесленной мастерской.

1. Железное кресало

2–5. Держатели фитиля жирового светильника, изготовленные из листового меди утилизированных котлов

6. Гребень из меди

6а. Рисунок медного гребня [Семенова, 2005. С. 61. Рис. 42 – 2]

7
8

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И УПРЯЖЬ

Плохая сохранность предметов из дерева и другой органики, содержащихся в культурном слое городка *Монкысь урий* (как и подавляющего количества археологических памятников таежного Приобья), не позволяет детально рассмотреть многие стороны материальной культуры его населения. Не исключение в этом плане и средства передвижения.

Наземный транспорт

О приоритетной значимости сухопутного транспорта в холодное время года в аборигенных обществах севера Западной Сибири мы уже писали в предшествующих исследованиях [Кардаш, 2013б. С. 27]. Основываясь на имеющихся у нас очень ограниченных археологических материалах, мы мало что сможем сообщить о его специфике и уровне развития. Тем не менее попытаемся обозначить его основные черты.

Наземный транспорт у средневековых лесных ханты представлен в основном нартами, которые обычно везли домашние олени, и лыжами.

Нартенный транспорт. В коллекции *Монкысь урия* имеются костяные детали нарт и недоуздка оленя – 12 экз. К этой же категории вещей отнесены 5 железных колец, которые ханты могли использовать в качестве деталей упряжи.

Детали нарты достоверно представлены только двумя предметами, причем парными – это **блоки крепления нарты** к упряжи.

Детали недоуздка – 7 экз. (рис. 7–12). Все целые предметы и фрагменты данной категории изделий, за исключением железных разделительных колец, выполнены из рога, вероятнее всего, северного оленя. Они представляют собой два типа изделий, соответствующих деталям комплекта сложного недоуздка: с четырьмя пластинами – для передового оленя и с двумя пластинами – для пристяжного животного [Историко-этнографический атлас Сибири..., 1961. С. 13, 21, 22, 44. Рис. 3, 4. Табл. II], а именно **нащечные пластины и налобные пластины**.

Детали недоуздка оленьей упряжи (*avelnen* – хант.) XVI – начала XVII в. (7–13):

7–8. Упряжки обских остяков – фрагменты рисунков Н. Шахова, первая половина XIX в. (г. Санкт-Петербург, МАЭ. Инв. 5753–6, 5753–4)

9. Блок крепления нарты

10. Налобная пластина

11–13. Кольца (разделители ремней упряжи?)

14. Парные нащечные пластины в момент обнаружения (*in situ*) в культурном слое в северном углу постройки № 5(6) (уч. А⁷/32, ур. 43,60 м)

15. Налобная пластина

16–18. Пластины нащечные (*puvlet low* – хант.)

Ближайшие аналоги костяным деталям оленьей упряжи и нарт, найденным при раскопках *Монкысь урия*, имеются в материалах из раскопок Мангазеи, Надымского и Полуйского мысового городков.

В целом же все эти артефакты сходны с такими же предметами нартенного транспорта позднего средневековья и нового времени, распространенными на обширных территориях севера Евразии. В перспективе, когда число таких находок будет достаточно представительным для полноценного сравнительного анализа, стоит задаться вопросом о причинах типологической близости этих форм на севере Сибири.

Льжи. Данный вид транспорта, точнее средств передвижения, появился и использовался на территории Западной Сибири с глубокой древности.

Наличие лыж у населения городка *Монкысь урий* не вызывает сомнений, хотя прямых (археологических, фольклорных и документальных) доказательств этому нет. Мы располагаем лишь косвенными данными. В числе таковых, помимо длительной снежной зимы, следует указать наличие костей промысловых животных (мясных и пушных). Добыча зверя крайне затруднительна и малоэффективна без использования лыж, самого удобного и простого средства передвижения охотника по высокому снежному покрову. Кроме того, имеется еще один косвенный факт: наличие специализированных инструментов для деревообработки – *стругов*. Наблюдения этнографов показывают, что струги аборигенами западносибирской тайги использовались главным образом для изготовления транспортных средств – нарт, лыж и лодок, в меньшей – в домостроительстве.

Детали недоуздка оленьей упряжи (*avelnep* – хант.) XVI – начала XVII в. (1–5):

1. Парные нащечные пластины в момент обнаружения (*in situ*) в культурном слое в северном углу постройки № 5(6) (уч. А'/32, ур. 43,60 м)

2. Налобная пластина 3–5. Пластины нащечные (*pivlet low* – хант.)

Водный транспорт

В коллекции находок из *Монкысь урия* нет ни одного предмета от какого-либо судна. Все факты, на основании которых мы предполагаем наличие у жителей городка водного транспорта, также косвенные.

Лодки – малые речные и озерные суда. В Западной Сибири они появились, по-видимому, еще в каменном веке. В связи с этим не вызывает сомнения, что они использовались ханты и в интересующий нас период.

Судя по имеющимся у нас документам, отряд Тонемы (Кинемы) напал на промышленников и торговцев, останавливавшихся на ночлег на берегах Оби. Успех таких операций вряд ли был возможен без использования малых речных судов, способных обеспечить оперативное перемещение членов отряда, таких как грабительский набег и последующий отход по реке.

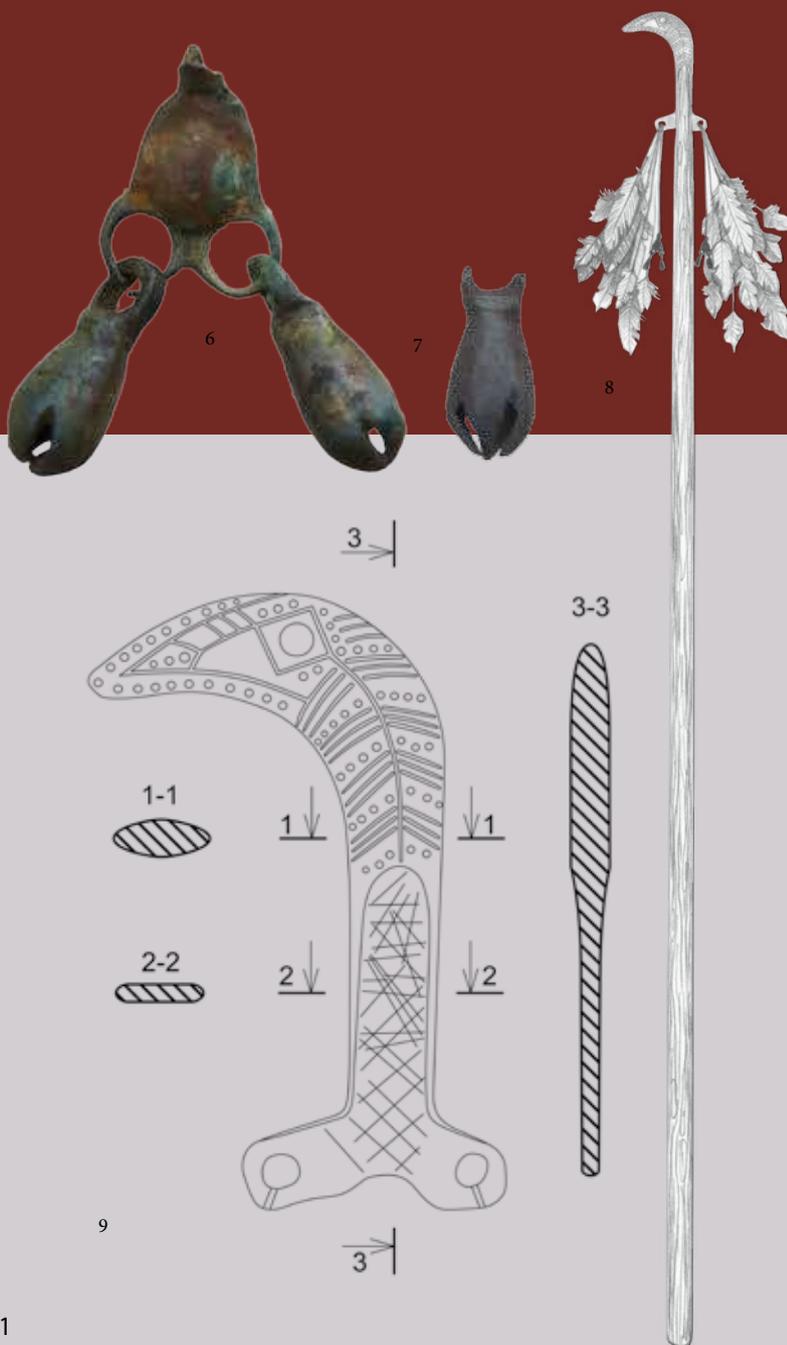
Использование и изготовление малых речных и озерных судов в городке *Монкысь урий* можно считать доказанным фактом. Мы считаем, что это были лодки, аналогичные современному «обласу». Такие суда, как уже отмечалось, хорошо известны у аборигенов сибирской тайги и охарактеризованы многими исследователями. Кроме того, есть и другие, но также косвенные, указания на

использование лодок жителями городка *Монкысь урий*. Это находки на городище специализированных инструментов, необходимых для изготовления малой речной и озерной лодок, наподобие вышеупомянутого «обласа». Специальными инструментами, о которых идет речь, являются тесло, топор с дугообразно изогнутым лезвием, струги и сверло. В этой связи примечательно, что в отличие от широко распространенных стругов, топоров и ножей, количество которых соотносится с числом жилых домов и малых семей в городке *Монкысь урий*, комплект орудий для изготовления лодок найден только один. Возможно, что в поселке жил только один человек, обладавший наиболее глубокими знаниями по технологии изготовления лодок. Скорее всего, это был глава одной из семей. Это предположение основано на

косвенном факте: незавершенное каменное грузило для калыданной сети было найдено в пространстве другой постройки (1), что вряд ли предполагало товарообмен между семьями. находка данного «калыданного камня» указывает на наличие у обитателей городка специфической сети, применение которой невозможно без малой лодки.

В то же время, для сравнения, заметим, что в мерзлом культурном слое более мощного укрепления того же периода – Надымского городка – расположенного в западносибирской тундре, при наличии большого количества обломков самих лодок, не было найдено ни одного специального орудия или приспособления для их изготовления, а главное – отходов производства таких «обласов» [Кардаш, 2013а. С. 180–182].

- 6. Подвеска с двумя привесками (возможно, элемент посоха), найденная в промежутке между постройками № 1 и № 5(6), у северного угла постройки № 1 (уч. X–Ц/33)
- 7. Привеска (деталь подвески), найденная к юго-востоку постройки № 1, в постройке № 3(4)
- 8. Посох жреца городка *Монкысь урий* (графическая реконструкция)
- 9. Навершие жреческого посоха (чертеж с прорисовкой орнаментальной схемы)

КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ И РИТУАЛЫ

Находки предметов, связанных с ритуальной религиозной практикой, на поселенческих объектах таежной зоны севера Западной Сибири крайне редки. В основном исследователи находят на руинах поселений металлические предметы – бронзовые антропоморфные личины и различные украшения, иногда – керамические фигурки. Особая категория находок – захоронения на городищах и остатках древних селищ «кукол-ыттарма» с бронзовыми и деревянными «личинами», символизирующих души воинов, погибших на чужбине. Крайне редки на поселениях находки костяных, и тем более, деревянных ритуальных предметов. Их известны единицы, и сохраняются они лишь в особых условиях. Причиной тому является низкая степень сохранности изделий из органических материалов в песчаных супесчаных почвах данного региона. Тем не менее это не означает, что таких вещей совсем не было в городке, а его жители не проводили ритуальных действий. По материалам раскопок синхронных археологических памятников с мерзлым культурным слоем в субарктической зоне Западной Сибири известно, что

на поселениях находилось довольно много культовых предметов из дерева и имела место различная ритуальная практика.

Одним из источников, свидетельствующих о религии и культовой деятельности жителей городка *Монкысь урий*, являются найденные здесь религиозные артефакты.

Между тем это является следствием уникальной исторической ситуации, а не традиционной ритуальной практики, которая должна была происходить в другом месте.

Навершие шаманского жезла (посоха) – 1 экз. Изготовлено из рога северного оленя. Навершие представляет собой стилизованное изображение головы птицы с длинной шеей, плавно переходящей в голову

с заостренным клювом. По форме – это подпрямоугольная пластина с двумя наклоненными вниз короткими прямоугольными «отростками» на одном конце и серповидным завершением на противоположном.

Найденный посох – не единственный предмет, связанный с ритуальной деятельностью. Есть другие. В целом же можно отметить, что ритуальная практика осуществлялась, прежде всего, в пределах оборонительно-жилого комплекса. Специального ритуального места вблизи оборонительно-жилого комплекса городка *Монкысь урий* пока не зафиксировано. Такого, как, например, южная ритуальная площадка Надымского городка [Кардаш, 2013а. С. 59–60. Рис. 2.4–2.6; 2.37–2.39] или же небольшая, покрытая щепой площадка с черепами северного оленя с южной стороны оборонительно-жилого комплекса Полуйского мысового городка [Кардаш, 2013б. С. 120–122. Рис. 2.3; 2.4; 2.69–2.73]. Видимо, рядом с городком *Монкысь урий* не проводились большие общинные сборы. Община периодически собиралась на праздники, но это происходило где-то в другом месте – далеко за пределами городка.

Иные свидетельства, связанные с ритуальной деятельностью, рассматриваются в тех разделах, где речь идет о контексте, в котором они обнаружены.

В целом анализ вещевого комплекса городка позволил сделать ряд основных выводов. Коллекция *Монкысь урия* состоит из предметов, связанных с тремя функционально и хронологически различными памятниками, тем не менее тесно связанными между собой. Хронологические различия этих памятников незначительны, поскольку данные культурные комплексы формировались последовательно и в рамках одного довольно узкого временного интервала.

Сочетание в одном месте разных типов археологических памятников – явление нередкое и даже традиционное для таежного Приобья и культуры местных аборигенов: это, например, многочисленные могильники, святилища и поминальные места раннего железного века, средневековья и нового времени, основанные на руинах древних поселений.

Несмотря на это, городок *Монкысь урий* (городище Частухинский урий), обладающий чертами многослойных и комплексных археологических памятников, все же довольно оригинален на общем фоне. Прежде всего тем, что все перечисленные типы объектов принадлежали одному и тому же населению. Выделяется он и составом своего населения, обладавшего неординарным положением и высоким социальным статусом в рамках аборигенного общества того времени.

Кроме того, данный археологический памятник обладает чертами памятника историко-культурного объекта, так как финал существования городка отражен в письменных исторических документах Московского государства и многочисленных местных хантыйских преданиях.

1. Навершие жреческого посоха в момент обнаружения (*in situ*) в культурном слое остатков юго-западной стены постройки № 1, на территории наружной стены оборонительно-жилого комплекса городка (уч. Н/36, ур. 44,69 м)

ГЛАВА 4 / CHAPTER 4

ОСАДА И ОБОРОНА ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ / THE SIEGE AND DEFENSE OF THE MONKYS' URI TOWN

В работах предшествующих исследователей воссозданию и анализу реальных событий в истории данного городка посвящено несколько сюжетов. Безусловно, мы также не можем оставить без внимания эту тему. Хотя бы потому, что сейчас в нашем распоряжении имеется целый комплекс разнообразных источников: документальных, фольклорных и, естественно, археологических. Ранее они в таком объеме и составе не были доступны и, соответственно, не могли быть проанализированы другими авторами.

1. Условия нахождения ядра в культурном слое (in situ) (уч. Н/41, ур. 45,78 м)
 2. Створка литейной формы (постройка 2.9,2, уч. Б"/41, ур. «1990»)
 3. Затинная пицаль XVII века: реконструкция ее общего вида и использования (рисунок)
 4. Стрельба из пушки XVII века: реконструкция ее общего вида и использования (рисунок)
 5–10. Чугунные кованые ядра

Свое видение мы представляем в разделе, посвященном поселенческому комплексу. Дело в том, что процесс осады и обороны городка тесно связан не только с известными историческими событиями, но и с архитектурой исследованного и реконструированного нами оборонительно-жилого комплекса. Тем более что археологические данные позволяют оценить и эффективность самих оборонительных сооружений. Кроме того, архитектуру важно рассматривать вместе с другими источниками, поскольку, как отмечалось выше, степень сохранности деревоземляных сооружений оставляет желать лучшего. В том смысле, что она информативна только относительно и предполагает ряд интерпретаций, каждая из которых, к сожалению, является недостаточно правдивой и обоснованной. На наш взгляд, только верификация предложенной гипотезы с помощью разных видов источников позволит проверить и обосновать наши выводы. В связи с этим данное исследование мы строим по принципу автономного представления и анализа источников и лишь впоследствии представим некую единую реконструкцию событий.

Основной задачей данного раздела нам представляется воссоздание архитектуры оборонительно-жилого комплекса городка Монкысь урий в контексте событий последнего периода его существования.

Решать эту задачу и проверять степень достоверности наших решений предполагается первоначально путем реконструкции исторического контекста событий, опираясь на документальные источники, затем сопоставления полученной информации с фольклорным материалом и, наконец, с археологическими данными.

В итоге этим разделом мы завершим данную главу, рассмотрим последний этап в истории городка Монкысь урий и поставим некую точку на функционировании данного объекта как населенного пункта.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОСАДЕ И ШТУРМЕ ГОРОДКА

Общие замечания. В нашем распоряжении имеется как минимум восемь документов, связанных с историей городка Монкысь урий и его жителями. Эти источники хорошо известны историкам и неоднократно анализировались ими.

Из интересующих нас исследований наиболее полный и глубокий анализ данного комплекса документов – с привлечением других косвенных источников – выполнен екатеринбургским историком Е. В. Вершининым. Эта работа была проведена им в 2001 году в рамках нашей совместной программы по комплексному изучению истории населения бассейна реки Большой Балык. Данное комплексное исследование было организовано и выполнено научно-исследовательским коллективом Центра историко-культурного наследия (г. Нефтеюганск) под общим руководством О. В. Кардаша [Кардаш, А–2001]. Результаты этого изыскания были опубликованы. На сегодняшний день их можно охарактеризовать как наиболее объективную научную реконструкцию событий начала XVII века, связанных с исторической личностью Тонема (Тонья), которую можно было выполнить на основании документальных данных [Вершинин, 2002. С. 98–110]. Мы не сможем добавить к этим материалам что-то радикально новое, так как других документов по истории Сургутского уезда конца XVI – первой четверти XVII века за последнее время не обнаружено. Более того, в ближайшей перспективе вряд ли можно их ожидать, поскольку, как известно, «в 1626 году мая в 3 день учинился на Москве пожар, и город и в Кремле-городе и в приказе Казанского дворца всякие дела погорели». В связи с этим осенью 1626 года в сургутской приказной избе производилось копирование документов, из которых в итоге была составлена сургутская копияная книга 1 [РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 59–61]. Это практически единственный свод

источников, который содержит несколько десятков документов по истории Сургутского уезда за период с 1594 по 1625 год.

Е. В. Вершинин тщательным образом просмотрел, выписал и проанализировал значительную часть необходимых нам источников столбца 8 (186 листов), который полностью состоит из «сургутских» документов, скопированных в 1626–1627 годах. Им были изучены все самые ранние письменные материалы, в которых могли бы содержаться сведения о «князе» Бардаке, его сыне Тонеме и событиях, происходивших в Сургутском уезде в означенный выше период. Вероятность выявления новых документов существует, но крайне мала.

Мы сочли разумным не пересказывать данную работу, а осветить только исторический контекст, в котором в последние годы существовал городок *Монкысь урий*, а также привести основные заключения, которые обосновал наш друг и коллега, снабдив их некоторыми собственными дополнениями и уточнениями, которые были упущены. Это позволит уделить больше внимания анализу новых источников, ранее не вводившихся в научный оборот.

Изложение исторических событий и их анализ. В 1585 году московским отрядом во главе с воеводой И. А. Мансуровым на правом берегу Оби, в районе устья Иртыша, был основан Обской (Мансуровский) городок, который существовал до 1594 года, выполняя функцию опорного пункта продвижения Московского царства в районы среднего течения реки Оби. Известно, что около 1592 года состоялся значительный по масштабам поход русского войска, в котором предположительно участвовали казаки гарнизонов Тобольска, Березова, Обского городка и слу-

жилые остяки Коды. Маршрут военной экспедиции прошел от района Мансуровского городка вверх по Оби до устьев рек Тыма и Кети. После этого в Среднем Приобье было начато строительство военно-административных пунктов Московского царства. Одним из первых здесь летом 1594 года был заложен город Сургут.

У историков давно утвердилось мнение, что Сургут был основан на территории военно-политического объединения аборигенных общин, известного в литературе под названием «Бардаково княжество».

Тем не менее до сих пор остается нерешенным вопрос о его локализации, границах и этнической принадлежности его населения. Достоверно известно, что в условиях формирования русской административно-территориальной системы это «княжество» или его основная часть стали отдельной волостью Сургутского уезда.

С конца XVI века «вожество» возглавлял местный «князь» Бардак. Когда он принял русское подданство – в 1594 году, после основания города Сургута, или ранее, во время похода русской рати 1592 года, – не известно. Впервые имя «князя» Бардака появляется в 1596 году в царской грамоте, адресованной сургутскому воеводе. Из грамоты ясно, что Бардак был лоялен к московской власти и имел противоречия с ханом Кучумом, поскольку сообщил воеводе О. Т. Плещееву о готовившемся совместном нападении отрядов главы Сибирского ханства Кучума и вождя «Пегой Орды», нарымского «князя» Вони, на Сургут. В том же году и по тому же поводу в документах появляется и «*Бардоков сын Тонем*». Из этого следует несколько выводов, важных для

нашего исследования. Во-первых, это первое документальное упоминание о данном человеке и его имени – Тонем. Далее возраст сына и его отца определяются, соответственно: около 20 и 40 лет.

На основании полученной от «князя» Бардака и его сына Тонемы информации в Москве было решено организовать поход в Нарымское Приобье, который состоялся в 1597–1598 годах. В данной военной операции, помимо русских служилых людей, участвовал отряд остяков Сургутского уезда, в том числе и «Бордаковых людей». Следующий важный момент, на который мы обращаем особое внимание, – это *совместный* военный поход служилых казаков и «Бордаковых людей». Сложно представить, чтобы спустя всего три года после основания Сургута и покорения чуждого и незнакомого аборигенного населения можно было создать такое объединенное войско. Для подобной военной консолидации у местного населения явно должны были быть соответствующие навыки ведения боя с жителями тундры и хорошее вооружение, а у русских – опыт тактического использования отрядов аборигенов. Из этого можно сделать вывод, что как минимум военная элита Бардакова княжества имела некую относительную близость с русскими в сфере военной культуры, а языковые различия не создавали больших проблем в ходе проведения этой операции.

В том же 1597 году Москвой было принято решение об организации следующего совместного похода сургутских казаков и людей «князя» Бардака на север от Сургутского Приобья – в бассейн реки Пура – для приведения «под государеву под царскую руку» кунных и асицких самоедов. Данный поход, по-видимому, долго готовился и состоялся только в 1601 году. Отряд состоял из сургутских казаков, возглавляемых атаманом Б. С. Зубакиным, и остяков под руководством другого сына Бардака – «князя» Кинемы. Исходя из царского наказа, самому Бардаку было запрещено возглавлять поход и предписано: «...у себя в городе да с ним сыну его лучшему да брату Бардакову в те поры быти в городе ж [Сургуте]». Это свидетельство недоверия «князю» Бардаку и его родствен-

У историков давно утвердилось мнение, что Сургут был основан на территории военно-политического объединения аборигенных общин, известного в литературе под названием «Бардаково княжество».

никам, что также является оценкой потенциальной угрозы, определяемой уровнем военной подготовки и вооружения. Упоминание одного из сыновей Бардака под именем Кинема указывает на наличие у «князя» второго или третьего сына. Впрочем, не исключено,

что это только второе имя ранее упомянутого Тонемы либо часть его более длинного имени, которое за определенные подвиги присваивалось выдающимся воинам. Такой обычай хорошо известен по фольклорным данным остяков.

*1. К истории городка Монкысь урий. Нападение отряда Тонемы (Кинемы) на каяки торговцев и промышленников в Сургутском уезде на Оби летом 1616 г.
Историческая живопись. Художник А. С. Кухтерин*

1. К истории городка Монкысь урий. Нападение отряда Тонемы (Кинемы) на отряд томских казаков в Сургутском уезде на Оби летом 1618 г. Историческая живопись. Художник А.С. Кухтерин

Есть все основания полагать, что «княжество Бардака» на начальном этапе его вхождения в подданство московской власти находилось на особом положении. Бардак владел своей «вотчиной» и, по-видимому, считался «служилым князем». С людей, подвластных ему, взимались так называемые «поминки» – официальные подати, которые были меньше окладного ясака. Из истории формирования системы управления Московского царства на севере Западной Сибири мы знаем, что редкие аборигенные вожди сохраняли такое положение длительное время.

Период 1603–1615 годов известен в российской истории как эпоха смуты, гражданской войны и интервенции. Это не могло не отразиться на снижении темпов государственного продвижения на восток и ослаблении контроля над воеводским управлением в Сибири. Новый аппарат управления Михаила Романа, взошедшего на престол в 1613 году, находился в тяжелом финансовом положении. В таких условиях воеводы Сургутского уезда вполне могли пойти на ликвидацию привилегий наследников «князя» Бардака, а также родственников и элиты бывшего аборигенного «княжества». Учитывая это, представляется логичным, что ликвидация служилого статуса наследников «князя» Бардака и уравнивание их положения с остальным ясачным населением могли стать причиной организации военных действий, принявших

форму военных нападений и грабежей как русских служилых людей, промышленников и торговцев, так и аборигенного податного населения края.

Первая боевая операция наследников Бардака состоялась в конце лета – начале осени 1616 года. Нападение «князя» на население своей же волости, еще недавно подвластное ему, неслучайно по разным причинам. Очевидно, что рядовым осяткам Бардаковой волости прямое подчинение сургутским властям было выгодно, поскольку экономически означало только уплату ясака в государственную казну и исключало затраты на содержание своего «князя». Неслучаен и период нападения. В данный сезон местное население самых удаленных территорий волости должно было находиться на рыбном промысле.

Параллельно с рейдом на осятков отряд Кинемы напал на русских торговцев и промысловиков, и «...побили торговых людей дощаник Третьяка Огородника с братьею и с товарищи девяти человек да промышленных людей 6 каюков» (рис. 1, с. 94). После этого нападения «...на 3-й день побили сургутских служивых людей Ивана Кайдалова, Василья Хохла да Ивана Зубатого дву человек; и всех побили 30 человек и, животы их пограбя, побежали» (Там же).

Следует заметить, что это было достаточно смелым и значительным заявлением о себе отряда «князя» Кинемы Бардакова. Получив известие об этих событиях,

2. К истории городка Монкысь урий. Нападение отряда Тонемы (Кинемы) на отряд томских казаков в Сургутском уезде на Оби летом 1618 г. Историческая живопись. Художник А.С. Кухтерин

сургутские воеводы направили для пресечения «воровских» действий отряд казаков и остяков численностью 50 человек под руководством «боевого товарища» Кинемы атамана Богдана Зубакина. Мятежников они «не догнали», поскольку те «побежали безвестно», то есть скрылись, не стремясь к открытому вооруженному столкновению. Опрошенные во время поисков остяки, спасшиеся при нападении отряда Тоньи – Кинемы, сообщили, что велено было «...им, украдом, на Оби, и в лесу русских людей побити, и в волости смутой посылати». Иными словами: начать и распространить антирусское восстание по всему уезду.

Судя по косвенным данным и некоторым источникам, «воровские» операции отряда Кинемы в Сургутском Приобье продолжались и стали широко известны. Между тем конкретные военные действия и разбой Тонемы после осени 1616 года вплоть до 1618 года нам не известны.

Летом 1618 года, также в западных районах среднего течения Оби (Сургутский уезд), Кинема Бардаков напал на небольшой (6–8 человек) отряд томских казаков, следовавших с денежным довольствием для гарнизона в Томск. Казаки были убиты и захвачено 400 рублей серебряной монетой (не менее 40 000 копеек). Сургутский воевода, в юрисдикции которого было место, где произошло это событие и находился

мятежный «князь», предпринял решительные действия. Операция длилась почти полгода и завершилась в начале зимы (конец ноября – начало декабря), о чем в январе 1620 года было сообщено в Москву¹. Она состояла из двух этапов: летнего, начавшегося 15 июня 1619 года, когда из Сургута был отправлен отряд казаков во главе с русским подьячим Иваном Афанасьевым и местным «новокрещеным» толмачом Иваном Парабельским.

В результате летних поисков самого Кинемы найти не удалось. Тем не менее осенью того же года (рис. 1, с. 96) «жен их и детей от города в верстах в 20 и 30 по юртам их в полон поймали и повезли в Сургут». Как ни странно, но это не стало поводом для раскаяния и сотрудничества с московскими властями Сургута. По-видимому, эти пленные не были членами или ближайшими родственниками «княжеской» семьи Кинемы Бардакова. Поскольку летние поиски закончились почти безрезультатно для пресечения действий отряда Кинемы Бардакова, в конце осени (ноябрь) была предпринята сухопутная военная операция. В результате

¹ Отметим, что данное обстоятельство уточняет дату военной операции. Дело в том, что челобитную отправили явно сразу после успешной поимки государственных изменников, поскольку ее сопровождало прошение о вознаграждении участников подавления бунта.

МОНКЫСЬ УРИЙ – ГОРОДОК XVI–XVII ВЕКОВ на реке Большой Юган

К истории городка Монкысь урий. Пленение жен мятежников на летнем стойбище, у берега реки Оби, летом 1618 года.

«изменников Суету с товарищи побили и Кинемина сына болюво и жену в полон взяли, и нашу денежную казну 400 рублей, которую позром[или у том]ских служилых людей во 12 [6 – 1618] году, сыскали и привезли в Сургут». Именно в этих событиях вместе с Кинемой появляется его брат, вероятно, младший, – Суета Бардаков. Он был убит, а жена и старший сын Кинемы попали в плен и были увезены в Сургут.

О дальнейшей судьбе самого Кинемы Бардакова документальные данные отсутствуют. Очевидно, что зимой 1619–1620 годов ему удалось избежать и гибели, и плена. Вместе с тем, поскольку сведений о новых нападениях на остяков и русских промышленников и торговцев нет, возможно, что потерявший своих сподвижников «князь» был убит своими же остяками не позднее 1627 года. Еще в марте 1626 года в Сургуте находились «тюремные сидельцы остяки, которые сидят в твоём государеве изменном деле». Очевидно, это были родственники и сторонники Кинемы, захваченные в 1619 году и явно удерживаемые в качестве аманатов.

Вместе с тем в ясачной книге Бардаковой волости Сургутского уезда за 1626–1627 годы в числе «лучших людей» впервые начал фигурировать Сана Тангиреев, предположительно сын «князя» Танги – Тонемы – Кинемы. На этом история мятежа 1616–1619 годов потомков «князя» Бардака – Тонемы – Кинемы и его брата Суеты – завершилась. Впоследствии, на протяжении всего XVII века, каких-либо «воровских» действий остяцким населением Сургутского уезда не предпринималось.

Документальные источники не содержат прямых сведений об осаде и штурме городка *Монкысь урий*. Лишь по косвенным данным мы можем предположить, что вплоть до поздней осени 1619 года небольшая флотилия сургутских казаков на каюках искала по протокам среднего течения Оби отряд Кинемы Бардакова. Причем так же безуспешно, как и осенью 1616 года.

После безрезультатных летних поисков – на время осенней распутицы и ледостава – военно-поисковая экспедиция была временно прекращена, примерно на месяц. Это было сделано для того, чтобы мятежники прибыли к месту своего зимнего проживания, где предполагалось их долговременное нахождение. Только там, после замерзания рек и установления зимних путей, появилась реальная возможность настигнуть бунтовщиков, застать их врасплох и захватить. Таким местом являлся городок Монкысь урий, сведения о котором, вероятнее всего, мог собрать летом у остяков толмач Иван Парабельский.

В итоге этих действий в ноябре – декабре 1619 года отряд сургутских казаков и лояльных русской администрации остяков осадил городок «князей» Тонемы и Суеты Бардаковых. При штурме погиб Суета и часть

сторонников мятежа. Другая часть восставших, а также жена и дети Кинемы, были взяты в плен. Денежное жалование казаков Томского гарнизона было найдено и возвращено в казну. Наиболее важный для нас факт – это зимние условия проведения и завершения боевой военной операции.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОСАДЕ И ШТУРМЕ ГОРОДКА

Общие замечания. Все исследователи, обращавшиеся к этой теме, в той или иной степени использовали фольклорные источники [Дунин-Горкавич, 1910. С. 29–30; Семенова, 1990; 2005; Вершинин, 2002]. При этом наиболее значительный комплекс фольклорных материалов обработал Е. В. Вершинин. Он провел детальный анализ сведений, содержащихся в фольклорных материалах, сопоставил их с данными, выявленными в письменных источниках, в результате чего получил крайне интересные результаты. Тем не менее ни один из этих авторов не обладал в свое время таким набором фольклорных источников, как мы. Сейчас обнаружено 12 практически полных и фрагментарных текстов преданий о Тонье.

Мы проведем выборку информации из фольклорных записей, которая важна для нашего исследования, сравним полученные данные с материалами документальных источников, с тем чтобы определить степень достоверности хантыйских преданий и реальность изложенных в них исторических событий, связанных с осадой и штурмом городка *Монкысь урий*. Затем попытаемся наиболее полно воссоздать эти события и их детали, причем уже на основе сравнительного анализа документальных и фольклорных источников.

Большая степень достоверности событий и деталей, отраженных в хантыйских сказаниях, в частности преданиях о Тонье, уже не раз подтверждалась исследователями [Семенова, 1990; 2005; Вершинин, 2002; Визгалов, Кардаш, 2010]. Из всех научных работников, обращавшихся к этой теме, наиболее высокую степень достоверности фольклорных источников о Тонье (Танге), причем наиболее убедительно и фундаментально, обосновал Е. В. Вершинин. В связи с этим напомним его основные выводы, дополнив их теми эпизодами, которые ученый по тем или иным причинам не рассмотрел в своей работе.

Фольклорные материалы и их обсуждение.

Особенности фольклора о Тонье (Танье, Танге). Фольклорные источники – при внимательном их рассмотрении – позволяют сделать интересные выводы. Наибольшее количество сказаний о воинственном вожде Тонье (Танье, Танге), известных ранее и бытующих по сей день, зафиксировано у коренного населения Большого и Малого Югана, в меньшей степени – у ханты Большого и Малого Пима.

Впервые легенда об остяцком «князе» Танге была опубликована в начале XX века [Дунин-Горкавич, 1910. С. 29–30]. Часть преданий сказители именовали как «*ton'ti*»¹, но, очевидно, правильнее сказать «*ton't'a*, *tan't'a*, *tan't't'a*»², то есть «сказка», или, принимая во внимание форму «*ton't'itta*» («*расказывать*»), наиболее точный перевод будет: «*расказ*» или «*сказание*» [Терешкин, 1981. С. 243]. Отметим этот факт и сам термин «*расказ*» («*сказание*»), применяемый к фольклору о Тонье (Танге, Танье). В отличие от других определений – «*tarnen*» («*героическая*») и «*tarnen are*» («*героическая песня*» или «*эпическая песня*»), применяемых для подобных произведений устного творчества. На наш взгляд, использование термина «*tarnen are*» явно подчеркивало некую давность и отчужденность событий. Напротив, перевод в словаре термина «*ton't'a*» как «*сказка*», а в современной терминологии оно звучит как некое «*фэнтези*», не отражает полностью данного понятия. На самом деле, по нашему мнению, термин «*ton't'a*» подчеркивает близость и достоверность исторического события. Его надо переводить, в данном случае, как «*расказ*» – произведение о недавних и вполне реальных событиях.

Происхождение фольклорного персонажа Тоньи – Таньи, опуская чисто мифологические нюансы, не выглядит особо нереальным. Согласно ранним фольклорным данным, «князь» Танга (Тонема) изначально «...проживал по Большому Балыку, в третьих юртах от устья этой реки» [Дунин-Горкавич, 1910. С. 29]. Судя по картографическим материалам, составленным Дуниным-Горкавичем в 1903 году, третьим населенным пунктом означенной реки были юрты Очимкины.

В 1992 году, в процессе археологических разведок, нами были обнаружены и идентифицированы остатки данного поселения. Близ него были выявлены остатки городища XVI–XVII веков, получившего название Усть-Пытьях 5 [Визгалов, 1993. С. 13–18; Кардаш, 2001б. С. 29–33. Графическое прил. 27]. Оба объекта находятся в черте современного города Пыть-Ях. Особо примечательна близость ландшафтных условий нахождения этого городища и городка *Монкысь урий*. Оба памятника приурочены

¹ В транскрипции А. И. Силина, записавшего фольклорное произведение «Монти Танья» со слов С. Ф. Покачева в 1954 году в юртах Урьевых на реке Большой Юган.

² Звучит почти как термин «мантра» – необыденный текст, произнесение которого много раз считается производящим особые результаты, магические или духовные. Дословный перевод данного слова – «средство осуществления психологического акта» (освобождение) – происходит от корня «манн» – «мнить, полагать («ум») + орудийный суффикс «тра» [Индуизм, Джайнизм..., 1996. С. 262–263]. Если доступнее: знания, которые создаются людьми, обладающими знаниями, из уст в уста (ученикам). Возможно излишнее отступление, но о нем стоит подумать на следующей стадии осмысления региональной этнической истории.

Скорее всего, юрты Тангины были таким местом, куда на летний рыболовный промысел съезжались жители всех или многих зимних поселений Большого Балыка, а также, возможно, Большого Югана. Именно такое место могло обеспечить связь балыкских и юганских жителей и обусловить переселение Тоньи на Большой Юган, в урочище *Монкысь урий*. Таким образом, речь идет не о разных населенных пунктах, а о сезонных поселениях одной родовой общины.

к старичным озерам. Городище Усть-Пытьях 5, как и городище Частухинский урий, находится на вершине останца коренной террасы реки. Вышеупомянутые юрты Очимкины основаны не ранее XVIII века, то есть высока вероятность, что в легенде речь идет именно о руинах городища близ этих юрт. В связи с тем, что время функционирования данного населенного пункта совпадает с историческими событиями, мы полагаем, что этот городок на реке Большой Балык вполне мог быть местом рождения легендарного Тоньи (Таньи, Танги).

Вместе с тем, согласно ряду позднейших легенд, Тонья родился в юртах Люкси-пууль на Юганской Оби. Такие юрты действительно существовали. Их второе название, фигурирующее на картах и в документах, – юрты Тангины – явно созвучно с именем богатыря. Данный населенный пункт находился южнее Сургута, на левобережье Оби, между устьями рек Большой Балык и Большой Юган. Мы не считаем, что данная информация о месте рождения Тоньи противоречит приведенной выше. Дело в том, что значительная часть поздних населенных пунктов, зафиксированных по берегам Оби и в низовьях ее проток, возникла на местах летних сезонных рыболовецких поселений, которые были приурочены к «неводным» пескам и постоянным родовым местам ловли ценных пород рыб.

Скорее всего, юрты Тангины были таким местом, куда на летний рыболовный промысел съезжались жители всех или многих зимних поселений Большого Балыка, а также, возможно, Большого Югана. Именно такое место могло обеспечить связь балыкских и юганских жителей и обусловить переселение Тоньи на Большой Юган, в урочище *Монкысь урий*. Таким образом, речь идет не о разных населенных пунктах, а о сезонных поселениях одной родовой общины.

Отметим еще одно обстоятельство, которое, думается, будет уместно в контексте анализа о месте

рождения «князя» Тоньи. Известно, что *авункулат* (от лат. *avunculus* – брат матери), широко распространенный в традиционных обществах социальный институт, оформляющий особые отношения между индивидом (чаще мужского пола, реже – женского) и братом его/ее матери, характерный для всех древних обществ, бытовал и на Средней Оби [Салымский край..., 2000. С. 56–58; *Визгалов, Кардаш, 2010. С. 60–65*]. Согласно данному принципу, до совершеннолетия дети воспитывались ближайшими родственниками жены. Таким образом, молодой «князь» Тонья (Танга) вполне мог родиться и первоначально проживать на Большом Балыке, левом притоке Оби, хотя основная ставка его отца находилась на правом берегу Оби. Впоследствии Тонья – по указанию отца или волею судьбы – мог проживать в любом другом месте «княжества», в том числе на реке Большой Юган, где у него мог быть и брат. Из документов известно, что сын «князя» Бардака – Тонем – в конце XVI века проживал отдельно от отца, лишь периодически посещая Сургут. Возможно, первоначально он владел «вотчиной» на Большом Балыке и контролировал левобережные обские территории «государства» отца. Все вышеприведенное – это в основном логическое суждение, основанное на косвенных данных. Между тем вряд ли в обозримом будущем у нас или других исследователей появится больше материалов для продолжения этой дискуссии. Прежде чем продолжить анализ фольклора, обратим внимание на само имя былинного героя: *Танга – Танги – Тонья – Тонем – Тонема – Кинема*.

Этимология и происхождение имени (или имен) персонажа. Наличие у главного персонажа – воина (вождя) – нескольких имен, их смена в течение жизни, формирование длинного имени, состоящего из нескольких слов, как уже говорилось, является нормой для хантыйского фольклора [Патканов, 2003. С. 67; *Визгалов, Кардаш, 2010. С. 62–63*].

Е. В. Вершинин в своей работе попытался обосновать селькупское или самодейское происхождение имени Тонья. Правильен такой подход или нет, попытаемся оценить, рассмотрев некоторые этнографические факты. Мы не считаем себя экспертами в области лингвистики и не претендуем, как неоднократно говорилось, на истину в последней инстанции, но в рамках мультидисциплинарного подхода попытаемся рассмотреть этимологию имен.

Итак, фольклорный герой *Танга (Тонья)* носит имя, которое не имеет прямого или точного перевода. Тогда как *Тонем* – имя, фигурирующее в документальных источниках, на наш взгляд, является производным от восточно-хантыйской глагольной формы – «*tonemta*» (дословно: «*знать, узнать, понимать*»), которое можно перевести как «*понятливый*», «*знающий*», «*знаток*» или просто – «*умный*» [Терешкин, 1981. С. 476]. Вполне подоба-

ющее статусу имя-прозвище. Как ни странно, но точного перевода или близких форм имени *Тонья* не обнаружено.

Что касается второго имени героя (или, возможно, имени его брата), созвучного первому, – *Кинем*. Мы склонны интерпретировать его происхождение от хантыйского слова «*kinen*» – «*крепкий*» [Там же. С. 162]. Тоже звучит подобающе для воина.

Таким образом, теория селькупского происхождения имени Тонем – Кинем (Тонья, Танга и других вариантов), скорее всего, ошибочна либо неоднозначна. Впрочем, это не значит, что такое слово не могло быть заимствовано из селькупской лексики. Впрочем, в той же степени нельзя утверждать и обратное. В итоге мы можем констатировать, что имена Тонем и Кинем могли иметь финно-угорскую языковую основу.

Имя еще одного «княжича», сына Бардака, – *Суета*. С хантыйского языка это слово перевести не удалось. Оно даже больше созвучно известному русскому существительному.

Хронология фольклорного произведения – важный фактор, определяющий степень достоверности излагаемых в нем событий. Для примера приведем одно сказание, в котором говорится, что «...в это время юганские остяки платили уже дань русскому царю». Из этого отрывка следует, что данное событие прошло вскоре после того, как местные остяки прекратили платить дань одному иноземному царю (очевидно, здесь подразумевается Кучум, глава соседнего Сибирского ханства) и вынуждены платить ее другому, но уже русскому монарху. Наличие таких косвенных указаний позволяет датировать означенные события концом XVI – началом XVII века.

Социальный статус главного героя сказания. Практически все сказания подчеркивают высокий социальный статус Тоньи (Танги). Наличие в источниках аналогичного по звучанию имени, принадлежавшего сыну «князя» Бардака, не оставляет сомнения в принадлежности персонажа к правящей элите этого княжества.

Противоборствующими сторонами в этих хантыйских рассказах выступают, с одной стороны, остяки (в первую очередь, население бассейна реки Большой Юган), с другой стороны, в разных вариантах сказаний – татары или русские казаки. Причем среди последних фигурируют только те или другие: параллельного существования татар и русских хантыйские предания не допускают. По этому поводу отметим, что данная ситуация, очевидно, является отражением реалий второй половины XVI века, когда отряды Сибирского ханства, именуемые в легендах «татары», совершали военные операции на территории среднего течения реки Оби – от устья Иртыша до Васюгана. Вполне вероятно, что следствием таких походов стало негативное отношение элиты «Бардакова княжества» к хану Кучуму.

1. К истории городка Монкыс урий. Штурм городка Монкыс урий в ноябре – декабре 1619 г. Историческая живопись. Художник А.С. Кухтерин

1

2

1. К истории городка Монкысь урий. Обстрел из пищалей укреплений городка Монкысь урий перед штурмом в ноябре – декабре 1619 г. Историческая живопись. Художник А.С. Кухтерин

2. К истории городка Монкысь урий. Обстрел из пищалей помещений городка Монкысь урий в ноябре – декабре 1619 г. Историческая живопись. Художник А. С. Кухтерин

Оно, в частности, проявилось в предупреждении хантыйским «князем» Бардаком воеводы О. Т. Плещеева о готовившемся совместном нападении на русских в 1596 году отряда Кучума и нарымского «князя» Вони на Сургут. Иными словами, здесь мы фиксируем явное следствие длительного военного противостояния остяков, аборигенов таежного Приобья, «иноземцам», проникавшим на их территорию с юга и севера. То есть потомкам татаро-монгольских орд из степей Евразии и кочевникам-самоедам тундры Западной Сибири и Европейского Северо-Востока.

С другой стороны, вышеупомянутый русский документальный источник содержит крайне интересную информацию о процессе формирования сургутского гарнизона в преддверии военной операции против мятежных юганских остяков. «И всего из Тобольского, – пишется в нем, – велено послати з детьми боярскими с Романом Нееловым да з Быкасом Максимовым или с Фуником казаков и юртовских тотар 150 человек. ...И всего з Березо-

ва велено послати з детьми боярскими и атаманы донских и волских казаков со князем Игичеем или с его братьею **тотар** людей его 150 человек, ...ис Тобольского велено на помощь ратных людей посылати в те городы. И которые наши ратные люди казаки и **тотаровя** з детьми боярскими из Тобольского или з Березова к вам в Сургут наперед приедут, и вы бы тем людям велели дожидатися в Сургуте» [выделено нами – О. К., Г. В.]. Таким образом, ратные «тотаровя», как национальные подразделения сургутского гарнизона, наряду с ратными русскими казаками, стрельцами и «литвой» были его составной частью как минимум на период рубежа XVI–XVII веков. Из этого следует, что такие сборные военные подразделения выполняли разные задания. В том числе им поручалось собирать государственный ясак и участвовать в подавлении восстаний аборигенного населения (вероятно, и Тонемы – Кинемы).

В конечном итоге, эту информацию в интересующем нас хантыйском сказании можно считать достоверной как в плане состава военных отрядов

сургутского гарнизона, так и при описании предшествующего конфликта или противостояния.

Причины конфликта, описанного в данном сказании, – отказ платить ясачную подать – подробно проанализированы Е. В. Вершининым. Ученый доказал и подтвердил документами соответствие этого факта реалиям начала XVII века.

Городок Монкысь урий с точки зрения архитектуры военной резиденции. Как неоднократно упоминалось выше, последняя резиденция Тоньи – его «городок» – находилась на Большом Югане, близ современного поселка Угут (юрты Угут). Именно там произошла битва Тоньи с посланными из Сургута казаками и/или ратными татарами. Кроме того, в сказаниях юганских ханты имеется ряд описаний архитектуры того же населенного пункта, что крайне важно для нас при реконструкции и воссоздании его облика.

Напомним, что собранные нами хантыйские сказания являются одновременными по датам записями, отличаются разной степенью полноты и объективности. Вместе с тем мы считаем все эти легенды только разными вариантами одного и того же сказания. Точнее, рассказа о конкретном историческом событии, имевшем место на Большом Югане в начале XVII века. В связи с этим рассматривать все варианты мы будем вместе, детализируя их в зависимости от задач нашего исследования.

Данные о локализации, форме и планировке городка. В хантыйском сказании имеются определенные указания на местонахождение и ландшафтные особенности городка, сведения о его форме, а также о причинах его основания именно на этой территории. В нескольких вариантах сказания содержится интересная информация о внешнем виде городка и особенностях его размещения.

В кратком варианте она такова: *«Тонья на урье построил город, на Мункул-уры, возле Угута, там рядом высокий бугор есть...».*

Наиболее информативная часть сказания в версии В. И. Силина, несмотря на литературную обработку, содержит специфические детали, раскрывающие стратегические причины размещения городка, которые сложно придумать: *«...Сопка¹ ...*

¹ Имеется в виду место, на котором размещался городок Монкысь урий, имевший вид сопки или холма.

стояла ..., перегораживая ... ягунскую пойму². С одной стороны, ..., сопку срезали воды Ягуна³, образовав отвесный высокий яр ..., с другой ... болото, ... не замерзающее зимой. ...построили такую оборону, при которой враг ... атаковать должен в лоб. Обходы справа и слева исключались. ...на стороне, где река Ягун подступала к высокому яру, ... приготовили много майн (больших прорубей), закидали их снегом, чтобы не торопились замерзнуть. Это на случай, если попытаются враги обойти сопку с левой стороны. ...На самой сопке ... посты наблюдения...».

Термины «холм» и «сопка», помимо некоего «обиходного», имеют конкретное геоморфологическое

значение. Считаем, что наиболее приемлемы для описания внешнего облика городка Монкысь урий термины – «бугор» или «холм», то есть небольшая возвышенность округлой или овальной формы с относительно пологими склонами. Стратегически городок-крепость имел вид полусферической доминанты, возвышавшейся над уровнем поймы на 10–12 метров. Данная небольшая возвышенность могла обеспечивать жителям обзор ближайших

подступов к городку и в то же время была не видна из-за леса. Строения поселка не возвышались над кронами деревьев. Что же и каким образом можно было контролировать в пойме Большого Югана, заросшей густой темнохвойной растительностью? Очевидно, речь идет не собственно о пойме Большого Югана, а о водных и сухопутных путях, проходивших по ней ранее, равно как и сейчас. Контролировать продвижение по ней, оставаясь незамеченным, было возможно только при наличии сети просек и системы наблюдательных мест с вершины поселка.

Кроме того, в хантыйских легендах имеются упоминания о планировочной структуре городка. Во-первых, указания на наличие оборонительно-жилого комплекса на холме, а близ него – неукрепленного селения.

– Первая версия: *«...Князь Танга со своей дружиной спрятался в другое свое жилище, стоявшее на сопке».*

– Вторая версия: *«...Танья и его товарищи построили временные хижинки, в которых разместили свои семьи и часть ... мужчин».*

² Пойма реки Большой Юган.

³ Река Большой Юган.

Наше исследование подтверждает выводы Е. В. Вершинина: основу фольклорных преданий о Тонье составляют реальные исторические события, которые относительно достоверно изложены в фольклоре. Иными словами, сказание о Тонье следует воспринимать как довольно достоверный фольклорный источник. Более того, некоторые эпизоды, которые, на первый взгляд, представляются нереальными, в действительности правдоподобны.

Вблизи городка такого временного неукрепленного поселка нам найти не удалось: возможно, по причине скрытости оно находилось в глубине тайги в ничем не примечательном месте.

Во-вторых, в сказаниях также сообщается, что ремесленные и производственные помещения размещались за пределами оборонительно-жилого комплекса.

– «Железа [наконечников стрел] не стало. Делали их в стороне, а это место захватили...».

– «...Он [Тонья – О. К., Г. В.] заперся в городке и стрелял из лука. ...Казак захватили кузницу Тоньи, и подвоз стрел прекратился».

«У Тоньи избушка есть, там стрелы, лук для него делают и все такое». Указание на наличие кузницы у стен городка подтвердили археологические раскопки (Глава 2).

Дополнительные сведения о самом оборонительно-жилом комплексе и деталях его архитектуры можно почерпнуть из следующих записей.

– «Тонья в стене дыру сделал, чтобы стрелять. ...Как казак стреляет, Тонья топором дыру закроет, казачьи стрелы обратно улетают».

– «Они построили дом без окон, в крыше была дыра, а в стенах были отверстия для стрельбы. ...После выстрелов отверстия в стенах закрывали топорами».

– «Около Угута укрепил свой городок. Построил из бревен избушку с бойницами – как крепость».

– «Сообщил им кто-то, что Танья в своем городке у Мукут-урий... Стрелял он из окна в доме».

Проанализируем, что из этого следует.

Как видно из приведенных выше отрывков, практически во всех вариантах сказаний городок представляется в виде единого сооружения – одного дома, а не группы изолированных строений, окруженных единой оборонительной стеной. Формируется представление о крепости Тоньи как просторном строении с большими помещениями или помещением, из которого можно вести оборону – стрелять из лука, хранить запасы пищи.

Важная черта – отсутствие окон. Наличие окон – недавнее явление в архитектуре коренного населения севера Западной Сибири, фиксирующееся не ранее XVIII века. Причем только после освоения ханты русских домостроительных традиций, а именно: приемов возведения срубных наземных домов. Представляется, что данным описанием рассказчик хотел подчеркнуть отличие архитектуры оборонительно-жилого комплекса городка от современных хантыйских срубных домов. С другой стороны, указание на наличие «отверстий» – бойниц – для стрельбы из лука в некоторой степени определяет особенность архитектуры наружной стены. А именно: конструкцию из вертикальных бревен или плах, поскольку в стене с горизонтальным набором бревен довольно сложно соорудить

вертикальную бойницу, пригодную для стрельбы из лука, а не для огнестрельного оружия. Наличие вертикальной бойницы обусловлено необходимостью лучшего обзора, прицеливания и обстрела пространства от жилища до подножия холма и заболоченной поймы. Характерно, что традиционные жилища ханты, такие как «кот мых», а также дома многих народов Севера Сибири, в том числе якутские юрты-балаганы, имеют стеновую конструкцию из вертикально установленных бревен или плах. Мы ранее отмечали, что это наиболее древняя домостроительная традиция, фиксируемая на севере Западной Сибири [Кардаш, 2013а. С. 114–115]. Также отметим, что как минимум верхняя и средняя части стен оборонительно-жилого комплекса городка могли быть открытыми.

Также определяющим является указание на то, что в крыше строения имеется «дыра». Безусловно, речь идет о светодымовом отверстии и «кровельном входе» внутрь территории городка и в его помещения. Бытование таких входов, по крайней мере, в XVIII веке, у аборигенного населения Северной Евразии, в том числе у обских остяков, зафиксировано в этнографических описаниях. Кроме того, в восточно-хантыйских диалектах сохранился специальный термин «*коп*» – потолочное отверстие в старинном жилье, служившее лазом для людей и дымоходом открытого очага. Позднее этот термин стал употребляться для обозначения дымохода камина-чувала. Более полный вариант – «*хот хоньн выс*» (или «*кот коньн выс*»), дословный перевод которого – «*спуститься в дом отверстие*». Иными словами, «кровельный вход» (вход через кровлю) являлся характерным элементом старой остяцкой архитектуры жилых строений, представления о котором сохранились до XX века. Из вышесказанного следует, что оборонительно-жилой комплекс городка Монкысь урий имел плоскую кровлю, явно с берестяной гидроизоляцией, которая удерживалась дерновым гнетом.

Дополняют представление о системе защиты оборонительно-жилого комплекса городка следующие пассажи, взятые из разных остяцких преданий.

– «Князь Танга со своей дружиной спрятался в другое свое жилище, стоявшее на сопке. Последнюю Танга приказал облить водой, от чего она обледенела и стала недоступной».

– «Подножную часть ... склона ... залили водой. Образовалась очень скользкая поверхность – ледяной пояс – шириной не менее десяти заячьих прыжков [около 15 м]. Выше ... в несколько рядов уложили ... стволы лиственниц ..., которые ... могли быть спущены по склону вниз. Это был второй пояс – деревянный. Выше ... в ... ямках – приготовили для сбрасывания множество ... камней».

– «Зимой обливали склоны водой и подвешивали бревна. ...Стали русские лезть по льду и цепляться за бревна, а их обрубали (на веревках были)...».

«Тонья склон облил водой. Эти [татары] залегают, а он бревна рубит и кидает – они [татары] катятся обратно, калечатся».

– «Танья начал готовиться к войне... Сверху кедровым корнем бревна привязал. Облил все водой, избушка замерзла».

– «Танья свою избушку водой облил. Замерзли стены, льдом покрылись. ... А казаки начали вверх по стенам забираться. Тогда Танья сверху на них бревна скатил».

– «Стены и склоны горы Тонья облил водой, они заледенели, и казаки не могли залезть на стены. Потом на них кидали бревна, и казаки падали».

В итоге, в сказаниях декларируется некая трехъярусная, можно даже сказать, своеобразная эшелонированная, система обороны городка. Метод «обледенения» эскарпированного склона укрепления в остяцких легендах упоминается, хотя и нечасто [Кардаш, А-1996; Перевалова, 2004. С. 153]. Ширина такой защитной полосы дана в специфической системе измерения, что характерно для устных эпических произведений. Между тем она вполне соответствует протяженности реальной эскарпированной части склона городка *Монкысь урий* (рис. 2, с. 28–29; рис. 1, с. 30–31). В целом же, для Крайнего Севера и таежной полосы Западной Сибири, где основным сезоном ведения боевых действий была зима, данный способ обороны представляется характерным и эффективным. Судя по систематическому упоминанию такого защитного элемента в сказаниях о Тонье и способах крепления бревен на вершине склона, наличие такого яруса обороны выглядит правдоподобно. Чего не скажешь о третьем ярусе – камнях. При раскопках *Монкысь урия* такие камни не найдены. Камень вообще очень редко встречается в таежном Приобье, тем более крупный. Можно, конечно, предположить наличие у защитников не камней, а просто глыб льда. Тем не менее, вероятнее всего, третьим ярусом обороны следует считать систему бойниц для стрельбы из лука, которые должны были быть сооружены по периметру всего оборонительно-жилого комплекса.

Эпизоды о штурме городка, представленные в сказаниях, недостаточно информативны для воссоздания его архитектуры. Несмотря на это, все же надо их привести, поскольку в дальнейшем нам предстоит верификация легенд и проверка содержащихся в них сведений с помощью археологических источников.

В некоторых сказаниях упоминаются два столкновения сургутских военных отрядов с Тоньей (Тангой) или два штурма городка.

Первое, предварительное, произошло где-то на реке. О нем сказано следующее.

– «Посланные остановились на ночевку вблизи жилища Танги. Здесь, на берегу реки, Танга увидел одного из русских воинов и приказал своим людям

его убить. Это озлобило посланных, и они решили взять Тангу силой».

– «Они их догнали. Плывут, подошли ближе, Тонья-то говорит: «Брат, у меня шапка [сабля] докрасна накалилась – красная стала. Они вскочили, всех там перерезали. Одного или двух оставили, в наказание [назидание] молодым: «Идите, передайте вашему главарю-хану, что если вы хотите воевать с нами, хантами, надо более мощное (войско иметь)».

– «Догнали казаков у Пысл кыт [поселок Каменный]. Сначала казаков рубил только Танья, брату он сказал: «Когда рукоятка моего меча станет красной – помоги мне». Увидел брат, что рукоятка стала красной, начал помогать. В живых осталось только несколько казаков. Танья сказал: «Если русский царь (руть хон) хочет со мной воевать, пусть готовит новое войско».

Вполне возможно, что данный эпизод описывает события, происходившие на Оби в 1616–1619 годах, причем в летние месяцы, когда отряд Тонемы – Кинемы совершал нападения на русских торговых и промышленных людей, а также на отряд томских казаков.

Второе столкновение – это штурм самого городка. Суммируя сведения, изложенные во всех известных нам сказаниях, можно констатировать следующее. Накануне боя между противоборствующими сторонами состоялись безрезультатные переговоры, затем начался обстрел и штурм городка, который в конечном итоге закончился сдачей (пленением) Тоньи, конвоированием его в Сургут и удачным побегом «княжича» по пути следования.

Охарактеризуем эпизоды осады и штурма городка Монкысь урий, поскольку они содержат ряд интересных деталей.

Предварительно представим сведения о численности нападавших и оборонявшихся. По мнению В. И. Семеновской, отряд казаков не превышал 6 человек, столько же людей было у Тоньи, а количество врагов – 100 и более человек – крайне преувеличено [2005. С. 76]. Мы не можем согласиться с этими заключениями. Действительно, в сказаниях фигурируют разные цифры о численности русских казаков (или «татар»), одна из которых – 100 человек. Безусловно, это некая округленная цифра, но не столь завышенная. Для начала – первой трети XVII века общая численность служилого населения Сургута в разные годы составляла от 199 до 222 человек. В том числе рядовых казаков было порядка 170–180 человек. В сказании речь идет об отряде в половину численности всего гарнизона города Сургута. С учетом информации о том, что численность воинов Тоньи составляла 30 человек, а первый отряд под руководством Богдана Зубакина, посланный на поимку бунтовщиков, составлял 50 человек, трехкратное превышение не кажется столь уж фантастичным. Тем более, если было известно, что придется сражаться

не в открытом бою, а штурмовать хорошо защищенное укрепление княжеского сына. Как известно, при штурме соотношение потерь атакующих и обороняющихся составляет около трех к одному.

Явно странным выглядит упоминание количества оборонявшихся: «У Тоньи пять человек и брат, а казаков – сто». Вероятно, что в сказании, скорее всего, речь идет не о реальном числе оборонявшихся, а только о местной воинской и родовой элите. Скорее всего, численность ополчения из рядовых общинников рассказчиками не была упомянута вообще и намеренно: в интересах увеличения значимости подвига легендарного вождя. Это характерно для эпосов многих народов и эпох.

Теперь о подробностях осады и штурма.

– «Посланные обложили сопку и требовали выдачи Танги. Мать, видя, что гибель Танги неминуема, стала уговаривать его сдаться добровольно, и тем спасти жизнь остальным осажденным».

По-видимому, предварительные переговоры все же не увенчались успехом. Как таковая длительная осада городка не упоминается ни в одном сказании, да и вряд ли она была возможна в зимних условиях. Буквально вскоре после окружения «крепости» начался ее штурм. Первым этапом штурма был обстрел из огнестрельного оружия.

– «Дождавшись рассвета, посланные стали стрелять из ружей в его жилище».

– «У казаков ружья были такие: одному на плечо ружье кладут, другой целится, а третий поджигает. Тонья в это время переднего и заднего, обоих, одной стрелой пробивает».

– «Враги стреляли пулями. Стреляло три человека – один метил, второй держал, третий зажигал».

– «Русские стреляли из ружья втроем: одному клали ружье на плечо, второй – держал, а третий – поджигал».

– «У татар было такое ружье трехметровое – один его поднимает; второй куженьку подает, порохи насыпать. Один держит, второй целится, третий механизм нажимает».

– «У русских из одного ружья три человека стреляли: один заряжает, другой целится, третий держит...».

– «Танья начал по ним из лука стрелять, а казаки в него из ружей. У казаков из ружья три человека стреляет: один заряжает, другой целится, а третий поджигает».

– «По городку стреляли из огромных ружей троем – один держит, другой целится, третий поджигает. Но это не помогло, тогда притащили пушку, разрушили городок и захватили Тонью».

Во всех рассказах дано сходное описание тяжелой аркебузы, или, как ее называли на Руси, «затинной пищали». Этот вид оружия к рубежу XVI–XVII веков активно использовался русскими воинами. Из документов известно, что в Сургуте на тот мо-

мент было тяжелое вооружение, которое могло использоваться и в походе на Тонью – Тангу. Подробнее мы обсудим этот эпизод позднее, когда будем рассматривать археологические источники. Тем более что к вышеупомянутым сведениям добавится еще много артефактов.

Второй этап штурма – это непосредственно приступ городка. После обстрела из пищалей или под прикрытием обстрела осаждающие начали приступ. Вот как он представлен разными современными информантами.

– «Ледяной пояс ... на пути наступающих ... пытались его преодолеть – ничего не получалось, выше двух-трех шагов подняться не могли. Двинулся второй отряд ... Засверкали ... топоры, ... росли ступени ..., создавая проходную дорогу на сопку. ... Запели стрелы защитников, пущенные из укрытий. Закувыркались воины к подножью сопки... Вооруженные ... щитами, ... поднимались они по ступеням. Стрелы, пущенные защитниками, отскакивали от их щитов или ломались. Вот они миновали ледяной пояс и стали двигаться ... на последнее укрепление. ... Лиственницы ожили и ... ринулись на воинов ...».

– «Стали русские лезть по льду и цепляться за бревна, а их обрубали (на веревках были)».

– «Эти (татары) залезают, а он бревна рубит и кидает – они (татары) катятся обратно, калечатся».

– «Казаки начали вверх по стенам забираться. Тогда Танья сверху на них бревна скатил. Кончились бревна. Казаки проникли вовнутрь».

– «Потом на них кидали бревна и казаки падали».

Для себя и других отметим довольно живое и эмоциональное описание рассказчиками процесса штурма городка, использования защитниками системы его укреплений, а также наличие в ней недостатков, приведших к взятию остяцкой «крепости» и пленению «князя» Тоньи.

Финал событий представлен следующим образом.

– «Арестовали его [Танью – О. К., Г. В.], и брата, и мать. Повезли на Сургут».

– Правда, «по дороге остановились ночевать. Загородили Танью лошадиными телегами и колокольчики повесили, чтобы слышно было, если бежать надумает. А Танья под снегом ход вырыл и убежал».

– В другой версии: «...Окружили его и повели к русскому царю. На пути отряд остановился переночевать на Егутской горе. Здесь воины от сильного утомления крепко заснули, а Танга вместе со своим братом бежал и успел скрыться».

Этот эпизод также может быть реален. Дело в том, что в известных нам русских документах, включая челобитную царю сургутского воеводы Ивана Зубатого, среди остяков, находившихся в Сургуте по обвинению в «изменном деле», сын Бардака (Тонема – Кинема) в качестве пленного или

убитого не значился. Более того, не упомянуто само имя царя, во время правления которого случился поход на «изменников на сургутских остяков на Кинему да на Суету Бардаковых».

В разных вариантах сказаний убийство Тоньи приписывается балыкским людям или пимским ханты. Еще одна легенда повествует о смерти Тоньи от рук ханты – где-то на реке Демьянке, правом притоке Иртыша. Также вполне вероятно, что потерявший семью и последних своих сторонников Тонья – Танга скрывался от русских властей до тех пор, пока не был убит в одной из ясачных волостей.

Подводя промежуточный итог, отметим, что наше исследование подтверждает выводы Е. В. Вершинина: основу фольклорных преданий о Тонье составляют реальные исторически события, которые относительно достоверно изложены в фольклоре. Иными словами, сказание о Тонье следует воспринимать как довольно достоверный фольклорный источник. Более того, некоторые эпизоды, которые, на первый взгляд, представляются нереальными, в действительности правдоподобны.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ ОСАДЕ И ШТУРМЕ ГОРОДКА

В работах предшествующих исследователей воссозданию и анализу реальных событий в истории данного городка посвящено несколько сюжетов [Миллер, 2000. С. 43, 664; Бахрушин, 1955. С. 141–142; Семенова, 1990. С. 3–4; 2005. С. 74–79; Вершинин, 2002. С. 98–110]. Безусловно, мы также не можем оставить без внимания эту тему. Хотя бы потому, что сейчас в нашем распоряжении имеется целый комплекс разнообразных источников: документальных, фольклорных и, естественно, археологических. Ранее они в таком объеме и составе не были доступны и, соответственно, не могли быть проанализированы другими авторами.

В процессе раскопок В. И. Семеновой (1990 год) и сотрудников НПО «Северная археология-1» (2011–2013 годы) был получен большой комплекс разнообразных данных, дополняющих другие виды источников об осаде и штурме городка. Эти артефакты позволяют не только в какой-то мере верифицировать письменные и фольклорные сведения, но и дополняют их событийную часть. Причем комплексное рассмотрение всех данных позволяет уточнить сами археологические материалы, а также хронологию событий и отдельных вещей. Конкретные категории археологических источников подробно охарактеризованы в основном тексте и приложениях монографии [Кардаш, Визгалов, 2015]. В этом разделе мы не будем проводить такой анализ, а только используем из общей массы археологических данных самое необходимое – для воссоздания

архитектуры городка в контексте финальных событий его существования как населенного пункта.

Среди археологических материалов, отражающих исторические события, связанные с осадой и обороной городка *Монкысь урий*, прежде всего следует назвать вещественные источники, то есть артефакты.

При этом наиболее важными свидетельствами военного столкновения из них служат **предметы вооружения**, в первую очередь, разного вида **боеприпасы**.

Боеприпасы для военно-охотничьего оружия – лука – это стрелы.

Боеприпасы для огнестрельного оружия (242 единицы) – это ядра и пули, причем пули представлены двумя типами – железными и свинцовыми. Важным свидетельством об осаде и обороне городка является анализ распространения боеприпасов для огнестрельного оружия. Судя по нахождению ядер, орудия вели прицельный огонь по постройке № 2.3 (4) и, скорее всего, в те места ее стеновой конструкции, где находились бойницы. Плотность нахождения ядер на ограниченном участке южного угла оборонительно-жилого комплекса свидетельствует о том, что канониры явно стремились пробить брешь в стене для штурма пространства. Тем не менее этого не произошло. Большинство деформированных пуль было найдено на уровне основания стеновых конструкций южной и юго-западной частей городка [Кардаш, Визгалов, 2015. С. 306–309]. Это – явное свидетельство прицельной стрельбы по бойницам укрепления, что могло происходить как при предварительном обстреле, так и во время штурма. Другая – меньшая – часть пуль была найдена при раскопках внутри оборонительно-жилого комплекса, что указывает на две задачи и два этапа обстрела. Во-первых, часть пуль пролетела выше наружной стены, явно при огневой поддержке штурмующих. В то время как распределение таких находок на территории городка свидетельствует об обстреле помещений, скорее всего, уже с кровли – через светодымовые отверстия и входы-лазы.

Остатки строений оборонительно-жилого комплекса указывают на пожар, который, вероятнее всего, являлся преднамеренным актом завершения боевой операции. Помимо обгоревших конструкций, свидетельствами пожара являются оплавленные оловянные украшения и небольшие аморфные слитки олова, очевидно, оставшиеся от таких изделий.

Наличие костных останков людей является еще одним свидетельством штурма городка, а именно коллективные погребения в бывших постройках городка. Здесь мы имеем дело не с произвольно брошенными трупами, а с умершими людьми, захороненными, хотя и неординарно, но с соблюдением погребальной обрядности, характерной для

нехристианского остяцкого населения края. Даже несмотря на то что большая часть могил была уничтожена краеведческими раскопками, сохранившиеся погребения позволяют утверждать, что тела погибших были уложены в определенном порядке и соответствующей позе: в вытянутом положении, на спине или близко к такому положению.

Общий вывод. Таким образом, как мы считаем, после захвата городка сургутскими стрельцами часть мятежников и жителей хантыйского поселка была убита, а другая сдалась и вернула ранее похищенные государственные ценности. Короткий световой день обусловил быстрое проведение всех мероприятий, в том числе разрушение цитадели мятежников и захоронение погибших. Причем заметим, что в зимних условиях при начавшемся промерзании почвы¹ нигде, кроме пространства жилых помещений городка, захоронить тела, тем более такое количество, было невозможно. Представляется наиболее вероятным объяснение, что именно трудоемкость извлечения тел из-под обломков построек и ограниченные сроки похоронного мероприятия не позволили захоронить должным образом двух женщин, погибших в постройке № 2.3 (4). Их явно не потеряли, и о них не забыли, о чем свидетельствует концентрация близ предполагаемого места их гибели ритуальных наконечников стрел.

После захоронения погибших при штурме жителей городка представляется наиболее вероятным следующее развитие событий. В целях уничтожения оборонительного сооружения – последнего военного оплота восставших юганских остяков – деревянные конструкции городка были подожжены. Казаки знали, что огонь может потухнуть, однако иного способа разрушить оборонительно-жилой комплекс они применить не могли. Рубка опорных

¹ Средняя глубина промерзания почвы в зимний период для данной территории составляет 2,0–2,15 м. Соответственно, на начало зимы (ноябрь – декабрь) промерзание почвенного слоя в окрестностях городка должно было составлять, как минимум, 0,5–1,0 м.

столбов обрушила бы кровлю, но не более того. Облитые водой и замерзшие наружные стены демонтировать было бы долго, трудоемко и малоэффективно.

Поджог городка не был какой-то знаковой акцией: это был простейший и естественный способ физического уничтожения последнего очага сопротивления местных ханты русским властям в Сургутском уезде.

Оставшиеся жители, вероятнее всего, были препровождены в ближайшие юрты по пути следования отряда, расположенные в районе современного поселка Угут. Столь же вероятно, что их могли оставить в том самом временном поселении, где остяки «построили временные хижинки, в которых разместили свои семьи и часть отдыхающих мужчин». Возможно, ранее здесь произошло одно из первых военных столкновений между русскими и ханты во время карательного похода, где последними был растрачен первый боезапас стрел.

Дальнейшие события восстанавливаются лишь по фольклорным и документальным источникам и уже никак не связаны непосредственно с городком. Напомним лишь, что по пути конвоирования мятежников в Сургут, во время одного из ночлегов, предводитель восстания Тонья бежал и скрылся. Остальные пленники были препровождены в Сургут и еще долгое время, как минимум несколько лет, находились в заключении.

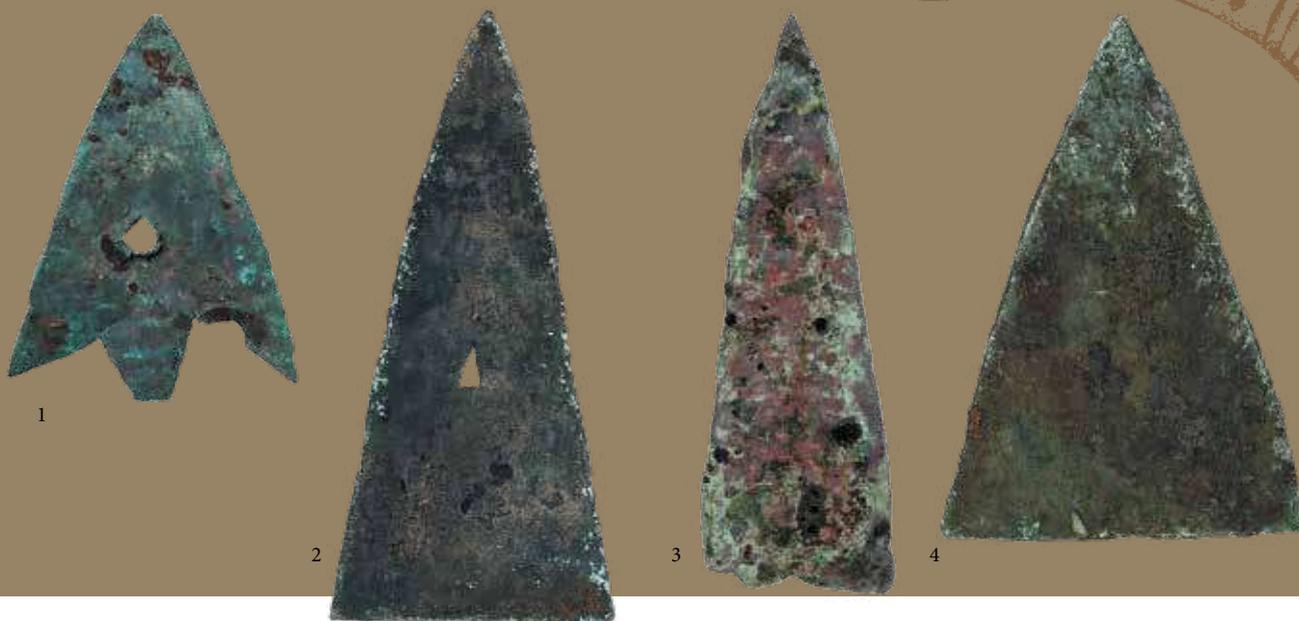
На этом жизнь в городке *Монкысь урий* навсегда прекратилась. Оставшееся в живых население не восстановило крепость и даже не стало создавать вблизи нее новый населенный пункт. После этого руины городка функционировали только как ритуальное место, где совершались поминальные обряды, и то не долгое время. Этим событиям посвящена следующая глава. Позднее же, в последние три столетия, городище почиталось лишь как памятное место, связанное с эпическим фольклорным произведением.

ГЛАВА 5 / CHAPTER 5

РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС НА ГОРОДКЕ МОНКЫСЬ УРИЙ / RITUAL COMPLEX AT THE MONKYS' URI TOWN

Следы ритуалов и культовой практики мы фиксируем в процессе исследования целого ряда археологических памятников. Свидетельства ритуальной деятельности жителей городка Монкысь урий, обнаруженные в процессе раскопок разных лет, включают две составляющие. Первая: археологические свидетельства ритуальной практики, проводившейся во времена функционирования городка. Это главным образом ямы с захоронениями целых скелетов (частей скелетов) животных, а также локальные скопления костных останков животных, находившиеся ниже уровня пола домов или в углах построек. Вторая составляющая – это свидетельства ритуальных действий, совершенных как в финале функционирования городка, так и после этого – на его руинах. В основном это человеческие захоронения и связанные с ними предметы, отчасти – материальные остатки ритуалов, посвященных погибшим, но не погребенным людям.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС: ЗАХОРОНЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОСТАНКИ

Находки всех человеческих останков, обнаруженных на данном памятнике, равно как связанных с ними сооружений и предметов, мы объединили условно в понятие «погребальный комплекс». Дело в том, что далеко не все останки, обнаруженные здесь археологами и краеведами, были преднамеренно захоронены в соответствии с определенной погребальной обрядностью. Несмотря на это, совершенно очевидно, что в отношении всех погибших во время штурма жителей городка были впоследствии совершены ритуальные действия, связанные, как нам представляется, с поминальной обрядностью. Всего в результате исследований на территории городка были открыты останки как минимум двух десятков индивидуумов. Подавляющее большинство из них было выявлено в ходе краеведческих раскопок 1980-х годов и научных исследований 1990 года. Во время полевых работ на памятнике в 2011–2013 годах из отвалов краеведческих шурфов и переотложенного культурного слоя

раскопок 1990 года были извлечены некоторые кости ранее обнаруженных индивидуумов, а также зафиксированы останки одного (?) нового, обозначенного «индивидуум XX».

Всего было обнаружено 4 погребения. В коллективном *погребении № 1* было захоронено восемь человек: четверо мужчин, три женщины и один ребенок. Мужчины: возрастом 30–35, 30–40 и двое – около 40 лет. Женщины: двое возрастом около 20 лет, одна 20–30 лет. Дети: возрастом 7–9 лет.

В результате денитиноскопии зубов из черепов разных комплексов, обнаруженных на городке, достоверно установлено, что индивиды из захоронения № 1, как и другие, погибли в один и тот же сезон: в конце осени – начале зимы. Это еще один факт, свидетельствующий не в пользу совершения захоронений спустя несколько лет после штурма городка. Верифицируя все хронологические данные в том числе с фольклорными и документальными источниками, время захоронения умерших с определенной уверенностью можно определить как декабрь 1619 года. В качестве основной версии причины смерти данных индивидов следует назвать убийство из огнестрельного оружия (пищалей). В пользу этого косвенно свидетельствуют находки нескольких десятков стреляных пуль в могильной яме и постройке, где она находилась.

Похороны умерших были организованы оставшимися в живых жителями городка, причем спустя короткое время – не позднее суток после гибели сородичей. Людей захоронили в центре жилой камеры, точнее – в углублении перед очагом-чувалом внутри сгоревшей постройки № 1. Не исключено, что они жили в этом помещении и здесь их настигла смерть. Умерших захоронили с соблюдением погребальной обрядности, характерной для нехристианского остяцко-

Для населения Сургутского Приобья раннего железного века и средневековья было характерно захоронение своих умерших, в первую очередь высокого социального ранга, во рвах древних городков. Кроме того, встречаются редкие погребения во внешних ямах заброшенных жилищ.

1–4. Наконечники стрел из медного листа:
 1 – треугольный с выделенным черенком и шипами (Тип II); 2–4 – треугольные – в форме криволинейного треугольника (Тип I)
 5. Наконечник стрелы из кости. Универсальный охотничье-боевой тип: стержневидный наконечник с трехгранным сечением (Тип I, подтип 1)
 6. Наконечник стрелы из медного листа: треугольный с выделенным черенком и шипами (Тип II)
 7. Наконечник: условия нахождения *in situ* близ постройки 2.10 (уч. E/68, ур. 39.46 м)

го населения края. Покойники были уложены в определенном порядке, и им была придана соответствующая поза: вытянуто, на спине или близко к такому положению. Две женщины были уложены поверх ног потому, что не вошли в один ряд вместе с остальными родственниками. При этом все умершие захоронены в соответствии со своим социальным и гендерным статусом. Половозрастной состав и знаковые предметы позволяют предположить, что погребенные являлись представителями одной большой семьи, причем главы общины или его ближайшего родственника. В данной могиле находился сам глава семейства, возможно, с женой, ребенком и его ближайшими родственниками (братьями?) с женами.

Судя по отсутствию в могилах предметов вооружения (кроме вышеупомянутых свинцовых пуль), все основное вооружение было сдано победителям, включая защитный доспех. Возможно, именно поэтому у большинства погребенных мужчин практически не было сопровождающего инвентаря, соответствующего их рангу, полу и возрасту. Наличие дорогих статусных вещей – серебряной чаши, серебряных и импортных оловянных украшений – только у двух погребенных продиктовано необходимостью «промаркировать» их социальный статус в загробном мире. В свою очередь, положенные в могилу серебряные монеты были призваны отметить высокий статус всего семейства и, в первую очередь, их владельцев – мужчин. Они были рассыпаны поверх тел индивидов и, возможно, замещали остальной погребальный инвентарь.

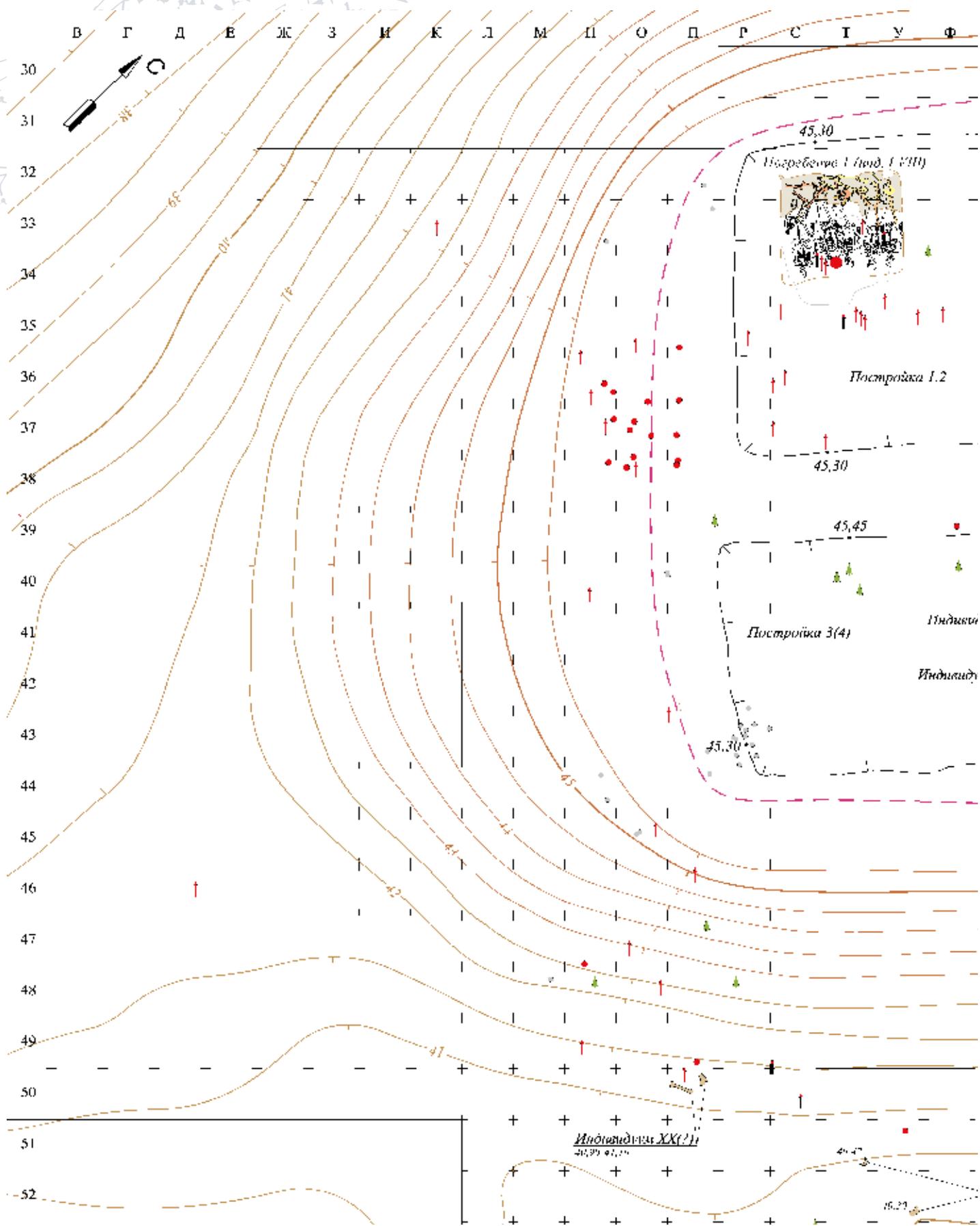
Поскольку казна томского гарнизона была возвращена, а изъятое у остяков вооружение было сдано отряду сургутского гарнизона, о наличии в городке серебряных денег или других ценных предметов осаждавшие не знали. Похоронные процедуры в полураз-

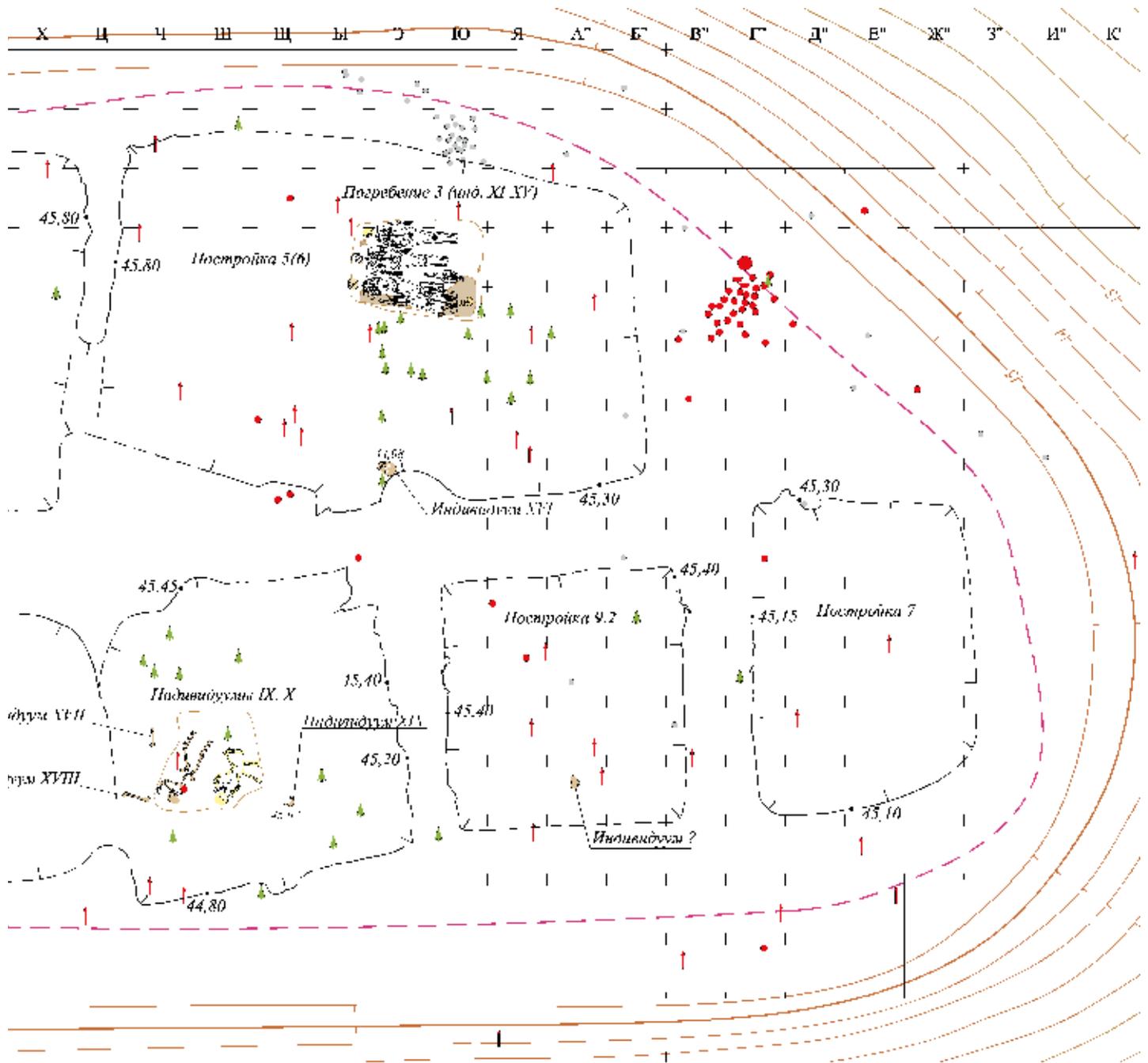
рушенной «крепости» могли проводиться без надзора победителей. При этом погребение покойных происходило в спешке.

Погребение № 2 принадлежало двум взрослым женщинам (30–50 лет), которые не были специально захоронены. Сделать это после боя и сожжения «крепости» было, вероятно, невозможно: из-за сложности извлечения тел из-под рухнувшей кровли. Тем не менее убитых не потеряли в суете штурма и последующего пожара. О том, что их местонахождение было известно сородичам, свидетельствует концентрация ритуальных стрел вокруг места, где оставались лежать тела.

В коллективном **погребении № 3** были захоронены пять человек. Двое мужчины – возрастом около 20 и 20–25 лет. Две молодые особы (подростки, дети?) женского или мужского пола. Дети: ребенок возрастом 1–2 года. Основная версия причины смерти людей, находившихся в погребении № 3, – убийство защитников городка *Монкысь урий* из огнестрельного оружия (пищали) во время штурма «крепости». Соответственно, время захоронения то же, что и у остальных индивидов: декабрь 1619 года. Похороны были организованы сразу после взятия и разрушения карателями оборонительно-жилого комплекса. Убитых захоронили в углублении, оставшемся в центре разрушенной постройки № 2.5 (6). Захоронение произведено с соблюдением погребального ритуала, характерного для хантыйского населения данного региона. Покойники были уложены в вытянутом положении, на спинах или близко к такому положению. Взрослые индивиды – мужчина и женщина – были ориентированы головами на юго-запад, ногами – на северо-восток; дети – головой на северо-восток, ногами – на юго-запад. Ориентировка их тел отличается от расположения умерших из погребения № 1. С чем это связано – еще предстоит выяснить.

МОНКЫСЬ УРИЙ – ГОРОДОК XVI-XVII ВЕКОВ на реке Большой Юган

Условные обозначения:

↑ - наконечник стрелы железный

▲ - наконечник стрелы медный

● - монета ритуальная

● - кость медведя

■ - элемент скелета, обнаруженный в процессе стационарных археологических исследований 1990, 2011-2013 гг.

□ - реконструируемый элемент скелета индивидуума

0 1 м 5 м

горизонталь проводятся через 0,5 м

Индивидуум VV

1. Городок Монксы урий. Ритуальный комплекс (погребения и останки индивидуумов), находки наконечников стрел и костей некоторых видов животных. План-схема расположения на территории оборонительно-жилого комплекса (по материалам раскопок 1990, 2011-2013 годов). М 1 : 100

Половозрастной состав и знаковые предметы позволяют предположить, что погребенные в данной могиле люди представляли собой одну семью и, возможно, включали еще одного ближайшего родственника.

Наличие дорогих статусных вещей – импортных серебряных и оловянных украшений у женщины – маркирует ее высокий социальный статус и, возможно, отражает принадлежность к семье главы общины. Находки в данной могиле (аналогично погребению № 1) серебряных монет могут свидетельствовать о принадлежности погребенных к одному семейному сообществу, отличавшемуся высоким социальным статусом.

Погребение № 4 состоит из отдельных останков 4 человек, которые не были захоронены и впоследствии были перемещены животными.

ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС: ПРЕДМЕТЫ И ОБРЯД

Поминальная обрядность у обских угров

В этнографии обских угров, в том числе юганских ханты, зафиксировано двойственное отношение к умершим вообще и родственникам в частности. Такая ситуация была обусловлена, с одной стороны, заботой о покойном, с другой стороны – страхом перед умершим. При этом подобное отношение выражалось не только во время погребального акта, но и в течение определенного времени после него. В целом можно констатировать, что «постпогребальные» ритуалы осуществлялись с разной интенсивностью: от двух – трех до четырех – пяти лет после захоронения умершего. После этого срока ритуальные действия могли проводиться, но не регулярно. По истечении пяти лет после смерти мужчины и четырех лет – для женщины поминки устраиваются обычно по неординарному случаю: например, при явлении умершего родственника во сне или по каким-то неудачным событиям в семье, так или иначе связанным с имуществом (вещами) некогда умершего. В любом случае ритуальные действия на могиле, даже просто связанные с «угощением покойника», озвучивались как поминки, хотя их суть сводилась к ограждению (защите) ныне живущих от мира мертвых. «Постпогребальные» поминальные обряды в религиозной культуре коренного населения

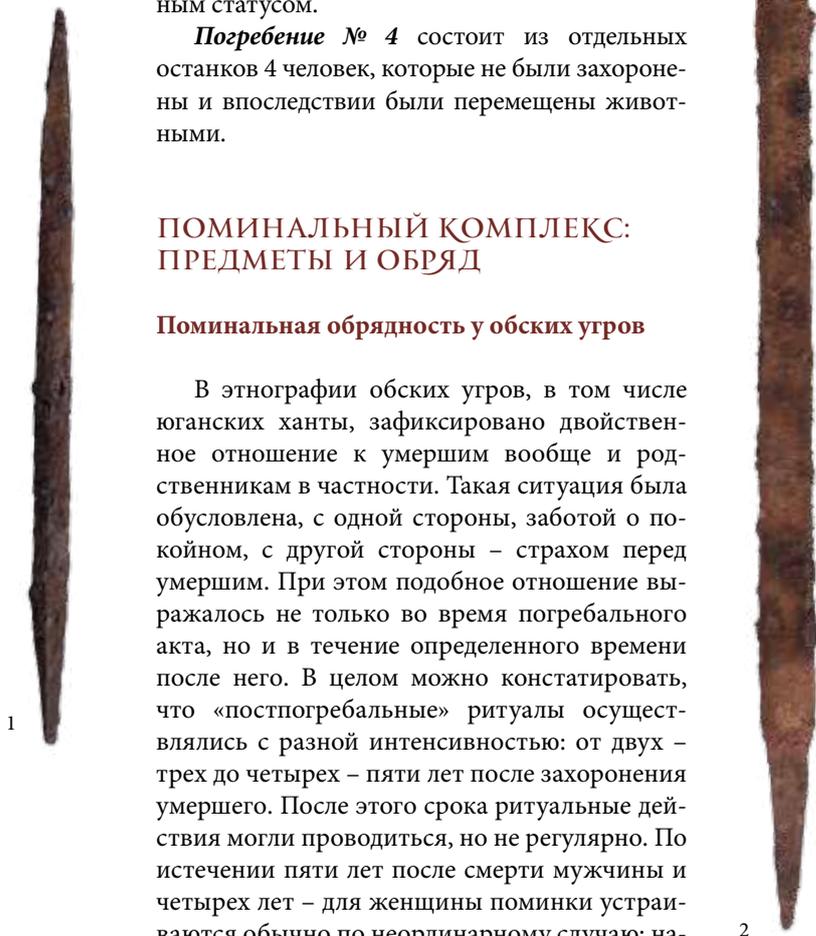
Средней Оби и Большого Югана имели более широкое значение, нежели просто дань уважения усопшему предку. По этой причине все обрядовые действия, вне зависимости от их религиозного значения, совершаемые после обряда погребения, мы объединяем широким понятием – «поминальный обряд». Безусловно, по возможности, мы попытаемся разобраться с деталями, насколько это позволит археологический материал и сопоставление с этнографическими данными.

Наличие поминального (ритуального) комплекса на городище Частухинский урий было зафиксировано В. И. Семеновой еще при раскопках памятника в 1990 году [2005. С. 91–95. Рис. 59–63]. Причем такой комплекс был выявлен только рядом с погребением № 1. Источниками, характеризующими его, являются описание и чертеж раскопок. Данный ритуальный комплекс, по словам В. И. Семеновой, «...представлял собой наконечники стрел, оставленные в изголовье у могильной ямы с юго-восточной стороны. Вдоль границы ямы были найдены 8 железных ... и 7 костяных наконечников стрел ... 13 из них были воткнуты и два лежали (скорее всего, первоначальное их положение также было вертикальным). Обращает на себя внимание, что наконечники стрел были воткнуты практически с одинаковым усилием на одинаковую глубину ... На расстоянии 4–5 см от ямы находились центральные наконечники. Наконечники, уходящие за углы ямы, удалены на 50–90 см» [2005. С. 91]. Кроме того, она отметила, что «на памятнике исследовано второе коллективное погребение с монетами и серебряными украшениями, но оно не имело подобного поминального комплекса» [Там же].

Мы имеем возможность проверить эти заключения, используя материалы раскопок 1990 года, а также данные собственных исследований.

На наш взгляд, предшествующим исследователем не был учтен ряд очень важных фактов.

Во-первых, к ритуальному комплексу В. И. Семенова отнесла только железные и костяные наконечники стрел, вертикально воткнутые в грунт. Не секрет, что физическое разрушение культурного слоя любого археологического объекта продолжается практически непрерывно. Помимо антропогенного фактора, в таежной зоне оно связано еще с активным развитием древесной растительности и жизнедеятельностью диких животных, способных перемещать и перемешивать значительные массы грунта. В связи с этим мы можем констатировать динамическое изменение культурного слоя, в процессе которого любой предмет, в том числе наконечник истлевшего древка стрелы, мог изменить свое первоначальное положение.

1–2. Наконечники (фрагменты) с заостренной поражающей частью (Тип VII, подтип 1)

3–4. Универсальные охотничье-боевые типы стержневидной формы – наконечники с проникающим криволинейно-треугольным (curvilinear triangle), снабженным двумя шипами (Тип VII, подтип 2)

Во-вторых, наконечники стрел, изготовленные из стенок утилизированных медных котлов, были отнесены к разряду функциональных предметов. В итоге они не были соотношены с ритуальным комплексом, хотя В. И. Семенова не исключала вероятности их сакрального назначения и приводила в пользу этого соответствующие аргументы.

На наш взгляд, стрелы с разнообразными по форме и материалу наконечниками, составили основу комплекса *Монкысь урия*, связанного с поминальной обрядностью. Мы обоснуем данный тезис, но предварительно систематизируем и охарактеризуем данные предметы.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ

За все время археологического изучения городка *Монкысь урий* было обнаружено 183 наконечника стрел, из них – 52 медных, 70 – железных и 61 костяной. При этом только наконечники из медных листов интерпретируются нами как безусловно ритуальные по своему изначальному предназначению. Остальные предметы, изначально имевшие чисто утилитарное назначение (как составная часть боевого вооружения или оружия охотников), получили ритуальное значение уже вторично. Кроме того, велика вероятность того, что часть этих предметов могла попасть в культурный слой городища не в связи с их ритуальным использованием. Как вариант: они были потеряны при штурме и обороне городка. Правда, это не означает, что впоследствии некоторые из этих стрел могли быть применены в качестве ритуальных предметов. По этой причине большинство наконечников стрел мы рассматриваем в разделе поминального комплекса.

Из состава данного ритуального комплекса исключены предметы, явно связанные только с утилитарным использованием. К таковым следует отнести обломки и сильно деформированные наконечники стрел.

Среди археологических находок стрелы, точнее их наконечники как боеприпасы к механическим видам оружия, являются массовым материалом на многих территориях. Систематизации и классификации наконечников стрел, построению типологических схем для разных исторических периодов и народов уделяли пристальное внимание многие исследователи, особенно в последние полвека.

По материалу наконечники стрел подразделяются на три группы: медные, железные и костяные.

Группа 1. Наконечники стрел из медного листа.
Тип I. Треугольные¹ – в форме криволинейного треугольника (*curvilinear triangle*).

Тип II. Треугольные (*curvilinear triangle*) с выделенным черенком и шипами.

Тип III. Ромбические.

Мы считаем, что связь медных наконечников с погребениями и поминальной обрядовой деятельностью, осуществлявшейся на руинах городка *Монкысь урий*, очевидна.

Вместе с тем далеко не все медные наконечники находились в вертикальном положении, в том числе обнаруженные в глубине культурного слоя, на уровне пола жилищ. Это, на наш взгляд, свидетельствует об одном: очень кратком эпизоде совершения поминальных обрядов. После проведенного ритуала – в процессе разрушения строений и формирования нового культурного слоя – воткнутые в грунт стрелы продолжали деформироваться и менять свое положение.

Группа 2. Железные наконечники стрел (стрелы с железными поражающими элементами).

Первая подгруппа. Специализированные охотничье-промысловые типы наконечников стрел.

Тип I. Наконечники стрел комбинированные – из дерева с железными поражающими деталями (комбинированный томар?).

Мы предполагаем, что стрелы с комбинированными поражающими элементами появились в начале XVII века и стали частью промысловой культуры аборигенов Севера.

Тип II. Наконечники с поражающей (боевой) частью в форме широкой железной развилки с заточенным внутренним (вогнутым) краем («вилчатый срезень»).

Создается впечатление, что стрелы с такими наконечниками бытовали только у населения Большого Югана, причем с XVI по начало XX века.

Тип III. Наконечники стрел в форме вытянутого равнобедренного треугольника с прямым лезвием и узким насадом («срезни»).

¹ Используя геометрические термины при описании наконечников стрел *Монкысь урия*, мы понимаем, что этот способ не является полностью идеальным. Дело в том, что реальная форма наконечника и других предметов далека от строгой геометрической. Для описания подобных треугольных фигур в геометрии используется термин *треугоноид (trigonoid)*. Это фигура, ограниченная тремя линиями и имеющая три угла (то есть предмет треугольной формы, похожий на треугольник), или криволинейный треугольник – *curvilinear triangle* – треугольник Рело [Academic Dictionaries and Encyclopedias; Яглом, Болтянский, 1951. С. 90–105]. Поскольку оба эти термина редко употребляются, особенно в археологии, мы попытаемся их использовать в нашем исследовании и ввести в систему описания артефактов.

Тип IV. Наконечники стрел плоские, асимметрично-ромбической формы с боевой частью в виде острия с плечиками.

В целом же наконечники такой формы известны по большой серии находок, происходящих из памятников X–XVII веков севера таежного Приобья и бассейна Надыма.

Тип VI. Наконечники с проникателем (боевой головкой) криволинейно-треугольной формы (curvilinear triangle), снабженным шипами и вытянутым черешком.

Вторая подгруппа. Универсальные (охотничье-боевые) типы наконечников стрел.

Тип VII. Наконечники стрел стержневидные (бронбойные).

Мы лишь можем

предположить, что появление части типов наконечников связано с новым этапом освоения Севера Сибири Московским царством в конце XVI – начале XVII века. Это, на наш взгляд, относится к универсальным охотничье-боевым (тип VII) и комбинированным наконечникам стрел (тип I, второй подтип типа II). Безусловно, часть наконечников, даже новых форм, явно изготавливали непосредственно в Монкысь урии.

Группа 3. Наконечники стрел из кости и рога (стрелы с костяными поражающими элементами).

Тип I. Стержневидные наконечники стрел.

Тип II. Асимметрично-ромбические наконечники стрел с разнообразным сечением, острым концом (острием – подобием боевой головки) и плоским тупым насадом (черешком).

Тип III. Эллипсовидные плоские наконечники стрел с заостренным концом (острием – подобием боевой головки) и плоским тупым насадом (черешком).

Еще одна важная деталь. Костяные наконечники стрел, в отличие от железных, не являлись предметом

импорта. То есть мы имеем дело собственно с формами, изготовленными на месте, в городке или на соседних поселениях, и характеризующими традиционный охотничий промысел. Отличие костяных наконечников городка Монкысь урий от серии наконечников из Надымского и Полуийского мысового городков, скорее всего, было обусловлено различием промысловых видов животных таежного Приобья и Крайнего Севера. Традиционное охотничье оружие охотников тайги было сориентировано в основном для охоты на более крупного копытного – лося, в то время как в тундре главным пищевым промысловым видом был более мелкий северный олень.

СТРЕЛЫ В РИТУАЛЬНО-ОБРЯДОВЫХ КОМПЛЕКСАХ

Стрелы городка Монкысь урий, как воткнутые в землю, так и не зафиксированные в грунте, но также связанные с обрядовыми действиями, мы можем интерпретировать прежде всего как свидетельства ритуалов, связанных с почитанием людей высокого социального статуса (военных вождей). Смысловая нагрузка таких ритуалов является предметом специального исследования.

Из 181 наконечника стрел, обнаруженных при раскопках, не более 10 целых или частично сохранившихся изделий мы можем отнести к «утилитарным», использовавшимся в качестве орудий труда или оружия. В том числе немногим более пяти стрел можно достоверно связывать с использованием при обороне городка. Остальные же наконечники стрел –

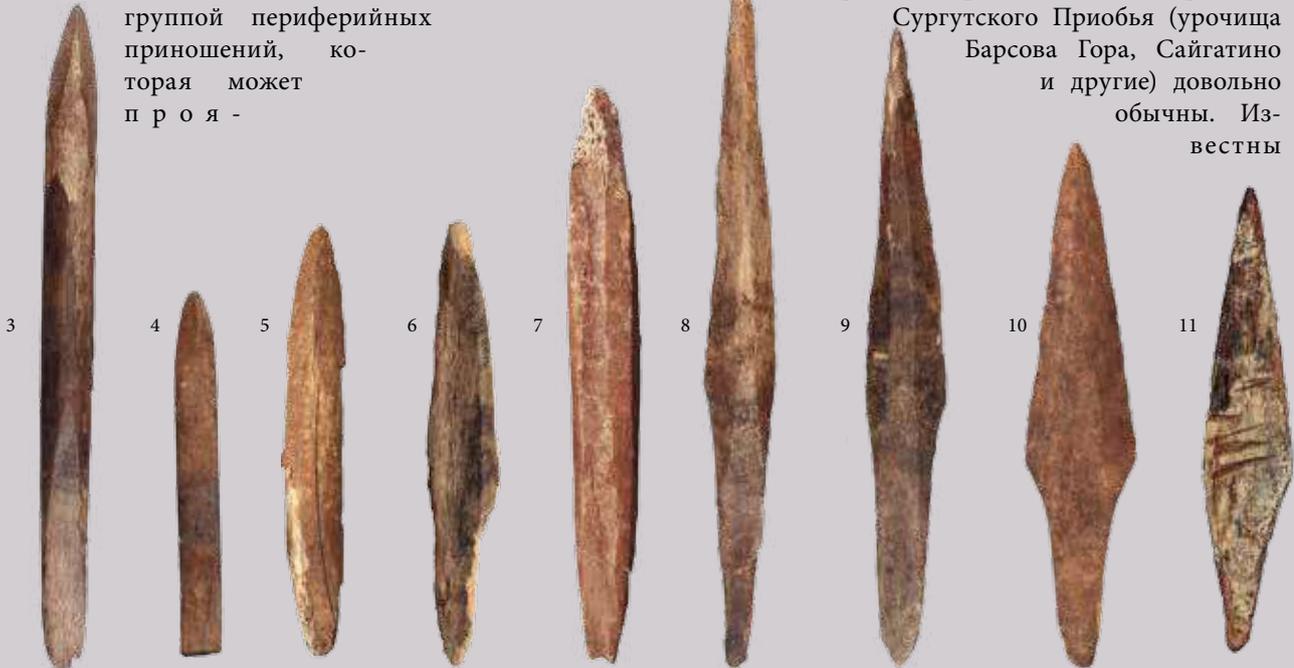
порядка 171 – использовались в ритуально-обрядовых действиях, и наверняка большинство из них было связано с поминальным обрядом. Для обоснования данного тезиса мы подготовили план-схему их расположения. Отметим, что локальных групп по материалу, из которого изготовлены наконечники, практически не наблюдается, за одним исключением, о котором скажем ниже. Анализ планиграфии наконечников позволил выявить семь локальных групп: по комплексам, приуроченным к тем или иным сооружениям – захоронениям людей, останкам незахороненных индивидуумов или специально оставленным (подхороненным?) животным. Точное количество наконечников стрел в каждом комплексе установить сложно, поскольку некоторые экземпляры были найдены между скоплениями.

Кострища, локализовавшиеся на периферии общинных святилищ, известны по данным этнографов. Как правило, такие объекты фиксировали «женские места». То есть такие, на которых находились женщины с детьми в то время, когда взрослые мужчины совершали свои обрядовые действия. В том числе жертвоприношения в самой кумирне или близ нее [Визгалов, Кардаш, 2010. С. 24–25. Рис. 1.3].

1–3. Наконечники с проникателем криволинейно-треугольным (curvilinear triangle): 1–2 – снабженный двумя шипами (Тип VII, подтип 2); 3 – со скошенным основанием, образующим один шип (Тип VII, подтип 3)

Остальные стрелы, в первую очередь, найденные на склонах, вероятно, переместились сюда спустя длительное время после совершения тризн. Ранее они, по-видимому, были на периферии указанных выше комплексов, в том числе на уч. Г-Р/60-68 (постройка № 2.10). Некоторые стрелы (уч. Р/68 или К'51) могли быть выпущены осажденными по огневым позициям стрельцов. Также вероятно, что стрелы с медными наконечниками, обнаруженные на уч. Е-О/60-65, не были связаны с исследованными комплексами или с особой

группой периферийных приношений, которая может прояснить

виться при дальнейших раскопках периферийной части памятника.

Интерпретация данных ритуальных комплексов невозможна без глубокого анализа литературы по религии обских угров и, вероятно, без проведения дополнительных полевых этнологических исследований. Тем не менее мы, как и В. И. Семенова, не можем не поделиться своими наблюдениями и первыми предположениями. Начнем с того, что писала Валентина Ивановна относительно традиции использования стрел в процессе поминального обряда, связанного с погребением № 1. «Втыкание стрел у могилы – традиция, известная в погребальной практике с древности. Поминальный комплекс независимо от его назначения (умилостивительное и пр.) однозначно направлен в Нижний мир. Вместе с тем стрелы являются также и атрибутом Верхнего мира. По представлениям ханты, при помощи стрелы можно истолковывать небесные явления. Например, при затмении луны надо воткнуть в землю два ножа и стрелу. Если упадут – в той половине земли болезнь ходит [Материалы по фольклору..., 1978. С. 184]. Также многочисленны свидетельства уподобления стрелы звезде (звезды – следы выстрелов легендарных участников космической охоты). Железо

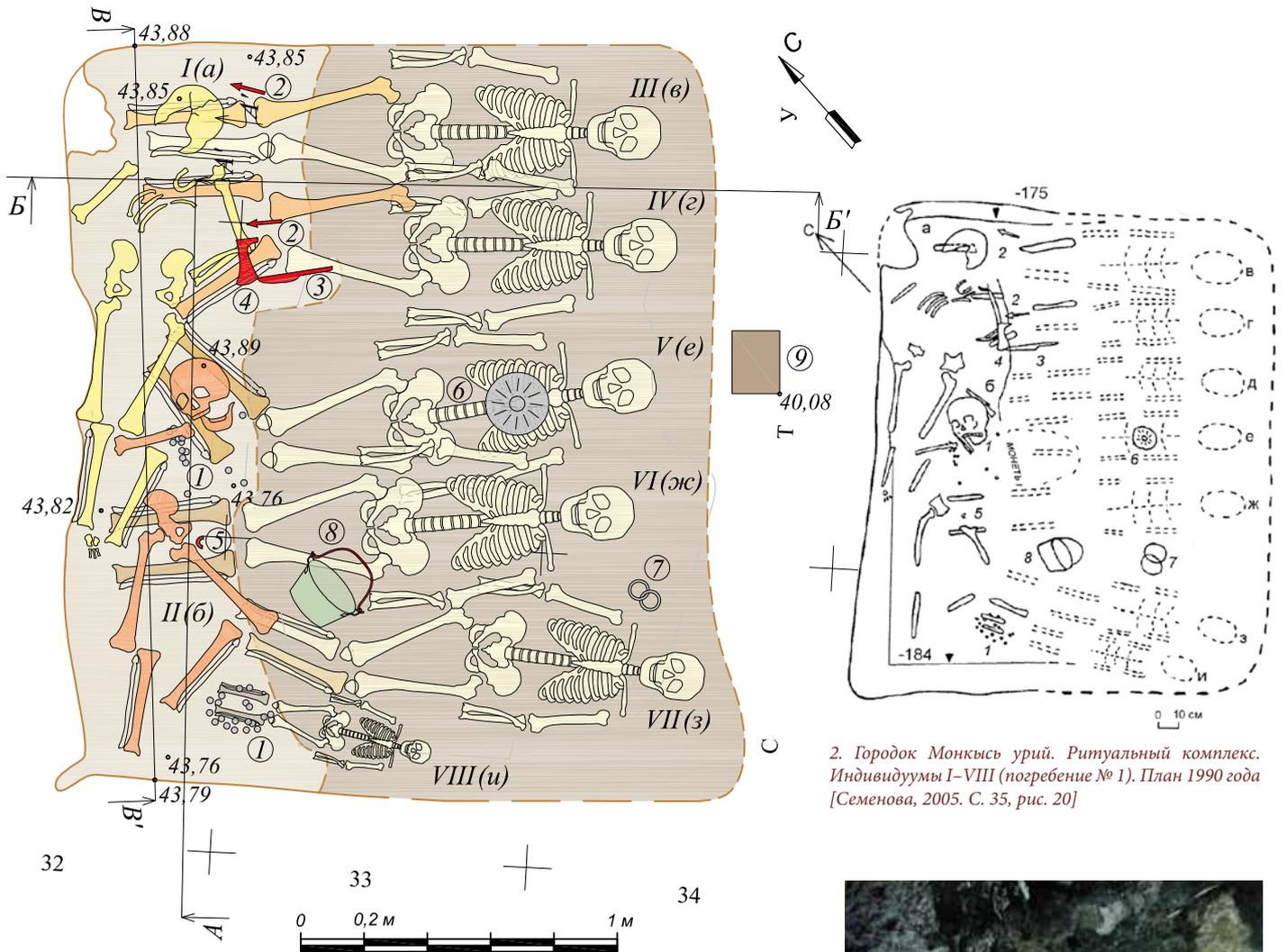
как материал также связано с небом» [Семенова, 2005. С. 91-95. Рис. 59-63].

Крайне интересным представляется вывод В. И. Семеновой о вероятной магической функции стрел в ритуальном комплексе, связанном с погребением № 1. Мы разделяем данную трактовку, но хотелось бы ее дополнить и развить.

В целом находки вещей, связанных с поминально-погребальными обрядами (наконечники стрел, сабли, ножи, украшения), в межмогильном пространстве средневековых некрополей Сургутского Приобья (урочища Барсова Гора, Сайгагино и другие) довольно обычны. Известны

3-11. Наконечники стрел из кости. Универсальные охотничье-боевые типы: 3 – наконечник с трехгранным сечением (Тип I, подтип 1); 4-7 – эллипсоидные («иволитные») наконечники стрел с острым верхним фокусом (острием) и притупленным нижним (Тип II); 8-11 – асимметрично-ромбические наконечники стрел с острым концом и тупым насадом (Тип III)

случаи четкой приуроченности их к конкретной могиле (включая обряды втыкания стрел в грунт рядом с погребениями), хотя таковых пока и не так много. В этой связи в первую очередь следует упомянуть известный поминальный комплекс VIII – начала X века, раскопанный в 1986 году В. А. Борзуновым при участии А. П. Зыкова. Данный комплекс, безусловно, относился к коллективному погребению № 118 Барсовского I могильника (Барсов Городок). В саму могилу, выкопанную во рву древнего (белоярского) городища, вместе с четырьмя взрослыми умершими (три мужчины и одной женщиной), отличавшимися высоким ростом (около 170 см), были положены две разломанные на две части бронзовые фигурки – воина-божества в короне и с саблями в руках, а также всадника в шлеме и с мечом. Спустя некоторое время вокруг наспех сооруженной «воин-

2. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуумы I–VIII (погребение № 1). План 1990 года [Семенова, 2005. С. 35, рис. 20]

Экспликация артефактов: ① - монеты ② - наконечник ③ - нож ④ - топор ⑤ - пряжка(?) ⑥ - чаша ⑦ - кольца височные ⑧ - котел ⑨ - сундук Условные обозначения: — — — — — реконструируемая граница краеведческого раскопа П.С. Бахлыкова — — — — — реконструируемая граница могильной ямы	Цветовая дифференциация по индивидуумам: - скелет I(a) - скелет II(б) - скелет III(в) - скелет IV(г) - скелет V(е) - скелет VI(ж) - скелет VII(з) - скелет VIII(и)

1. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуумы I–VIII (погребение № 1). Реконструкция по материалам раскопок 1990 года и параметрическим характеристикам скелета. План. М 1 : 20

3. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуумы I–VIII. Фрагмент погребения № 1. Фото 1990 года [Семенова, А-2002. С. 129, рис. 15а]

ской» могилы в грунт были воткнуты 7 стрел с железными наконечниками, железный меч-скрамасак и 7 железных хозяйственных и боевых ножей. В качестве другой аналогии можно привести поминальный комплекс, открытый на могильнике Усть-Балык. Этот средневековый памятник в течение многих лет раскапывался экспедицией под руководством В. И. Семеновой [2001]. В результате было исследовано большинство (328) захоронений, находившихся в центральной части некрополя. В 1997 году Г. П. Визгаловым было дополнительно вскрыто несколько участков на периферии памятника, где было зафиксировано еще 5 погребений. В одном из таких мест (раскоп № 11) обнаружен культовый комплекс, состоявший из 15 наконечников стрел (14 железных и 1 костяного), воткнутых в грунт. При этом он явно был приурочен к группе погребений, раскопанных в 1986 году В. И. Семеновой (раскоп № 6, группа 27). Именно на территории этой группы и вблизи нее находились два (№№ 213, 214) из пяти «воинских» захоронений, обнаруженных в ходе раскопок всего памятника. В. И. Семенова датирует эти погребения в рамках широкого хронологического диапазона: XIII–XVI веков. На наш взгляд, судя по инвентарю погребения № 214, аналоги которому имеются в вещевом комплексе Надымского городка, такие предметы и оружие могли бытовать на севере Западной Сибири вплоть до начала XVIII века.

Из приведенных выше фактов следует несколько выводов. Особое обрядовое действие – втыкание стрел у захоронений – начинает практиковаться в таежном Приобье с VIII–IX веков, и продолжает совершаться как минимум до начала XVII века. Данный ритуал известен, прежде всего, как сопровождение захоронений людей высокого социального статуса – воинов и общинных вождей.

На общинных кладбищах проведение такого ритуала не зафиксировано. Тем не менее известно использование на поминках – в качестве меры предосторожности – острых железных предметов. Так, на Большом Югане участники поминок иногда втыкали вокруг себя ножи: для защиты от «маячек» – *сара пентем отыт* – недобрых существ иного мира, способных унести душу живого человека. При этом острые железные предметы – как обереги – использовались не только для защиты живых людей, но и мертвых: с тем чтобы злое божество не увело их душу в «нижний мир». Таким образом, воткнутые у могил стрелы могли служить оберегом как живых участников поминального обряда, так и мертвых. Кроме того, если бы такой ритуал выполнял просто функцию защиты, то он бы имел более широкое распространение, причем как в средние века, так и в новое время. Между тем мы сталкиваемся с его явной избирательностью, касающейся только погребений местных воинов и других лиц высокого статуса.

КОСТНЫЕ ОСТАНКИ ЖИВОТНЫХ В РИТУАЛЬНО-ОБРЯДОВЫХ КОМПЛЕКСАХ

Не менее интересна связь погребальных и вещевых ритуальных комплексов с костными останками животных. Вернее, их семантическое значение, а также роль в обрядовых действиях и в целом – в религиозных представлениях.

В целом, основываясь на плане расположения костных останков животных на раскопанной территории оборонительно-жилого комплекса и производственно-хозяйственной площадке, можно констатировать следующее. Основная масса костей животных находится за пределами жилых строений. Внутри жилых помещений костей немного и распределяются они дисперсно. Это явно «пищевые отходы». Внутри домов они встречаются скоплениями, в том числе в ямах, что явно указывает на их неслучайное положение.

Костные останки животных, как следствие жизнедеятельности обитателей городка, могут быть разделены на три группы:

- первая и самая поздняя – кости животных, попавшие в культурный слой в результате культовой (поминально-обрядовой) деятельности;
- вторая группа костей – это пищевые отходы;
- третью группу составляют костные останки, появившиеся вследствие ритуальной деятельности, непосредственно предшествовавшей и сопутствовавшей строительству и функционированию городка *Монкысь урий*.

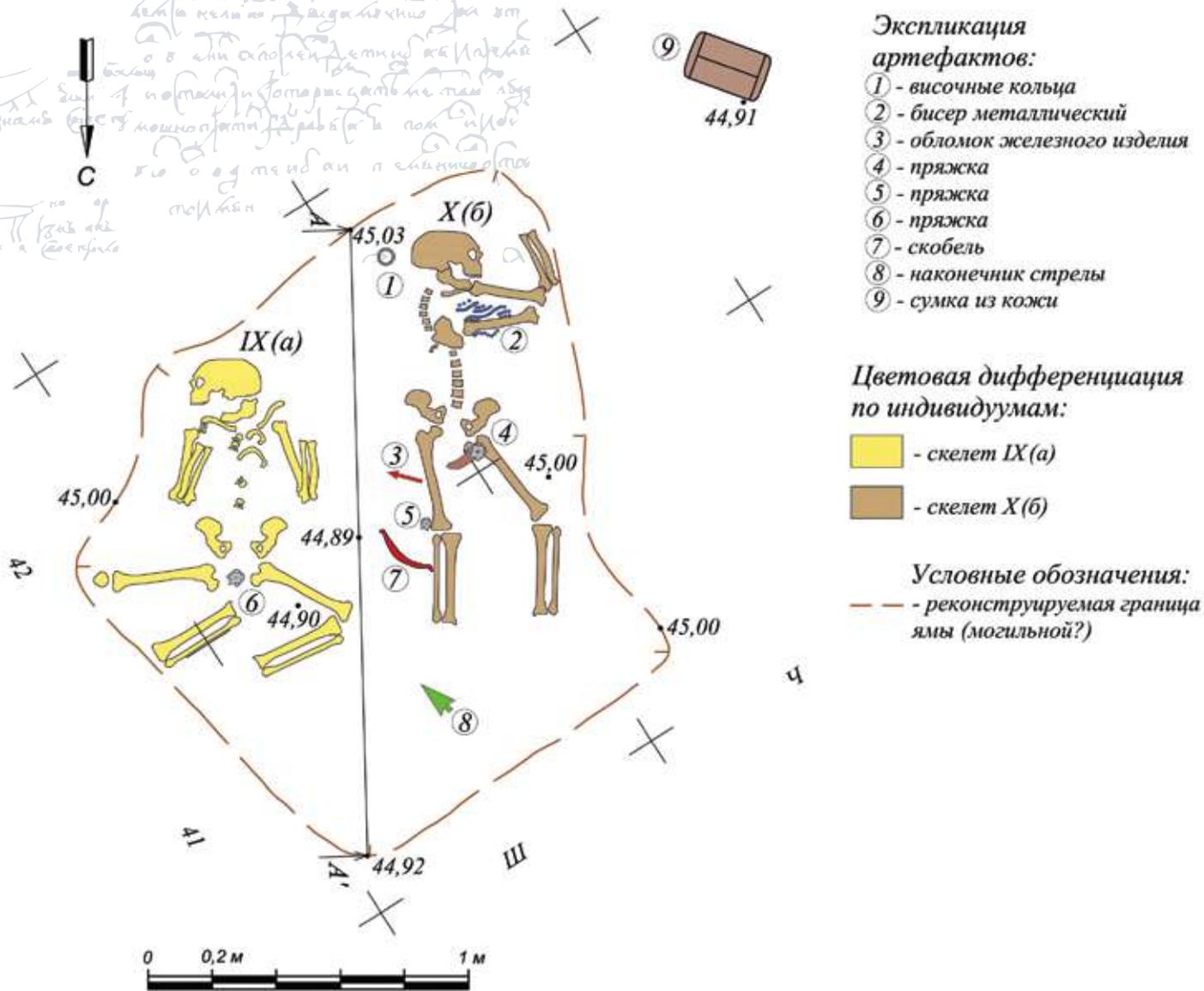
Вторую группу мы опустим, а две другие рассмотрим подробнее.

Всего на территории памятника по результатам раскопок и последующего анализа выделено десять комплексов костных останков, явно связанных с ритуальной деятельностью. Три из них, на наш взгляд, являются следствием поминальных ритуалов, связанных с погребениями № 1 и 3.

Это комплексы 1–3. Рассматривая видовой состав костных останков, следует указать, что комплексы 1 и 2 представляли собой скопление костей медведя и собаки, комплекс 3 представлен только останками собаки.

4–5. Наконечники стрел из кости. Универсальные охотничье-боевые типы: 1, 5 – стержневидные наконечники с трехгранным сечением (Тип I, подтип 1)

1. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуумы IX–X («погребение» № 2). Реконструкция по материалам раскопок 1990 года и параметрическим характеристикам скелета. План. М 1 : 20

2. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуум XX. Условия нахождения: уч. У/52 ур. 40,30 – фрагменты свода черепа (calvaria seu fornix cranii)

Медведь – безусловно, дикий, но не основной пищевой вид животного у населения западносибирской тайги. В системе религиозных воззрений ханты данное животное связано с верхним миром – миром богов. На Большом Югане главным божеством, покровителем реки и ее жителей считается третий сын верховного божества Нуми-Торума, именуемый *Ягун-ики*. Его животным воплощением считается медведь [Визгалов, Кардаш, 2010. С. 104–111].

Связь костных останков медведя – покровителя Большого Югана *Ягун-ики* и верховного небесного божества, по нашему мнению, очевидна. Тем не менее это обстоятельство следует трактовать как маркирующее социальный статус погребенных.

Имеется еще одно этнографическое свидетельство, фиксирующее использование на реке Большой Юган частей скелета медведя в ритуальных и даже магических целях. Считается, что голова медведя и шкура этого зверя, представленные в сакральной позе (голова с поднятыми лапами), защищают души живых людей от мертвых родственников или «маячек», способных унести душу живого человека в нижний мир. С одной стороны, данный факт позволяет трактовать находки частей скелета медведя. С другой стороны, возникает вопрос: кого же и от кого охраняли «медвежьей головы» и кости скелета? Пришедших на траурную церемонию? Согласно хантыйским поверьям, для защиты человека во время проведения поминальной церемонии было достаточно втыкания ножей вокруг него. Тем более что кости и черепа были размещены как рядом с могильными ямами, так и в самих захоронениях, которые – по религиозным представлениям аборигенов Сибири – являются новыми домами умерших. Возможно, в этом кроется смысл наличия у каждой могилы охранника-«медведя».

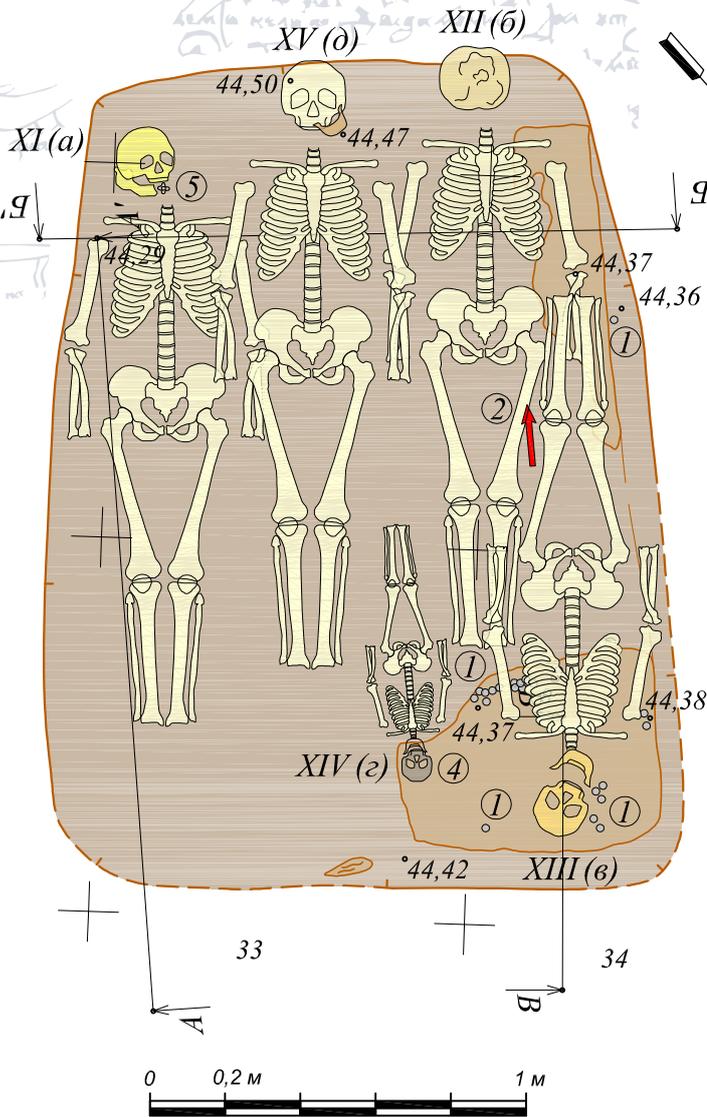
Проводимые траурные церемонии имели своей целью не только защиту живых от умерших, но и, напротив, помощи живым со стороны умерших в ином мире, а также желание понравиться и чем-то угодить мертвым родственникам, вероятно, в надежде на «помощь». У обских остяков, главным образом у их южных групп, существовало устойчивое представление о том, что у человека, погибшего неестественной смертью, то есть убитого людьми или дикими животными, душа попадает в космологический верх. В то время как у других, ушедших из этого мира естественной смертью, душа уходила вниз – в нижний мир. Они говорили: *«Кто умер насильственной смертью или в схватке с медведями, тот сразу попадает на небо, а кто в кровати или другой обычной смертью, тот должен долго служить строгому богу под землей...»* [Там же. С. 142]. Не в этих ли представлениях кроется суть обнаруженных нами останков медведей? Думаем, что логично предположить миссию костей медведей как маркер своеобразного усиления обстоятельств смерти, как оберег от «маячек», что в совокупности

должно было способствовать созданию максимальных условий для вознесения погибших родственников в «верхний мир» – к небесному божеству. Это предположение согласуется с религиозными представлениями о медиативных функциях религиозно-космологической сущности медведя как посредника (привратника, охраняющего проход) между «средним» и «нижним» мирами.

Пребывание погребенных на городке в «лучшем мире» – в случае попадания их в пространство верховных божеств – сулило оставшимся в живых их родственникам на земле (в «среднем» мире) явно больше «дивидендов», поскольку вознесшиеся родственники могли им «помочь в земном промысле». Предлагаемый вариант трактовки не факт, но одно из возможных и вероятных объяснений. Какова же роль собаки в этом тандеме?

Собака у коренных сибирских народов являлась, безусловно, домашним и непещевым видом животных. В системе религиозных воззрений аборигенов она имела особый культовый статус, который был связан с ее предполагаемой посреднической функцией сопровождения умерших в иной – «нижний» – мир. Правда, в религиозной культуре обских остяков (ханты), особенно Среднего Приобья, ритуальное отношение к собаке было не столь ярко выражено, как у северных ханты и особенно – у ненцев (в частности рода Яптик), а также самодийских народов в целом. В среде самодийских народов Нижнего Приобья жертвоприношение собаки было ординарным явлением. В угорской среде все обстояло наоборот: у большинства групп живущих здесь ханты существовал запрет на убийство собаки. Исключение составляли северные ханты, у которых наблюдались обе традиции. У одних родов существовали божества-покровители в образе собаки и их святилища, а также специальные святилища для принесения искупительной жертвы в случае нечаянного или преднамеренного убийства собак. У других родов, наоборот, практиковались жертвоприношения собаки. В частности, у потомков княжеского рода Тайшиных во время жертвоприношения череп оленя размещался на вершине священной лиственницы, у корней которой в жертву приносилась собака. Более того, у Тайшиных до настоящего времени бытует традиция хоронить собаку рядом с хозяином.

Рассматривая комплексы 4–10, следует указать видовой состав животных – это кости северного оленя и лося, причем останки лося присутствуют только в комплексе 5 и 10. Исходя из этнографических сведений и материалов раскопок, можно уточнить хронологию ритуальных (четвертого – десятого) комплексов. Во-первых, ямы № VIII и XIX, а также скопление (комплекс шесть), не имеющие четких очертаний, но содержащие помимо останков северного оленя небольшую примесь костей других видов животных, скорее всего, являются ранними ритуальными комплексами. Они относятся к периоду начального

Экспликация артефактов:

- ① - монеты
- ② - наконечник стрелы
- ③ - кольца височные
- ④ - бисер и фрагменты пластин
- ⑤ - фрагмент крестовидной накладки

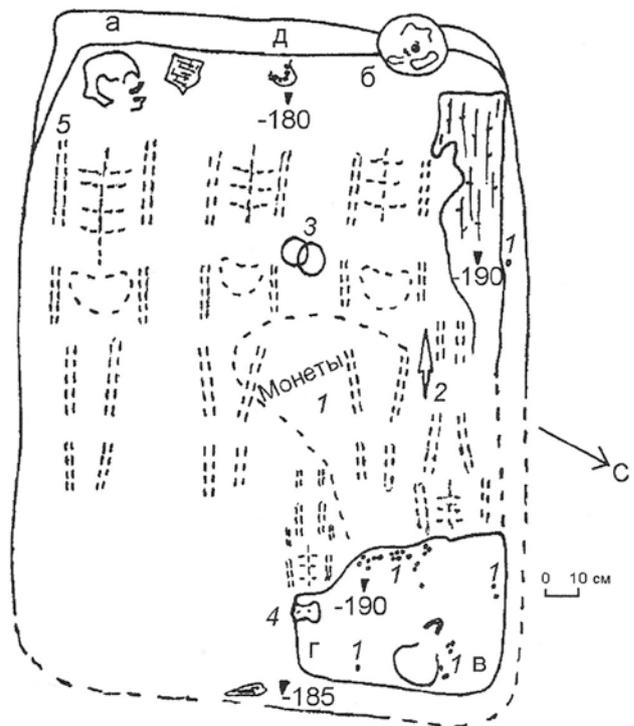
Цветовая дифференциация по индивидуумам:

- скелет XI(a)
- скелет XII(б)
- скелет XIII(в)
- скелет XIV(г)
- скелет XV(д)

Условные обозначения:

- реконструируемая граница ямы (могильной?)
- граница краеведческого раскопа П. С. Бахлыкова (по В. И. Семеновой)

1. Городок Монкысь урий. Ритуальный комплекс. Индивидуумы XI–XV(?) (погребение № 3). Реконструкция по материалам раскопок 1990 года и параметрическим характеристикам скелета. План. М 1 : 20

2–6. Серебряные монеты конца XV – XVI в.: 2 – Иван IV, мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.; 3 – Иван IV, мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.; 4 – Иван IV, денга. Москва. 1547 г.; 5 – Иван IV, денга. Москва. 1547 г.; 6 – Иван IV, копейка. Новгород. 1535–1538 гг.; 7 – Иван IV копейка. Новгород. 1547 г. Аверс – буквы: ПС

заселения останца, когда на его вершине было построено три жилища. Вполне вероятно, что для новых поселенцев было важно отдать дань уважения подземным божествам и попросить у них защиты. Не исключено, что данные комплексы не были простыми «строительными жертвами», совершаемыми накануне возведения дома, а были сориентированы на поклонение *Мых-анки* – *Матери-земле*. Последующие перестройки данных жилищ и масштабные земляные работы по возведению более позднего оборонительно-жилого комплекса не могли не повлиять на состояние ранних ритуальных комплексов. Последние были явно повреждены.

Помимо костных останков животных при раскопках были также обнаружены монеты. Более того, на сегодняшний день собрание монет *Монкысь урий* является самым ранним и большим нумизматическим комплексом в таежном Приобье и Сибирском Заполярье, связанным с культурой коренного населения края. На других археологических памятниках XVI–XVII веков, принадлежавших аборигенным народам данного региона, находки русских монет единичны. До XVII века традиция включения монет в состав погребального инвентаря вообще отсутствовала. Учитывая это, находки монет на руинах городка *Монкысь урий* становятся особо значимыми, особенно в

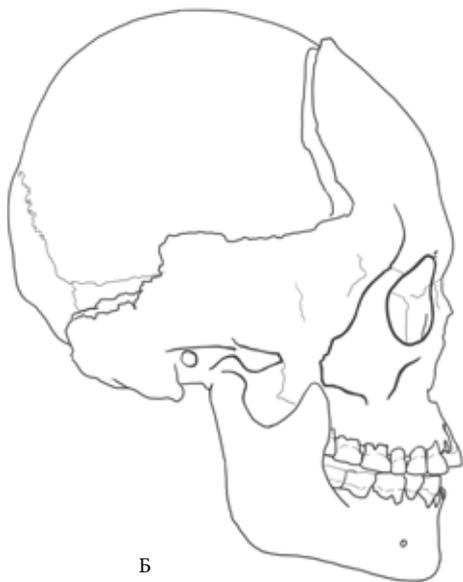
культурном аспекте. За все годы исследований на городище обнаружено 1242 монеты. Нумизматический анализ ранее обнаруженных монет опубликован в монографии В. И. Семеновой [2005. С. 62, 63, 66, 67. Табл. 10]. Последняя коллекция, наряду с общим анализом монет, представлена в нашей книге 2015 года [Кардаш, Визгалов, 2015. Прил. 3.3].

Хронология монет по времени чеканки охватывает период с рубежа XV–XVI веков до конца XVI столетия. Монеты на городище залегали в разных местах. По условиям их нахождения и распределению в культурном горизонте выделено пять комплексов. Эти комплексы монет были использованы как в погребальных, так и поминальных обрядах. Это позволяет установить некоторые элементы религиозно-мировоззрения жителей городка. Так, монетные

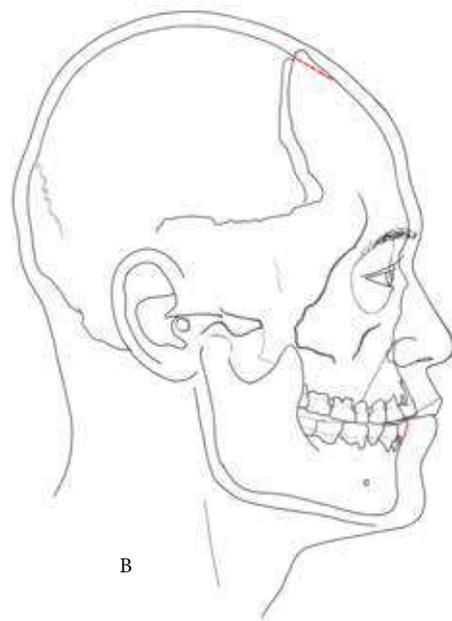
Факты помещения монет в погребальный инвентарь, хотя и косвенно, указывают на неординарность и исключительность погребений на городке *Монкысь урий*. Это нельзя связать с началом формирования некой погребальной традиции.

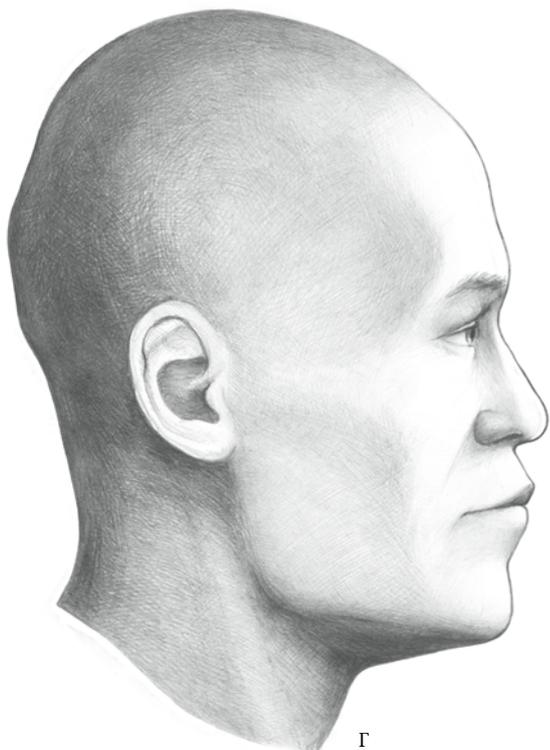
А

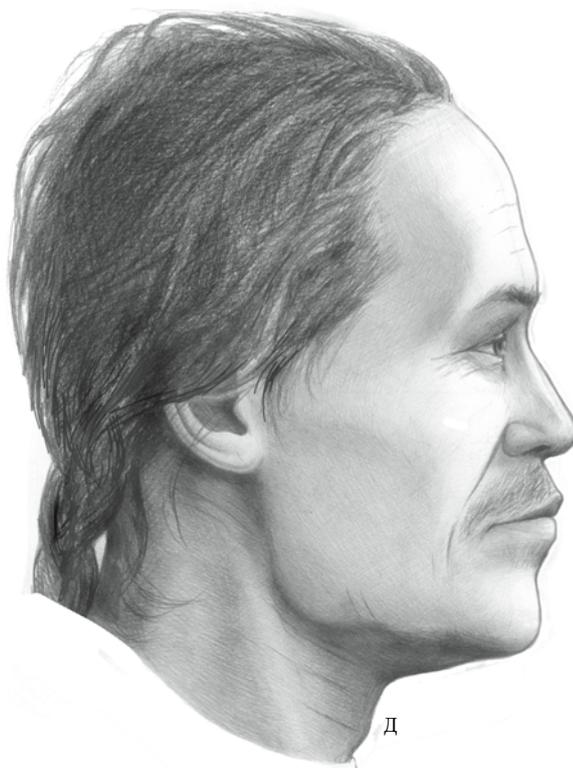
Б

В

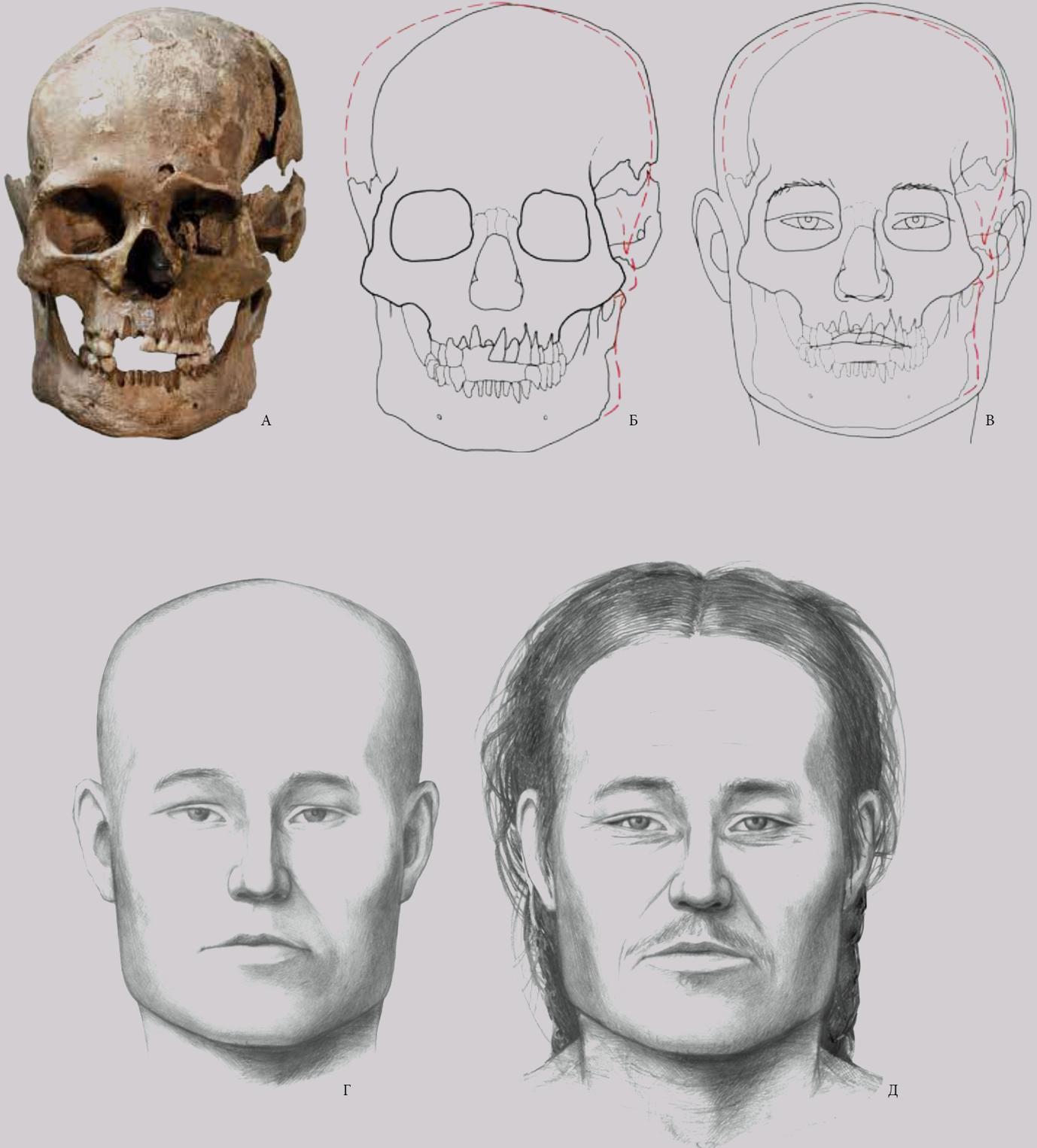

Г

Д

1. Реконструкции черепа мужчины из погребения 16 (профиль): А – череп; Б – краниограмма черепа с нанесенными контурами свода и лицевого отдела черепа; В – реставрация черепа и построение схемы лица; Г – графический портрет; Д – графический портрет, дополненный прической и возрастными признаками

2. Реконструкции черепа мужчины из погребения 16 (анфас): А – череп; Б – краниограмма черепа с нанесенными контурами свода и лицевого отдела черепа; В – реставрация черепа и построение схемы лица; Г – графический портрет; Д – графический портрет, дополненный прической и возрастными признаками

1-12. Серебряные монеты конца XV – XVI в.: 1 – Иван IV, копейка. Новгород. 1547 г. Аверс – буквы: ПС; 2 – Иван IV, копейка. Новгород. 1550-е гг. Аверс – буквы: ЮС/ДМ; 3 – Иван IV, копейка. Псков. 1535–1538 гг. Аверс – буква: А; 4 – Иван IV, копейка. Псков. 1560-х гг. Аверс – буквы: С/ МН; 5 – Федор Иванович, денга. Москва. 1584–1594 гг.; 6 – Федор Иванович, денга. Москва. 1584–1594 гг.

комплексы 1, 2 связаны с погребениями 1 и 3 и являются частью погребального инвентаря. Сопровождение умерших монетами было ограничено во времени – пространстве и не вылилось в длительное систематическое действие ни у юганских ханты, ни у их соседей. На это указывает тот факт, что с XVII по XIX столетие в среде аборигенного населения монеты являлись крайне редким элементом погребального инвентаря. При рассмотрении локализации монет в погребении нужно указать на их бессистемное расположение, т. е. их высыпали во время погребальной церемонии из небольших емкостей либо складывали небольшими кучками, возможно, завязанными в ткань в виде мешочков. Условно говоря, оставшиеся в живых соплеменники как бы собирали монеты по всему дому, из всех углов, а затем помещали в могилу как придется. Отчасти, хаотичное размещение небольшими группами могло быть связано с тем, что при жизни владельцы раздали монеты родственникам. Комплексы 3, 4 связаны с поминальной обрядностью. Здесь также следует указать на дисперсное расположение в слое, что может указывать на возврат последних розданных монет. Комплекс 5 связан с ритуальной практикой как форма благодарности богествам за удачу в охотничьем промысле или иных действиях, в которых требовалась сверхъестественная поддержка. Поскольку монеты появились у жителей городка *Монкысь урий* – общинной знати – как сим-

вол благодарности за помощь в военной операции, вполне логично предположить, что эта функция монет была перенесена на систему ритуальных взаимоотношений с божествами.

Почитание погребений общинных вождей городка *Монкысь урий* и их родственников не вылилось в систематическое почитание, формирование ритуально-культурного комплекса на данном месте, который мог функционировать длительное время. Не развился он и в большое родовое кладбище. Таким образом, к данному погребальному комплексу было отношение как к кладбищу, где требовалось совершение обязательных поминальных обрядов в течение максимум пяти лет. Причем, возможно, по определенному случаю и еще дольше. Однако не слишком долго, судя по небольшому числу находок в слое дерна.

В итоге мы можем констатировать, что в результате раскопок городка *Монкысь урий* были зафиксированы следы и элементы обрядовой деятельности его населения. Они находят прямые параллели или сходство с этнографически зафиксированными религиозными обрядами и представлениями юганских остяков-ханты XIX–XX веков. Свидетельства культурного сходства позволяют говорить о возможности воссоздания религиозной культуры жителей городка путем ретроспективного переноса верований, зафиксированных этнографами у коренного населения Большого Югана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / SUMMARY

Большеюганский городок Монкысь урий («Монкысь вош») по праву следует охарактеризовать как действительно уникальный и особо важный археологический объект. Его значимость определяется еще и тем, что он непосредственно связан с историческим прошлым ныне живущего здесь коренного населения края.

Thus, we have the most species and categories of a variety of sources that can make extremely reasonable, objective and reasoned conclusions on the material culture of the population of the town of Monkys' Uri, its people and historical events associated with it.

1

Завершая исследование, напомним об основных положениях и выводах, содержащихся в главах этой работы. В первую очередь это касается главных характеристик изученного археологического памятника, периодичности функционирования и архитектуры поселков в урочище *Монкысь урий*, в том числе неукрепленных юрт и городка, а также хозяйства, быта и основных занятий их населения. Помимо этого, на основании результатов комплексного анализа археологических, биологических, фольклорных и историко-документальных источников будет освещен реальный исторический фон, на котором развивался и пал городок *Монкысь урий*, функционировавший на рубеже позднего средневековья и нового времени. В качестве частных аспектов будут изложены результаты изучения этнической принадлежности и социального статуса населения городка, события, связанные с гибелью остяцкой «крепости», рассмотрены причины появления поминальных комплексов на его руинах, а также многие другие сюжеты.

Основные характеристики памятника и история его исследования. Городок *Монкысь урий*, он же археологическое городище Частухинский урий, представляет собой руины небольшого населенного пункта на левобережье Сургутского Приобья, в бассейне реки Большой Юган, существовавшего во второй половине II тысячелетия нашей эры. При этом наиболее яркие события в истории данного укрепления, значимые для коренных жителей региона как в прошлом, так и на стоящем, относятся к началу XVII столетия.

Как археологический объект он получил свое название по имени ближайшего водоема – старичного озера Чистухинский урий. *Монкысь урий* – это название городка, наиболее часто употреблявшееся местными жителями и встречающееся в последних версиях фольклорных сказаний. В большей степени оно касается названия старичного озера, которое по-хантыйски звучит как «урий». Вместе с тем иного наименования устная традиция не сохранила, поэтому оно было использовано нами в качестве исторического топонима. Один из наиболее приемлемых вариантов перевода названия городка *Монкысь урий* – городок «*Былинного холма старицы*». Тем не менее в соответствии с местной традицией он должен был бы называться «*Монкысь вош*» – «*Городок Былинного холма*».

В природно-географическом отношении территория, на которой находился городок *Монкысь урий*, относится к центральной части Западно-Сибирской равнины, южной части Среднеобской низменности и подзоне средней тайги. Он локализуется на левобережье Оби, в среднем течении реки Большой Юган. Его географические координаты: 60° 28' 23.6" северной широты и 74° 00' 10.4" восточной долготы.

Данный археологический памятник занимает останец в пойме левого коренного берега реки Большой Юган и участка его бывшего русла – старичного озера Чистухинский урий. По современному административно-территориальному делению России городок *Монкысь урий* находится в Сургутском районе Ханты-

Мансийского автономного округа – Югры, в 90 км к юго-юго-востоку от города Сургут, 72 км к востоку-юго-востоку от станции Пыть-Ях железной дороги Тюмень – Сургут и 4,0 км к юго-западу от поселка Угут.

Ландшафтно-географические и природно-климатические условия данной территории типичны для таежной зоны Западной Сибири и отчасти близки лесным пространствам подножий Уральских гор. Причем как восточному, так и западному уральскому пенеплену, а также таежным пространствам северо-востока Европы, расположенным севернее 55-й параллели.

Археологические и этнографические исследования среднего течения реки Большой Юган и ее притоков эпизодически проводились с конца XIX века. Между тем строго научный, целенаправленный и планомерный характер они приобрели только в 1980-х годах и особенно активно развивались с начала XXI века. Главной причиной последнего стало интенсивное хозяйственное освоение нефтяной провинции среднего течения Оби. Это позволило выявить сибирским и уральским археологам на данной территории – в окрестностях поселка Угут, в радиусе не более 20 км – три больших комплекса объектов культурного наследия (ОКН): «Угутский», «Кинямины» и «Когончины». Каждый из них включает около ста памятников археологии. При этом практически любой археологический объект содержит от одного до нескольких десятков сооружений – остатков жилых, хозяйственных и производственных построек либо могил. Общий хронологический диапазон данных объек-

1. Среднее течение реки Большой Юган. Верховые болота на водоразделах, поросшие сфагновыми мхами
2. Среднее течение реки Большой Юган. Заболоченное древнее старичье озеро. Вид с запада

2

тов культурного наследия обширен: от конца каменного века – неолита (VI–V тысячелетия до нашей эры) до нового времени – ранней Российской империи (XVIII век) и так называемой «этнографической современности».

Археологические и этнографические данные отражают достаточно высокую плотность населения в среднем течении реки Большой Юган, особенно в эпоху средневековья и новое время. Вероятнее всего, два ключевых фактора – стабильная обеспеченность пищевыми ресурсами и относительно комфортные ландшафтные условия – способствовали постоянному проживанию общин аборигенов тайги на данной территории в течение многих столетий и даже тысячелетий.

Кроме того, несмотря на некоторые культурные различия обитателей юганской тайги, наличие компактно расположенных комплексов поселенческих объектов предполагает определенную преемственность в развитии местных обществ. Каждый комплекс объектов культурного наследия включает памятники практически всех хронологических периодов. При этом наиболее многочисленны здесь, как уже было отмечено, поселения последних полутора – двух тысячелетий. Это создает некое впечатление относительно непрерывного проживания одного и того же коллектива – общины, ее подразделений и ответвлений – на данном временном отрезке.

Несмотря на территориальную близость к некоторым археологическим объектам, городок Монкысь урий не относится ни к одному из вышеописанных комплексов археологических памятников. Городище занимает промежуточное положение между группами объектов культурного наследия «Когончины» и «Угутские», где имеются синхронные населенные пункты.

Особая локализация и изолированность городка *Монкысь урий*, топография и ландшафтно-топографические условия создают впечатление неординарности данного укрепления и его некой отчужденности от соседних «рядовых» поселений. Это, скорее всего, неслучайно и отражает характер поселения в целом, особенности его функционирования, а также неординарность социального состава его населения.

Раскопки городка *Монкысь урий* велись периодически на протяжении последних 35 лет, и каждый этап становился информационной базой для следующего. Памятник был обнаружен в начале 1980-х годов П. С. Бахлыковым, жителем поселка Угут, краеведом и основателем местного музея. Им были произведены первые любительские раскопки данного городища и обнаруженных на нем богатых погребений. Первые научные археологические исследования были выполнены в 1990 году экспедицией Тюменского областного краеведческого музея под руководством В. И. Семеновы. Тогда были вскрыты четыре участка общей площадью 102 кв. м в центральной части памятника. Спустя 15 лет по результатам анализа материалов раскопок В. И. Семенова опубликовала монографию «Поселение и могильник Частухинский урий» [2005]. Исследования поселений, могильника и поминальных мест в урочище *Монкысь урий* были продолжены в 2011–2013 годах экспедицией ООО «НПО “Северная археология-1”». Археологические раскопки «городища Частухинский Урей» выполнялись О. В. Кардашем (2011 год), а также Н. В. Шатуновым (2012 год) и Г. П. Визгаловым (2013 год) под общим научным руководством О. В. Кардаса. Обращение к этому памятнику было вызвано его большим научным значением и личной заинтересованностью руководителей организаций, уделявших особое внимание изучению памятников позднего средневековья и нового времени севера Западной Сибири.

В монографии мы проанализировали и представили практически все доступные на данный момент документальные, фольклорные, картографические, археологические, антропологические и палеоэкологические источники, полученные в результате комплексного изучения городка *Монкысь урий* [Кардаш, Визгалов, 2015]. При этом хотелось бы подчеркнуть, что не все

из представленных нами аналитических выводов и реконструкций являются бесспорными. Наше исследование не претендует на статус бесспорного и лишь отражает современный уровень осмысления источников.

Структура подведения итогов уже была апробирована нами в процессе публикации материалов аналогичных археологических памятников [Кардаш, 2011; 2013а; 2013б]. Ее мы и будем придерживаться.

Архитектура городка Монкысь урий. Реконструкция архитектуры поселений таежной полосы Западной Сибири довольно сложна в силу местной специфики состава почвенных, культурных и геологических слоев. Большая часть последних представляет собой песчаные, супесные и подзолистые грунты, покрытые тонкой лесной подстилкой, состоящей главным образом из хвойного опада и гумуса. Основа коренных террас, на которых расположено большинство археологических памятников таежного Приобья, также состоит из песка. В таких грунтах, благодаря интенсивному промывному режиму, органические остатки разлагаются крайне быстро. Одновременно более крупные частицы – органические (уголь, сгнившее дерево) и неорганические (например, окислы железа) – столь же скоро проникают с поверхности в глубь слоя между крупными «зернами» кварца (песка). В результате – под лесной подстилкой и тонким почвенным слоем формируются обесцвеченные (белые, серые и пепельно-серые) верхние подзолы, практически полностью лишенные органических остатков, в том числе интересующих нас деталей архитектуры, выполненных из дерева. О последней мы можем судить в основном по весьма скудным остаткам – углистым полосам и линзам прокаленного песка («прокалам») в культурных слоях, необычной цветности слоев с включением коричневых и серых тонов, в лучшем случае – по чудом сохранившемуся древесном тлене и небольшим обломкам сгоревших бревенчатых конструкций, перекрытых переотложенными песками. Последние, как правило, представлены расплывшимися песчаными обваловками-завалинками, укреплявшими (утеплявшими) основание и стены дома, разрушившимися краями «земляных» нар, рухнувшими грунтами и кусками «дерна» (точнее, лесной подстилки), некогда покрывавшими крыши построек.

Часть информации о размерах построек и их деталей можно получить на основании анализа микрорельефа памятника. Дело в том, что в отличие от археологических объектов, расположенных в лесостепи, степи и пустыне, остатки поселений и могильников таежной зоны прекрасно прослеживаются на поверхности. При минимальном воздействии антропогенного фактора рукотворные углубления и возвышения на западносибирских песчаных террасах сохраняются столетиями и даже тысячелетиями. К примеру, уникальные городища эпохи неолита (VI–IV тысячелетия до нашей эры) внешне выглядят здесь практически так же, как укрепления позднего средневековья.

Общая площадь культурного слоя, вскрытая на Монкысь урий в 2011–2013 годах, в которую вошло пространство раскопов 1990 года, составила 900 кв. м. Коллекция артефактов насчитывает более 3190 предметов¹. Археозоологическая коллекция составляет до 1450 единиц, а антропологическая – около 50. Благодаря проведенным исследованиям городок Монкысь урий на сегодняшний день является единственным максимально полно раскопанным археологическим поселенческим комплексом XVI – начала XVII века в Среднем Приобье.

¹ Без учета мелкого оловянного бисера, точное количество которого установить крайне трудно. Судя по общему весу, оловянных бисерин в коллекции приблизительно 3500 экземпляров.

Вместе с тем отметим два важных обстоятельства, увеличивающие вероятность наших «архитектурных» реконструкций. Во-первых, это небольшой хронологический интервал между этнографически зафиксированными объектами традиционной архитектуры и комплексом сооружений городка *Монкысь урий*: всего 200–300 лет. Укрепленные поселения в этнографических и фольклорных источниках не охарактеризованы или лишь упомянуты. Тем не менее отдельные архитектурные элементы и принципы продолжают бытовать в традиционной архитектуре народов сибирской тайги вплоть до сегодняшнего времени. Второе: это непосредственное участие профессионального архитектора в анализе объектов древней архитектуры, что обеспечивает отличный от исторического – инженерно-технический – взгляд на обнаруженные артефакты.

Архитектура городка *Монкысь урий*, воссозданная по результатам комплексных исследований, включает ряд аспектов, а именно:

- систему расселения жителей тайги и данного поселка;
- планировочную структуру населенного пункта;
- оборонное зодчество;
- планировку жилого комплекса;
- архитектуру жилых строений и деталей интерьера.

Некоторые из этих позиций нам удалось изучить и реконструировать в большей степени, другие – в меньшей.

Тип расселения жителей городка *Монкысь урий* – речной. Поселок был приурочен к летнему пути, пролежавшему по водной артерии – Большому Югану, и к зимней дороге, проложенной в основном по льду и фактически являвшейся дублером предыдущего пути. Это обеспечивало постоянную связь жителей городка с ближайшими соседями – окрестными родовыми и территориальными общинами, а также с дальними административными центрами, причем как туземных вождей, так и Московского государства. Для коренного населения Сибири данный фактор был весьма

актуален, особенно в условиях отсутствия карт и навигационных приборов. Выбор данного участка местности для размещения городка *Монкысь урий* соответствовал двум главным условиям: близости поселка к разным ландшафтными и промысловым зонам, а также к транспортным артериям, обеспечивавшим связь его жителей с главными магистралями и транзитными центрами.

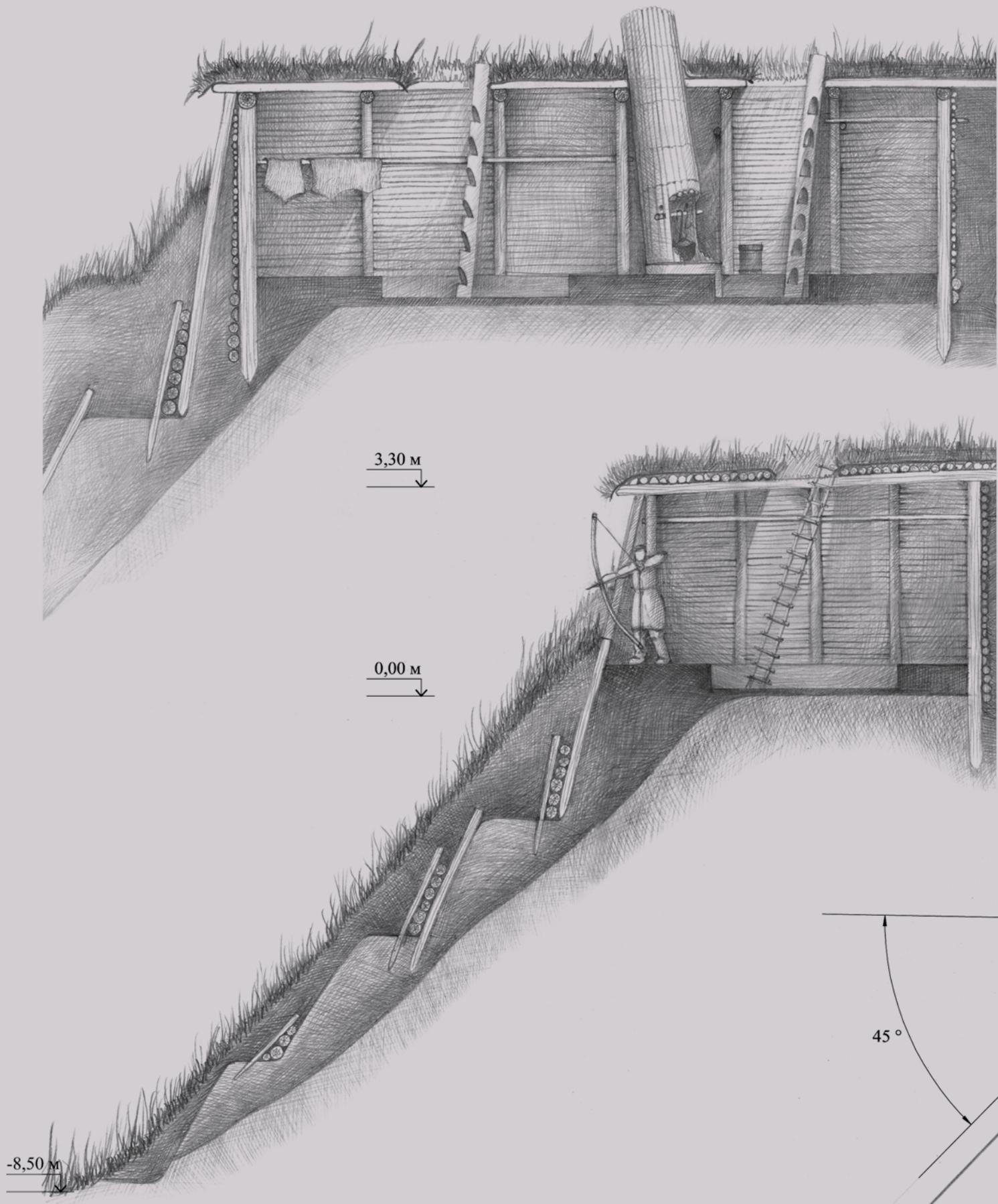
Все поселения урочища *Монкысь урий* размещались на вершине холма – останца коренной террасы реки у старицы Монкысь урий (ныне – Чистухинский урий).

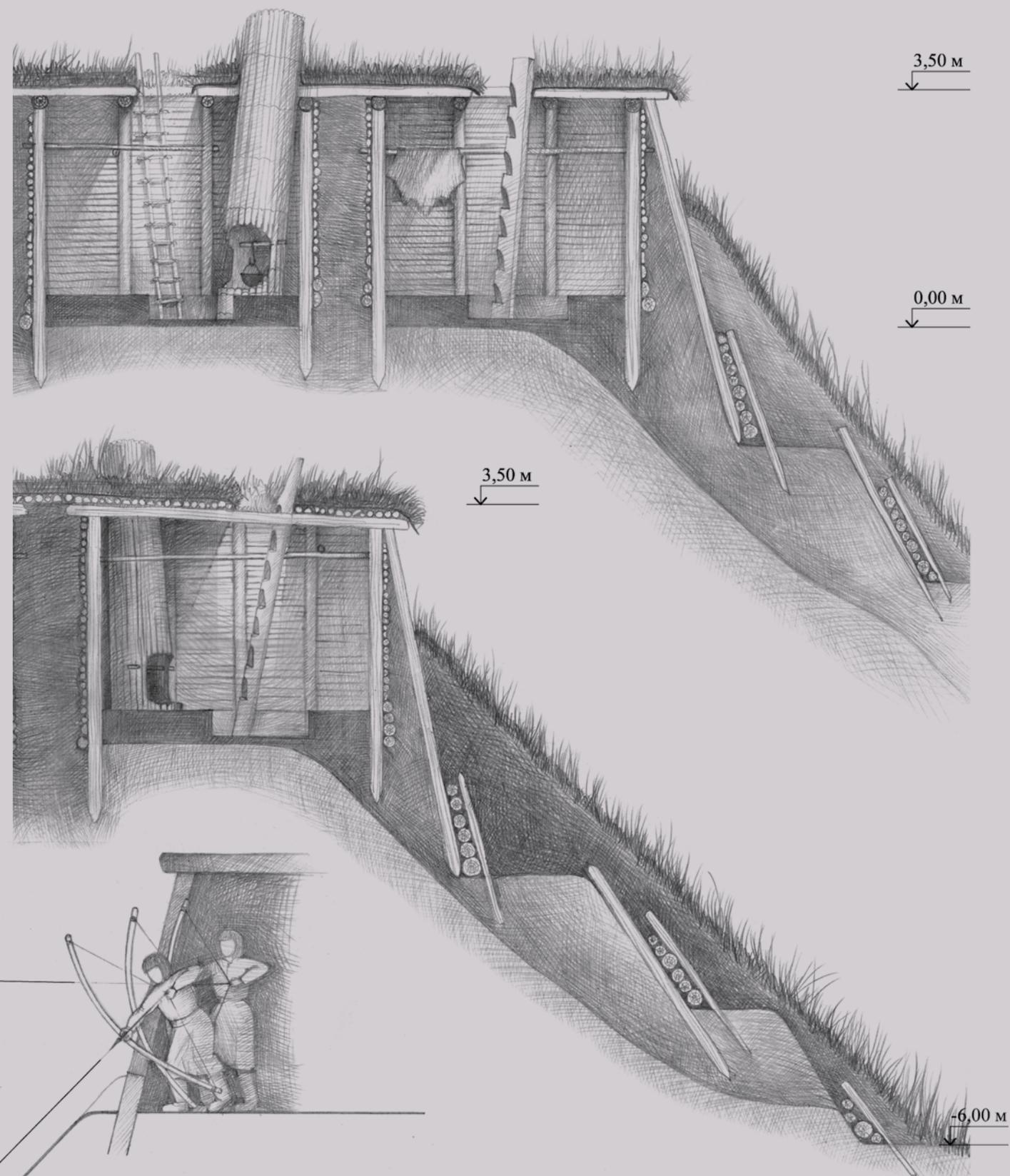
Следами ранних посещений этого места или даже кратковременной стоянки на вершине холма являются единичные обломки (4–9 экземпляров) керамики атлымской культуры периода поздней бронзы (XII–VIII веков до нашей эры).

Первый постоянный населенный пункт был основан здесь незадолго до возведения городка. Он состоял из трех жилых строений и был неукрепленный, то есть не имел фортификаций – искусственно созданной системы обороны. Раннее поселение было защищено только естественным образом: за счет крутых склонов холма. Очевидно, что на первом этапе заселения это обстоятельство имело важное значение, поскольку без дополнительных трудозатрат могло обеспечить относительную защиту жителей селища от враждебного окружения и отчасти – от диких зверей. Данную группу строений мы предложили именовать *юрты Монкысь урий*. Период их функционирования вряд ли выходил за рамки XV–XVI веков. Это селище знаменовало первый этап заселения холма и заложило архитектурно-планировочную основу для строительства здесь – на следующем этапе – оборонительно-жилого комплекса городка *Монкысь урий*. Жилища селища впоследствии были уничтожены и перекрыты строениями «крепости» аборигенов края.

Планировочная структура городка *Монкысь урий* реконструируется как двухчастная, состоящая из двух функциональных зон: оборонительно-жилого комплекса и хозяйственно-производственной

МОНКЫСЬ УРИЙ – ГОРОДОК XVI–XVII ВЕКОВ на реке Большой Юган

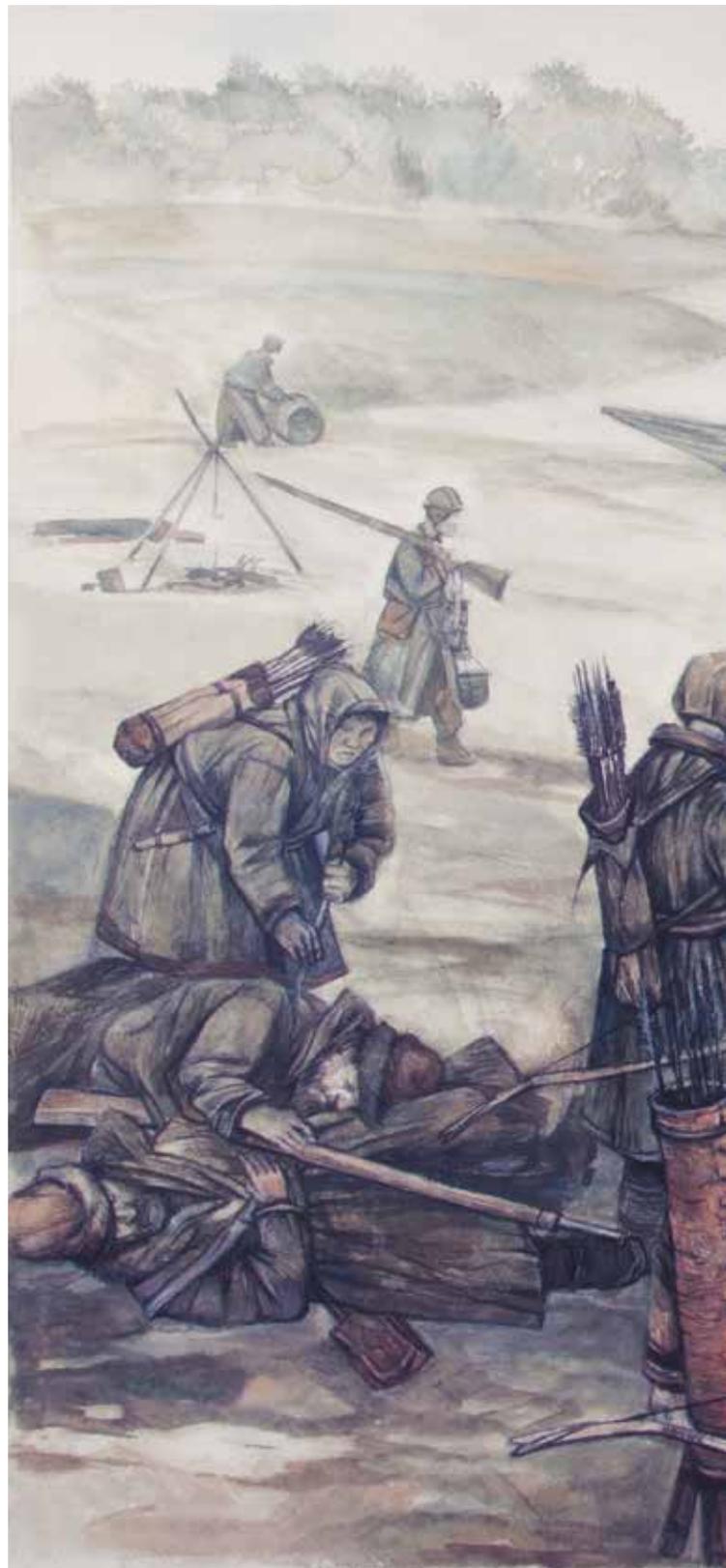
Городок Монксы урий. Архитектура. Генеральные разрезы сооружения оборонительно-жилого комплекса: А – продольный разрез; Б – поперечный разрез; В – принципиальная схема – обоснование формирования уклона эскарпированного склона и высоты сооружения от вертикального угла стрельбы из лука. Реконструкция. М 1 : 100. Архитектор С. А. Липс

территории. Оборонительно-жилой комплекс являлся центром городка. Он был возведен на грунтовом («дерново»-песчаном) фундаменте, искусственно сформированном (насыпанном и разровненном) поверх природного холма-останца. Общая высота холма с подсыпкой – около 6 м. В плане комплекс имел овальную форму и был ориентирован по оси северо-восток – юго-запад. Хозяйственно-производственная территория располагалась вокруг оборонительно-жилого комплекса на расстоянии до 50–70 м от основания останца. С запада она была ограничена старицей, с юго-востока – заболоченной поймой реки. Самыми «освоенными» участками этой территории являлись южные и юго-восточные. Здесь была выявлена постройка хозяйственно-производственного назначения, предположительно, кузница. В этом месте протекала производственная деятельность, которая не могла осуществляться в жилых помещениях: изготовление средств передвижения: нарт, лодок и так далее. Возможно, на той же территории близ «крепости» проводились некоторые религиозные обряды. Кроме того, на периферии поселка мог находиться загон для домашних ездовых оленей, а также ездовых собак. Общая площадь городка, включая хозяйственно-производственную зону вокруг холма, составляла около 10 000 кв. м (1,0 га).

Непосредственно перед возведением городка была проведена инженерная подготовка строительной площадки. Склоны холма были засыпаны песком, взятым у основания останца и с окружающего пространства. Крутизна склона была увеличена, и ему была придана ступенчатая форма. Песчаные ступени были укреплены деревом (вероятно, колотыми плахами) и грунтом, а также в несколько слоев покрыты «дерном». Приблизительная площадь дернового покрытия составляет 1000 кв. м. Перемещенный объем грунта составил порядка 590 кв. м – это около 950 тонн песка. Скорее всего, этап инженерной подготовки проходил в течение одного-двух летних сезонов. Все эти работы были проведены вручную, без возможности применения тягловой силы. С учетом предстоящих больших трудозатрат к строительству «крепости», по-видимому, были привлечены не только будущие обитатели поселка, но и другие члены общины, проживавшие в окрестных селениях.

В целом, в ходе первого (подготовительного) цикла работ была сооружена строительная площадка овальной формы, размерами 16×28 м, площадью около 450 кв. м, предназначенная для возведения оборонительно-жилого комплекса. Кроме того, оформлен крутой эскарпированный склон. Размеры оборонительно-жилого комплекса по основанию останца составляли 32×44 м, площадь – около 1400 кв. м.

Оборонительные сооружения городка Монкысь урий включали нескольких элементов. Основной: эскарпи-

рованный по всему периметру склон холма. В разных частях холма высота склона варьируется от 5 до 9 м и в среднем составляет 6,0 м. На его вершине была построена замкнутая – по периметру «крепости» – наружная деревянная стена. Для выхода на кровлю

жилого комплекса, где располагались входы в помещения, по-видимому, использовались съемные деревянные лестницы. По фольклорным данным известны другие элементы обороны городка *Монкысь урий*, не сохранившиеся в археологическом материале: верти-

1. К истории городка Монкысь урий. Нападение отряда Тонемы (Кинемы) на каюки торговцев и промышленников в Сургутском уезде на Оби летом 1616 г. Историческая живопись. Художник А. С. Кухтерин

кальные проемы-бойницы в оборонительной стене – для стрельбы по осаждавшим, бревна (очищенные от ветвей стволы деревьев), размещенные у края кровли, предназначенные для поражения штурмующих, а в зимний период – «ледяной панцирь» по периметру холма, то есть политые водой склоны и, возможно, оборонительные стены, значительно затрудняющие проникновение противника в укрепление, равно как подкоп или поджог. Предполагается еще один элемент системы обороны поселка – расчищенное от леса и кустарника на длину полета стрелы пространство вокруг «крепости». Последнее, в частности, обеспечивало наблюдение за окрестностями и исключало использование растущих деревьев при штурме городка.

Все эти элементы дополняли друг друга и в совокупности составляли продуманную оборонительную систему, защищавшую жителей городка от нежелательного проникновения посторонних в их «цитадель».

Жилой комплекс городка имел двухчастную структуру. Ее формировала центральная (осевая) опорная стена, разделявшая внутреннее пространство на две половины. Сам жилой комплекс составляли пять построек, расположенных двумя рядами, ориентированными относительно центральной оси комплекса (северо-восток – юго-запад). Два жилища находились в северо-западной половине укрепления, три – в юго-восточной. Все постройки были изолированы друг от друга внутренними стенами, состоявшими из двурядного несъемного деревянного каркаса (опалубки), забутованного грунтом и «дерном». Проходов в перегородках не было, как не обнаружено и единого входа в «крепость» со стороны ее фасада. Авторы полагают, что в каждое отдельное помещение люди попадали через специальный проем, устроенный на кровле каждой жилой камеры.

Кровля оборонительно-жилого комплекса была плоская, единая для всех жилых помещений. Она была сооружена из тонких бревен, плах или жердей, перекрытых гидроизоляционным слом и гнетом. Бревна и жерди перекрытия опирались на наружные

и внутренние стены комплекса, а также на вертикальные столбы, установленные внутри помещений. Скорее всего, сначала была возведена наружная стена городка, а затем – центральная (осевая) и внутренние перегородки. При этом осевая стена имела ту же конструкцию, что и перегородки. Она формировалась из несъемной опалубки, а ее внутреннее пространство было заложено грунтом и «дерном». В качестве гидроизоляционной прослойки, вероятнее всего, использовались берестяные листы, которые были покрыты плахами, грунтом и «дерном» (лесной подстилкой с гумусом). При активном росте травы на крыше этот слой также обладал гидроизоляционными свойствами. Данная конструкция должна быть весьма устойчивой и крепкой, так как кровля постоянно эксплуатировалась жителями городка и удерживала зимой большую снежную массу.

Постройки оборонительно-жилого комплекса городка *Монкысь урий*. Их пять и все разной величины. Каждая из них имела в плане форму, близкую к квадрату или прямоугольнику. Все они представляли собой каркасные сооружения, перекрытые единой кровлей оборонительно-жилого комплекса. Внутри оборонительно-жилого комплекса жилые камеры никак не сообщались и были изолированы друг от друга перегородками. Стеновые конструкции состояли из вертикально установленных досок, тонких жердей и плах. Пол – углубленный, ровный, земляной (песчаный). По периметру каждого помещения располагались нары, возможно, обшитые деревом. В одном из его углов находился чужал – полузакрытый очаг с системой удаления дыма. Основание чужала глинобитное. Задняя стена и дымоотвод имели единую, вероятнее всего, жердевую конструкцию, покрытую со стороны топки глиняной обмазкой.

Вещевой комплекс городища Частухинский урий достаточно представительен. Он и несет в себе много прямой и косвенной информации о хозяйстве, ремеслах, быте и религиозной культуре жителей «крепости»,

Серебряные монеты конца XV – XVI в.: 1 – Иван III или Василий III, монета. Место и точное время чеканки неизвестно (1462–1505, 1505–1533 гг.); 2 – Иван III или Василий III, денга. Место и точное время чеканки неизвестно (1462–1505, 1505–1533 гг.); 3 – Иван IV, мечевая копейка. Москва. 1535–1538 гг.; 4 – Иван IV, копейка. Псков. 1535–1538 гг.; 5 – Иван IV, денга. Москва. 1535–1538 гг.; 6 – Иван IV денга. Псков 1560-е гг. Аверс – буквы: IB; 7 – Иван IV копейка, копейка. Новгород. 1535–1538 гг.; 8 – Иван IV, денга. Москва. 1535–1538 гг.; 9 – Иван IV, копейка. Новгород. 1547. Аверс – буквы: ПС; 10 – Иван IV, копейка. Псков. 1547 г. Аверс – буквы: ГР

а также о хронологии самого памятника. За все годы раскопок было собрано около 3190 артефактов, подразделяющихся на 117 категорий. При этом не считая примерно такого же количества оловянных и стеклянных бисерин, точный подсчет которых затруднителен.

В целом данный комплекс городка состоит из четырех групп предметов, связанных с тремя функционально и хронологически различными памятниками, тем не менее тесно связанными между собой. Хронологические различия предметов из данных групп незначительны, поскольку составляющие их объекты формировались последовательно и в рамках одного довольно узкого временного интервала.

Предметы первой группы отложились в культурном слое в процессе жизнедеятельности населения городка.

Предметы второй группы попали в культурный горизонт в результате неординарных событий, а именно: в ходе осады и штурма городка.

Вещи третьей группы – это остатки и артефакты, составляющие погребальный инвентарь двух преднамеренных захоронений.

Четвертая группа вещей – это поминальный комплекс.

Одной из специфических черт коллекции городка *Монкысь урий* является наличие значительного количества артефактов, крайне редких для других средневековых поселенческих объектов таежного Приобья. К таковым категориям вещей относятся в первую очередь свинцовые боеприпасы для огнестрельного оружия и серебряные монеты. Они маркируют неординарность событий, связанных с историей городка аборигенов тайги, и, соответственно, определяют специфику вещевого комплекса в целом. В то время как для синхронного арктического города Мангазея присутствие в его культурном слое большого количества монет и боеприпасов – явление обычное, характерное для памятников культуры русских поселенцев.

На городище, большей частью в погребениях, было обнаружено 1212 монет, отчеканенных с рубежа XV–XVI веков до конца XVI столетия. Самые ранние из них – монеты Ивана III (1462–1505 годы) или Василия III (1505–1533 годы). Подавляющее большинство монетных находок относится ко времени правления Ивана IV Грозного (1533–1584 годы). Последние по времени чеканки относятся к царствованию Федора Ивановича (1584–1598 годы). Общая сумма денег в серебряных монетах Московского царства составляет порядка 11 рублей 30 копеек. Сумма на тот период времени значительная, поскольку, например, размер годового денежного жалования стрельца составлял 3 рубля серебром. В средневековой культуре жителей Югана отсутствовала система товарно-денежных отношений. Следовательно, в результате торговли эти деньги к аборигенам не могли попасть. Наиболее вероятной нам представляется версия о царском жаловании осяткам, полученном за участие в военном походе на Пегую Орду летом 1597 года. Дело в том, что Царским наказом сургутским осяткам за участие в этом походе было обещано жалование наравне со всеми участниками, в том числе служилыми людьми – казаками и стрельцами.

Данные, полученные при изучении архитектуры и предметов вещевого комплекса, были сопоставлены со сведениями, взятыми из исторических документальных и фольклорных источников. Комплексный анализ позволил относительно точно датировать этот археологический памятник и наметить основные этапы заселения урочища *Монкысь урий*.

Время основания и хронология городка *Монкысь урий* были установлены на основании сопоставления и верификации нескольких видов источников. Наиболее логично и обоснованно она восстанавливается от конца существования данного объекта, то есть от момента захвата и разрушения осятской «крепости» *Монкысь урий*.

Во-первых, возраст памятника определялся по образцам органики – древесины и кости – с использованием метода радиоуглеродного датирования (по C^{14}). Специалистами была получена серия дат, которая была калибрована и дополнительно проверена на воздействие так называемого «резервуарного эффекта» на основании данных анализа костей животных и человека (по C^{13}). Полученная серия дат укладывается в интервал с конца XV по середину XVII века. После этого радиоуглеродные даты были сопоставлены со стратиграфической ситуацией.

Во-вторых, возраст археологического объекта определялся по методу относительной хронологии – по предметам вещевого комплекса. В целом они укладывались в пределах XV–XVII веков. При этом вещи XIII–XIV веков составляли около 0,5 % из всего комплекса находок и не выделялись в стратиграфическом отношении.

В-третьих, археологические данные были сопоставлены со сведениями, взятыми из документальных исторических источников. Кроме того, в рамках этого анализа было установлено, что все люди, останки которых были найдены на руинах городка *Монкысь урий*, погибли в конце осени – начале зимы, то есть в одном сезоне. Часть погибших (некоторые представители местной правящей прослойки) была захоронена, другая (возможно, из состава рядового населения городка) – нет. При этом культурный слой погребений и памятника в целом был насыщен свинцовыми пулями и артиллерийскими ядрами. Скорее всего, смерть всех найденных здесь людей была связана с боевыми событиями. Единственным, известным по письменным источникам событием того периода в Сургутском уезде была военная операция московских властей по возврату денежной казны служилых людей томского гарнизона, ранее похищенной отрядом восставших остяков во главе с сыновьями сургутского князя Бардака. Поскольку «отписка» о завершении операции была направлена великому князю Московскому в январе 1620 года, то можно определить месяц боевых действий: декабрь 1619 года или не ранее конца ноября¹. Кстати, последнее согласуется с данными, полу-

¹ Документ поврежден, и точная дата его составления не известна. По этой причине время штурма городка *Монкысь урий* мы можем определить только по ряду косвенных данных и на основании собственных расчетов. Например, прямое расстояние от городка до Сургутского острога составляет 90 км, а сухопутный путь по руслу реки Большой Юган немногим менее 200 км. Преодоление такого расстояния большим военным отрядом зимой – причем с оружием и пленными – могло занять приблизительно от 10 до 15–20 суток. Время на получение информации о самой операции от ее участников, а также из допросов пленных (по факту восстания остяков было явно назначено следствие), на обработку этих сведений и составление отчетного документа сургутских властей могло составлять от нескольких дней до нескольких недель. Сургутский воевода отправил явно не одну челобитную с оперативным известием. Доклад в Сибирский приказ Московского царства должен был включать не только само известие, но и другую информа-

ционными антропологами в результате изучения дентинскопии зубов погибших индивидуумов. Штурм крепости *Монкысь урий* с использованием огнестрельного оружия в зимний период описывают практически все фольклорные источники. Таким образом, год и сезон прекращения функционирования городка, а также момент гибели части его жителей, на наш взгляд, определен достаточно точно: декабрь 1619 года.

В-четвертых, существует ряд косвенных данных, позволяющих определить годы строительства городка *Монкысь урий*. Прежде всего, это находки серебряных русских монет в составе ритуального комплекса (№ 10) – под южным углом здания крепости. Эти артефакты, как и все остальные, найденные на руинах городка, принадлежали единому монетному «собранию», сформированному в последнее десятилетие XVI века, но не ранее 1594 года, и составлявшему около 11–12 рублей². В процессе анализа монет наиболее обоснованным, на наш взгляд, выглядит вывод о попадании такой суммы в качестве государева жалования за поход летом 1597 года на нарымского князя Вою и обосновавшегося у него царя. Кроме нарымского похода дети князя Бардака, в том числе легендарный Тонема – Кинема «Бордаков», участвовали в других военных экспедициях сургутских служилых людей, в частности, на пуровских самоедов в 1602 году. Вполне вероятно, что Тонему и его братьев могли принять на службу в качестве детей боярских и назначить им денежное жалование. Так, например, происходило в нижеобском туземном «княжестве» Кода с представителями рода князей Алачевых. Таким образом, момент закладки оборонительно-жилого комплекса *Монкысь урия* может быть датирован не ранее 1598 года.

Более того, именно «Бордоков сын Тонем» летом 1596 года сообщил по собственной воле воеводе О. Т. Плещееву о намерениях князя Пегой Орды – Вони – напасть весной 1597 года на Сургут, чем и спровоцировал вышеупомянутый военный поход. Иными словами, у юганских остяков изначально был повод опасаться действий Пегой Орды в отношении жителей Большого Югана. Военные межэтнические конфликты в таежном Приобье в это время и гораздо раньше периодически случались. Нет только данных о тех, которые имели место непосредственно на Большом Югане. В более раннее время, до XVII века, при распространении своего господства на окрестные народы и племена отряды Сибирского ханства иногда совершали походы на территории предков современных ханты. Безусловно, по реке Большой Юган мог проходить

цию о мятеже и его последствиях. Таким образом, от штурма городка *Монкысь урий* до составления челобитной Московскому царю прошло около месяца, но вряд ли больше.

² Сумма, равная жалованию служилого человека – казака или стрельца – за 4 года.

1-4. Плоские ажурные зооморфные подвески и нашивные (накладные) пластины: 1-2 – подвески в форме лапки водоплавающей птицы («лапчатые»), подтип 1 (из ритуального захоронения двух особей северного оленя под полом постройки № 2.3(4), уч. Ш, О/41-42 – яма VII, ур. 44,97-45,12 м); 3-4 – подвески «лапчатые», подтип 2 (комплекс из северного угла постройки № 2.4(5), уч. Б”/32, ур. 44,44 м)
5-19. Цельнолитые шарообразные бусины-пуговицы

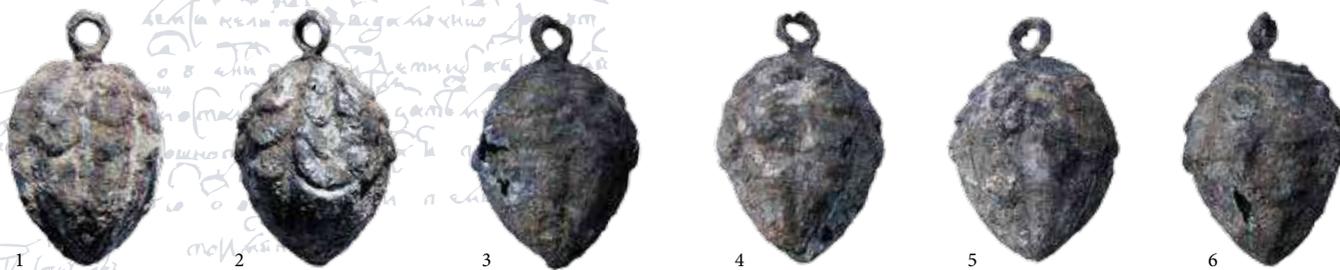
прямой путь к центру Сургутского Приобья из столицы ханства – Искера. Определенную угрозу с севера также составляли тундровые и лесные самоеды, предки ненцев, нередко совершавшие грабительские набеги. В начале XVII века речной путь на Большой Юган контролировался со стороны Сургутского острога. По крайней мере, о передвижении значительного вражеского войска информация местным осяцкам могла поступить быстро. Тем более что летом все население Большого и Малого Югана выезжало на реку Обь для коллективного рыбного промысла. Зимой же населенные пункты юганских осяцков оставались без защиты, как новые русские крепости и селения, начиная с 1594 года. Путь на Большой Юган – через малоосвоенную Демьяно-Васюганскую болотную систему, со стороны Томско-Нарымского Приобья – был открыт. Ждать необходимой информации неоткуда и не от кого. Возможно, именно опасение возможных набегов самоедов и татар было основным мотивирующим фактором в строительстве осяцкой «крепости» *Монкысь урий*. Если наше предположение верно, то оборонительно-жилой комплекс был возведен в течение, приблизительно, двух лет, в период между 1598 и 1601 годами¹. Вполне вероятно, что именно служба московскому царю повысила авторитет и социальный статус молодого «князя», позволила увеличить его семью и расширить количество соратников, явно из числа родственников. Таким образом, это потребовало дополнитель-

¹ Не исключено, что это совпадение, но именно в эти годы собственную крепость возводит сын обдорского князя Василия – Мамрук, поступивший на русскую службу и получивший в 1601 году жалованную грамоту царя Бориса Годунова «*государев ясак собирать*» [Кардаш, 2013б. С. 287]. Можно предположить, что одновременное наделение равными полномочиями осяцких князей и их потомков было частью общей политики Московского царства того времени. Главной целью этой акции, по-видимому, является выделение из общей массы старого аборигенного общества новой служилой знати – для создания внутренних противоречий в местном обществе, а также выявления своей «*ишности*» или «*верности*» новому государству.

ных помещений и «замка» на родовой территории. В свою очередь, время функционирования неукрепленного поселения, получившего название *юрты Монкысь урий*, приходится на предшествующий период. Установить точное время его существования сложно. Обычно на археологических поселениях и даже в жилищах таежного Приобья остается крайне мало артефактов. Имеется только один, опять же косвенный фактор – это время возможного существования (функционирования в качестве жилого дома) таежного деревоземляного строения. По имеющимся в нашем распоряжении этнографическим и археологическим данным, а также собственным наблюдениям, такое строение могло существовать от 10 до нескольких десятков лет. При этом более 80 лет могли сохраняться постройки лишь из лиственницы. В связи с этим наиболее вероятным временем основания юрт Монкысь урий представляется середина XVII века или, в лучших условиях, конец XV.

Ремесла и бытовая культура жителей юрт и городка. Данная сторона жизнедеятельности обитателей *Монкысь урия* отражается прежде всего в артефактах. Их коллекция, собранная в результате раскопок, достаточно велика, а главное, представлена большим количеством разных категорий предметов. Это позволяет воссоздавать данную часть культуры аборигенов края предельно аргументированно. Подводя итоги, мы остановимся лишь на наиболее значимых группах предметов и вещах.

Прямые аналогии украшениям из дальних производственных центров нам пока не известны. Тем не менее форма некоторых таких изделий, имитирующая плоды, и южный растительный декор создают впечатление близости к «восточным» мусульманским изобразительным традициям. Среди возможных центров их изготовления можно предположить крупные города Казанского и Сибирского ханства. Массово украшения из олова различных типов, особенно вышеописанных форм, появляются в обском регионе не ранее конца XVI века – в последний период освоения региона Московским государством

(конец XVI – XVII век). При этом подчеркнем, что несмотря на относительную близость от *Монкысь урия* торгово-производственных центров Сибирского ханства XV–XVI веков, активных торгово-меновых отношений между ними и жителями городка явно не прослеживается.

Артефакты, связанные с костюмом, точнее с элементами его декора, представляют собой довольно многочисленную группу находок – 779 экз. (ок. 22 %), не считая порядка 3,5 тыс. бисерин из олова и стекла. Имеются редкие украшения из серебра, но основную массу составляют оловянные изделия. Все эти предметы по происхождению можно подразделить на две категории: импортные и местного производства.

Местную продукцию представляют разнообразные подвески и нашивки, отлитые в односторонних формах. Они были предназначены для создания декоративных композиций на праздничной, «церемониальной» или культовой одежде. Появляются такие отливки, на наш взгляд, в сформировавшемся виде и предназначены для конкретных орнаментов. Большая часть украшений таких форм просуществовала в неизменном виде вплоть до конца XX века. Украшения костюма такого типа и орнаментальные композиции из них в таежной зоне Западной Сибири не имеют более ранних (до XII–XIII веков) местных прототипов, тем более точных аналогов. Прямых параллелей данному «остяцкому» принципу и форме декорирования одежды, бытовавшему у жителей городка *Монкысь урий*, нам также пока не известно. Мы полагаем, что такой декор сформировался на основе «европейской традиции» украшения костюма и был привнесен на территорию региона в готовом виде из Северо-Восточной Европы.

Атрибуция таких украшений – вопрос окончательно не решенный, дискуссионный и требующий специального анализа. В нашем случае наличие большого количества изделий, в том числе из драгоценных металлов, само по себе является важным фактом. Импортные украшения и местные отливки из импортного металла – показатель относительно высокого социального статуса. Причем, судя рас-

пространению их в культурном слое городка, они принадлежали практически всем семьям *Монкысь урия*. Косвенным подтверждением этому является отсутствие такого количества украшений в известных погребальных комплексах XVI–XVII веков, например, в могильниках Усть-Балык и Кинтусовском 4.3. Кстати, последний из них находится недалеко от синхронного городища Вош-рап и явно оставлен его жителями.

Несмотря на свой высокий социальный статус, население городка и его глава не были на полном содержании общины. Многие бытовые потребности жители удовлетворяли сами, в том числе за счет домашних ремесел. Среди узкоспециализированных занятий выделяется производство средств передвижения. На городище Частухинский урий (городок *Монкысь урий*) были найдены все категории инструментов, необходимые мужчинам для изготовления лыж, нарт и легких лодок. Подобные инструменты применяются ханты по сей день. При этом *Монкысь урий* является единственным известным археологическим памятником, на котором найден самый ранний комплект инструментов для изготовления лодки-обласа. Обладание секретом и навыками такого ремесла могло способствовать поднятию общественного статуса мастера и отчасти определять его лидерство в общине.

То же самое можно сказать и о кузнечном производстве. Простейшая обработка металлов («ковка на обухе топора у очага») из чисто домашних хозяйственных занятий выделяется в отдельное производство. На данном археологическом памятнике это выразилось в строительстве отдельной кузницы, что подтверждается фольклорными и археологическими источниками. Наиболее полный набор как деревообрабатывающих, так и кузнечных инструментов, был обнаружен только в одной постройке оборонительно-жилого комплекса – № 2.5 (6). Отдельные инструменты обнаружены и в других домах. В этой связи мы не исключаем, что многие мужчины или главы семей имели полный набор инструментов.

В целом же деревообрабатывающее и кузнечное производство жителей *Монкысь урия* и в целом аборигенов таежного Приобья даже в конце средневековья – начале нового времени не выходило далеко за рамки домашнего ремесла. Оно обеспечивало

главным образом нужды своей большой семьи, а не соседей, и не было рассчитано на рынок, которого, кстати, тогда и не было.

По найденным в *Монкысь урия* наборам инструментов для выполнения поэтапной обработки кожи реконструируются некоторые женские ремесла. Подобные орудия и, соответственно, специфическая технология обработки кож не были характерны ни для средневекового туземного населения других территорий Западной Сибири, ни для русских ремесленников, появившихся в регионе в конце XVI – начале XVII века. Такой специфический набор орудий мог сформироваться только у населения лесной полосы Северной Евразии, экономика которого была тесно связана с охотой на крупных копытных животных (лось, олень). Мы предполагаем, что исходной территорией формирования данного типа орудий и охарактеризованной выше технологии обработки кож является Европейский Северо-Восток – Западно-Уральский пенеппен и западные склоны Уральских гор. Отсюда они распространились на север Западной Сибири.

Элементы религиозной культуры. Еще одним специфическим признаком *Монкысь урия* и его коллекции является наличие в его культурном слое специфических ритуальных предметов, а также обычных бытовых вещей, происходящих из поминальных мест и погребений, обнаруженных на руинах городка.

Несколько серебряных монет залегало в скоплениях костей ниже уровня пола южного угла постройки № 2.3 (4) и, соответственно, южного угла всего оборонительно-жилого комплекса. Мы не исключаем, что монеты могли попасть в процессе разрушения угла сооружения во время пожара и последующего разрушения. Вместе с тем существует вероятность того, что эти русские «серебряные чешуйки» могли использоваться остяками *Монкысь урия* и в ритуальных целях. Логично предположить, что данный комплекс костей мог быть жертвенным местом юрт *Монкысь урий*. Вполне вероятно, что на этом месте могли совершить жертвоприношение при строительстве ОЖК и сопроводить его монетами. Тем более что ритуальная практика сопровождения жертвенных животных металлическими изделиями (украшениями) зафиксирована тут же на городке

1–6. Детали декора одежды XVI – начала XVII в. Бусины-пуговицы и подвески из олова и сплавов на основе олова: 1–6 – полые эллипсоидные, большого размера, с декором, придающим изделию форму желудя, плода или цветочного бутона;

7–9. Серебряные монеты конца XV–XVI в.: 7 – Иван IV, копейка. Псков. 1560-е гг. Аверс – буквы: ИВ; 8 – Иван IV, копейка. Новгород 1547 г. Аверс – буквы: ПС; 9 – Иван IV, копейка. Новгород. 1547–1560-х гг. Аверс – буквы: К/ВА.

(яма № VII). Это обстоятельство, возможно, указывает на годы строительства оборонительно-жилого комплекса – начало XVII века – незадолго до его гибели. Это согласуется с фольклорными данными, в которых указывается, что Тонья построил город незадолго до прихода русских.

Зафиксированный по материалам *Монкысь урия* уровень развития ремесел, связанных с обработкой кожи и шитьем одежды, можно охарактеризовать как достаточно высокий, сравнимый с современным традиционным женским ремеслом ханты реки Большой Юган.

Поддаляющее большинство стрел городка *Монкысь урий*, воткнутых в грунт, но не зафиксированных в нем, были связаны с захоронениями и останками индивидуумов. Мы можем интерпретировать этот факт прежде всего как свидетельство ритуалов, связанных с почитанием захоронений людей высокого социального статуса – военных вождей.

Эти факты свидетельствуют и о специфических религиозных ритуалах остяков-ханты начала нового времени. Помимо этого, имеются археологические свидетельства, находящие близкие параллели с религиозными обрядами и воззрениями юганских ханты, зафиксированных этнографами в XIX веке.

Промыслово-хозяйственная деятельность населения юрт и городка *Монкысь урий*, впрочем, как и любого другого древнего поселка, изучаемого археологами, воссоздается на основании двух основных видов источников. Это – костные останки животных и артефакты. Кроме того, в ходе своего анализа мы имели возможность использования документальных и фольклорных источников. Правда, последние прак-

тически не содержат прямых сведений по интересующей нас теме. Дело в том, что производственная и хозяйственная сферы деятельности, с точки зрения как местного, так и пришлого населения, являлись обыденными явлениями, не заслуживающими специального описания. О них знали все – русские чиновники, военные и простой люд, остяки-рассказчики и их слушатели, самоеды-ненцы, сибирские татары и прочие жители Западной Сибири.

Охота. Одним из вещественных источников при анализе хозяйства являются наконечники стрел. Всего в коллекции их около 180. При этом большая их часть относится к универсальным – охотничье-боевым – типам, которые помимо военной функции были пригодны для охоты на крупных животных. Следует отметить большие размеры и массивность наконечников стрел из *Монкысь урия*, по сравнению с аналогичными артефактами из синхронных комплексов Крайнего Севера Сибири [ср.: Кардаш, 2013а. С. 148, 149. Рис. 3.16 – 1–18; 2013б. С. 177. Рис. 3.06 – 3–13]. Наконечники стрел из *Монкысь урия* в среднем в полтора-два раза больше северных аналогов. Что же касается больших наконечников стрел из кости и рога, то их размеры и форма, обеспечивавшие их высокую «проникающую способность», вряд ли могли пробить железную броню воинского доспеха. Скорее всего, такие предметы аборигены производили целенаправленно только для охотничьего промысла.

Еще один вывод позволяют сделать стрелы с наконечниками, вырезанными из утилизированных медных котлов. Такие изделия являлись атрибутом ритуально-поминального комплекса, зафиксированного на руинах городка *Монкысь урий*. Наконечники из медного листа являлись копиями-моделями железных наконечников, предназначенных для самострелов. Напрашивается вывод о существовании у населения *Монкысь урия* промысла крупных копытных животных при помощи системы сторожевых луков, устанавливавшихся обычно напротив проходов в линиях охотничьих загоронок. Во время экспедиционных работ мы сталкивались с последними образцами такого способа коллективной пассивной охоты, в частности в среднем течении реки Казым. Сейчас такой способ охоты применяется ханты только при добыче медведя, при этом самострел заменяет петля из стального троса.

Второй из указанных выше видов источников – костные останки – позволяет дополнить выводы, сделанные на основании анализа артефактов. Добыча животных у населения *Монкысь урия* имела две специализации:

- *пищевой промысел* крупных копытных, иных видов животных, рыб и птиц;
- *товарный промысел* «пушных» видов с целью получения товаров для меновой торговли.

Интересен и показателен сравнительный анализ находок из *Монкысь урия* с аналогичными материалами городищ, расположенных в непосредственной близости от него. В частности, с городищем Стрелка, находящимся в 1 км к юго-западу на реке Нексап. Этот памятник локализуется также изолированно, то есть в стороне от комплексов других археологических объектов. Стационарное изучение городища Стрелка было проведено в 2009–2011 годах [Кардаш, А–2010; 2010; Кардаш, Пономарева, 2010; Пономарева, А–2012]. В результате были исследованы объекты нескольких хронологических периодов, начиная с конца II тысячелетия до нашей эры и заканчивая XIII веком. Самый ранний комплекс отнесен к позднему бронзовому веку (атлымская культура, XII–VIII века до нашей эры). Несколько построек, разрушенных при строительстве средневековых сооружений, принадлежит белоярской культуре раннего железного века (VII–III века до нашей эры). Руинированные остатки средневекового оборонительно-жилого комплекса, которые визуальнo фиксируются на поверхности, относятся к вожпайской и кунтусовской археологическим культурам (VII–XIII века). Последний этап заселения наиболее важен для нашего исследования. Во-первых, потому что это мысовое городище с системой обороны, основанной на использовании естественного эскарпированного склона коренной террасы, защищенной с напольной стороны тройной системой рвов и валов. Между тем ни его местоположение, ни практически готовая и довольно внушительная система укреплений не привлекли зодчих *Монкысь урия*. На наш взгляд, этот факт свидетельствует об отсутствии преемственности культуры жителей городка *Монкысь урий* и предшествующего населения Большого

Наконечники стрел из медного листа:
1 – треугольные с выделенным черенком и шипами (Тип II);
2–3 – треугольные – в форме криволинейного треугольника (Тип I)

Югана эпохи средневековья. Второй важный факт: видовой состав костей животных, в частности, основных промысловых видов, обнаруженных при раскопках городища Стрелка. У жителей последнего укрепления основным промысловым видом был северный олень. Его кости в коллекции составляют не менее 61 % от общего количества костных останков всех видов¹, в то время как костей лося не более 2 %. Следует отметить, что при раскопках городища Стрелка не обнаружено ни одного артефакта, который бы свидетельствовал о наличии у его жителей транспортного оленеводства (например, детали упряжи). В связи с этим данные цифры демонстрируют наличие и соотношение только диких видов животных. У населения городка *Монкысь урий*, проживавшего практически на той же территории, северный олень в остеологических остатках составлял 55 %, а лось – 21 %². Не менее половины костных останков северного оленя происходит из ритуальных (жертвенных) комплексов и представляет домашнюю форму этого животного. Следовательно, соотношение диких форм северного оленя и лося было приблизительно одинаковым. Вместе с тем не следует забывать, что даже таежный подвид северного оленя в среднем по весу в два-три раза меньше лося. Следовательно, последний вид с уверенностью можно определить как доминирующий пищевой и охотничье-промысловый, на добычу которого была сориентирована охота. Известно, что численность лося на той или иной территории очень динамична. При этом наблюдались длительные периоды полного отсутствия этих животных [Визгалов и др., 2013. С. 201–203. Рис. 25]. Тем не менее археологические находки на городище Стрелка, расположенном в таежной зоне, а также на городище Бухта Находка, находящемся далеко на севере, в ямальской тундре, показывают, что в XII–XIII веках лось обитал по всей территории Западной Сибири [Пономарева, А–2012. С. 111, прил. 11; Кардаш, 2011. С. 43–44. Табл.1]. Добывали зверя не только ради мяса, но проводили полную утилизацию туш убитого животного. Судя по найденному специфическому орудийному набору скребков, шкуры лося обрабатывали и шили из них одежду, чего ранее не наблюдалось у местного населения.

Кроме лося и северного оленя, жители *Монкысь урия* периодически охотились на некоторых мелких пушных животных (заяц-беляк) и птиц, ловили рыбу.

¹ Эта цифра не учитывает кости неопределимых млекопитающих. Большинство их составляют трубчатые кости крупных копытных – северного оленя или лося – достоверно не дифференцируемые по фрагментам. Реальная доля останков оленя может достигать 75 %.

² Данные показатели не учитывают кости неопределимых млекопитающих. Их учет может изменить это соотношение, но незначительно.

Особенности и характер *рыбного промысла* реконструируются по костям, чешуе и орудиям лова. Рыболовством занимались как в окрестностях городка, так и на самой Оби и ее протоках.

Видовой состав животных *товарного промысла*, судя по костным останкам, включал бобра (3,3 %), лисицу (0,3 %), соболя (0,1 %) и песца (0,1 %). Это явно малое количество костей пушных животных в рамках общей численности видового состава, которая, безусловно, является весьма условной, но, тем не менее, базовой для анализа. Тем более что такое малое количество добытого «пушного товара» плохо соотносится с объемом импортных предметов (предметы роскоши, украшения, возможно, культовые изделия), найденных в *Монкысь урии*. Причем таких дорогих, как кольчужный доспех, медные котлы, серебряная чаша и детали декора «парадной» одежды. Формально это демонстрирует наличие у жителей городка слишком малого ресурса для меновой торговли. Несмотря на это, вряд ли объективно в сравнении с найденными артефактами. Тем не менее, на наш взгляд, охотниками *Монкысь урия* действительно добывалось столь малое количество пушного зверя, и вот почему. Во-первых, множество признаков указывает на высокий социальный статус жителей поселка, по крайней мере, его лидеров. Их общественное положение позволяло получать ценные шкурки пушных животных и импортные ценности совсем иным образом – в качестве «подношений» от простых общинников. Если учесть вероятность казенной службы у сургутского воеводы, то сбор пушнины мог быть вмененной им обязанностью. Соответственно, сбор ясака московскому царю и для собственных нужд мог происходить одновременно. Имеются в виду определенные злоупотребления, которые не исключают варианта добровольной передачи пушнины сборщикам государственного налога целенаправленно – для совершения торгово-меновых операций. Выполнение данной функции могло быть одной из миссий и прав, «делегированных» рядовым аборигенным населением края своему общинному вождю и его родственникам. В таком случае необходимость собственного пушного промысла у элиты жителей городка теряет особый смысл. Кроме того, некоторые из перечисленных дорогих вещей могли попасть к жителям городка в качестве военных трофеев, например, после Нарымского похода 1597 года.

Оленеводство и собаководство восстанавливаются по костным останкам и деталям оленьей упряжи. К сожалению, более того, что данные отрасли были составной частью хозяйства населения городка *Монкысь урий*, мы сказать не можем. Причина этого – отсутствие артефактов из дерева, которые не сохраняются в песчаном грунте. Как выглядели

Что же могло подвигнуть жителей к строительству столь трудозатратной и защищенной крепости? Общинные вожди – остяцкие «князья» – участвуют в совместных с русскими военных походах, находятся на службе у сургутского воеводы под защитой гарнизона. Со стороны московской администрации угроза нападения на них явно отсутствует. Вероятнее всего, основная мотивация строительства мощного укрепления остяками – это боязнь последствий нарымского похода и нападения со стороны верхнеобских селькупов, потомков и поданных князя Вони и верных Кучуму татар.

нарты жителей *Монкысь урия* и к какому типу они относились, нам точно не известно. Между тем, судя по окружающей природной среде и близости форм деталей упряжи, обнаруженных при раскопках, и пластины для пристяжного оленя конца XIX века, можно заключить, что у населения *Монкысь урия*, вероятнее всего, существовал таежный вариант косокопильных нарт, аналогичный тому, что был зафиксирован у ханты на реке Большой Юган в конце XIX века.

Периодичность функционирования и годовой цикл использования городка можно определить по ряду данных. В первую очередь – по видовому составу животных, и косвенно – по найденным артефактам.

Периодичность проживания населения в урочище *Монкысь урий*, на наш взгляд, была неразрывно связана с хозяйственным циклом. Последний основывался на особенностях биоценоза данной местности. Поскольку основными промысловыми видами были лось и северный олень, то жителями городка явно учитывался цикл сезонных миграций этих видов животных. Местная популяция лося совершала сезонные миграции из верховий реки в низовья – дельту Большого Югана и к протокам Оби – на отел в пойменных лугах и зарослях ивы. Зимой эти животные возвращалась в таежные урманы, богатые осинником. Важным фактором была и возможность хранения продуктов, полученных в результате промысла. В теплое время года длительное сохранение мяса животных невозможно, в особенности лося и северного оленя, зимой – наоборот. Кроме того, после формирования постоянного снежного покрова охотникам было намного легче находить диких животных в тайге по их следам. Во всех отношениях зимняя охота на крупных копытных наиболее разумна и эффективна. Судя по отсутствию среди костных останков *Монкысь урия* перелетных птиц, которых могли добывать только летом, в это время часть населения мигрировала за пределы городка. В связи с этим основным сезоном функционирования поселения в урочище *Монкысь урий* мы считаем зиму. Тем не менее имеются другие данные, например, на-

ходки на городище чешуи рыбы летнего периода формирования.

Основной период функционирования – зима – не исключает полного отсутствия людей в теплое время года. Во-первых, сами строительные работы могли осуществляться только летом. Во-вторых, в любом человеческом сообществе существовали индивидуумы (калеки, старики, беременные женщины, дети), которые не могли перемещаться на большие расстояния. В нашем случае – это не менее 200 км. В-третьих, помещения оборонительно-жилого комплекса после таяния снега, да и летних дождей явно требовали проветривания и сушки, а осенью – очередного ремонта. На осень приходится и основной этап формирования «зимних запасов», в ходе которого заготавливалось и консервировалось (сушилось, вялилось, коптилось) основное количество рыбы. Кроме того, оставление укрепления без минимальной охраны в любое время года было чревато его возможным захватом врагами. В связи с перечисленными обстоятельствами несколько мужчин и женщин вместе с убогими и детьми должны были оставаться в городке на лето, обеспечивая свое пропитание оставшимися зимними запасами, но главным образом рыбной ловлей вблизи городка.

В целом же можно сказать, что охарактеризованный нами годовой хозяйственный цикл, состоявший из сезонных миграций населения среднего и верхнего течения Большого Югана к магистральной реке Оби – на промысел рыбы и перелетных птиц – близок зафиксированному этнографами в XIX – начале XX века. При этом как для юганских ханты, так и для многих других локальных групп – обитателей больших притоков Оби. С середины XX века, в связи с притоком нового населения и освоения энергетических богатств Западной Сибири, произошла кардинальная смена традиционных устоев коренных жителей этого региона.

Вместе с тем нам представляется ошибочным сводить годовой цикл функционирования городка только к удовлетворению хозяйственных потребностей его населения. Дело в том, что крепость

Монкысь урий не была рядовым поселком аборигенов края. В нем явно проживало элитное население всей общины. По этой причине для нас совершенно очевидно, что для отдельных представителей *Монкысь урия* существовал параллельный – «политэкономический» или «общественный» – цикл, связанный с жизнедеятельностью всей общины, населявшей Юганскую ясачную волость, то есть как минимум реки Большой и Малый Юган. В зимнее время сбор ясака для московского царя и отчасти для собственных нужд представителям «княжеского» рода Бардака удобнее всего было осуществлять максимально близко к районам промысла, объезжая зимние поселения по зимним путям. Кстати, большая часть войн и грабительских набегов – как самоедов, так и остяков, – проводилась зимой, с передвижением по заснеженной тундре и тайге, замерзшим болотам и рекам. Летом и осенью, когда большинство рассеянных в другие сезоны по тайге рядовых общинников-ханты собиралось поблизости друг от друга – на одной или нескольких «рыболовных песках» обских протоков, вождю с общиной также было намного проще общаться с подчиненным населением и контролировать его. В том числе получать информацию о жителях селений, о соседях-противниках, обсуждать общие проблемы и организовывать коллективные сезонные религиозные ритуалы. К примеру, в ознаменовании начала или завершения рыбного или лесного промыслов, отдавая дань своим божествам за возможную будущую или уже свершившуюся удачу. Очевидно, эти общественные функции сыграли свою определенную роль в той череде событий, которые отразились в судьбе и финале городка *Монкысь урий*. Попытаемся подвести итог и этой стороне жизнедеятельности населения и вождей городка.

Главная функция городка *Монкысь урий* и его судьба. Время основания и функционирования как юрт, так и укрепленного городка соответствует периоду освоения Западной Сибири Московским государством. Стоит подумать: не совпадает ли время существования исследованного нами населенного пункта с какими-либо конкретными событиями в истории Русского государства? Случайное это совпадение, или имеет место реальная прямая зависимость. По нашему мнению, скорее нет, чем да. Если эти процессы и были как-то связаны между собой, то только косвенно. Чтобы разобраться в этом, вспомним вкратце основные события эпохи географического открытия «Югории» – обширных лесных территорий, находившихся к востоку от Перми Великой, реки Печоры и пояса Уральских гор. Опустим древнюю историю и сразу обратимся к средневековому периоду, освещенному документальными источниками.

Первые достоверные сведения об освоении территорий как европейского, так и сибирского Севера

связаны с деятельностью выходцев из Новгорода Великого. Летописные данные об этом явлении малочисленны и хорошо известны. Повторять их неуместно, но следует обозначить общую тенденцию и хронологию этого продвижения. Европейский Север новгородцы начали осваивать в XI веке. При этом местонахождение летописной Печоры у специалистов не вызывает больших сомнений, в то время как расположенная за ней Югра не была четко локализована. В целом это была местность к востоку от Печоры, простиравшаяся вплоть до северной оконечности горного массива, ныне именуемого Уральскими горами, или Уральским поясом. Судя по летописным данным, к концу XI века один «отрок новгородский», посланный в 1096 году Гюрятой (Георгием) Роговичем – новгородским посадником времен правления новгородского князя Мстислава Владимировича, посетил со своими спутниками территорию Югры.

Сейчас о новгородском продвижении по европейскому и сибирскому Северу мы можем говорить не только на основе документальных (исторических), но и археологических источников, а также ставить задачи их дальнейшего изучения [Кардаш, Усолкина, 2009. С. 335–347; Кардаш, 2011; 2014. С. 122–131]. Проникновение на сибирский Север, в низовья Оби, носило не только характер военных, промысловых или торговых операций.

Первые миграции населения европейского Приуралья на восток, зафиксированные документально, относятся к концу XIV века. В Вычегодско-Вымской летописи содержатся сведения о переселении в 1384 году из района Прикамья сотника Пама – местного жреца «с жены и детьми свои». Уже сейчас мы вправе выделить ранние этапы освоения северных территорий Западной Сибири населением Северо-Восточной Европы.

Первый из них следует датировать XII – серединой XV века и назвать «новгородским этапом» освоения Нижней Оби. Безусловно, достаточного количества достоверных сведений о нем крайне мало, но общая тенденция движения населения и территория для нас понятны.

Второй этап – начиная с середины XV века – хорошо известен в истории Московского государства как «эпоха» активного продвижения русских на северо-восточные территории. Вернее сказать, военного закрепления на этих землях. Можно сказать, что во взаимоотношениях Великих князей Московских с Великим Новгородом «волость Югра» окончательно переходит в юрисдикцию Московского царства, как минимум номинально.

Это время можно назвать «московским этапом» освоения Нижней Оби населением Северо-Восточной Европы и определить серединой XV – концом XVII века. Безусловно, данный интервал по событиям неоднороден. Оснований для его разделения

1–14. Наконечники стрел из железа. Универсальные охотничье-боевые типы стержневидной формы: 1–7 – наконечники с асимметрично-ромбическим проникателем (Тип VII, подтип 4); 8–13 – наконечники с проникателем криволинейно-треугольным (curvilinear triangle), снабженным двумя шипами (Тип VII, подтип 2)

на отдельные хронологические отрезки мы коснемся в рамках задач нашего исследования городка *Монкысь урий*.

Серия военных походов на начальной стадии второго «московского этапа» маркирует «движение» русского населения из Восточной Европы на восток. О таком «движении», тем более выражавшемся в военных операциях, не могло не знать население примыкавших к Уралу областей западносибирской тайги. Такие явления, по сравнению с насыщенной событиями историей европейских государств, были не часты, но очень значимы для этих мест.

В целом же вторая половина средневековья (XIII–XVI века) была насыщена военными событиями, связанными с подчинением территорий, населенных коренными народами южной и средней западносибирской тайги.

В это беспокойное время, в XV–XVI веках, движение русского населения в Сибирь спровоцировало миграцию на восток – вверх по Оби – части прикамского (зырянского) населения, обосновавшегося ранее на Нижней Оби и вступившего в некий симбиоз с коренным населением тайги. Не исключено, что с этими тревожными событиями и переселениями с запада было связано и неуверенное положение князя Бардака, окруженного врагами практически со всех сторон: татарами – с юга, ненцами – с севера, селькупам – с востока. Сложные отношения у Бардака складывались и с новыми хозяевами Сибири – русскими, продвигавшимися в таежное Приобье из Приуралья и европейского Северо-Востока. В этих условиях интересующие нас приобские реки Большой и Малый Юган стали пограничной или, скорее всего, нейтральной территорией между восточными областями Сибирского ханства и западными Пегой Орды. Главный административный центр Орды находился в городке

на реке Нарым, расположенном в районе границы средней и южной тайги.

Какие же события начала или середины XVI века могли спровоцировать переселение жителей Нижней Оби в более восточные районы? В 1500 году закончился московский поход, и для Западно-Сибирского региона начался очередной этап подчинения Московскому государству. Продолжилось продвижение русских на северо-восток – в низовья Иртыша и Оби, а также Среднее Приобье – и освоение новым населением северо-восточных провинций Сибирского ханства. Кроме того, в середине XVI века, после принятия подданства Московского царства, значительно усилился сбор дани с аборигенов Западной Сибири, причем как в пользу Москвы, так и хана Едигера.

Культурная принадлежность жителей городка. Внезапно и неизвестно откуда могут появиться только «инопланетяне». Реальные люди, их вещи, технологические и материальные новации должны иметь местную – автохтонную – или привнесенную с других территорий основу. Что же касается происхождения населения городка *Монкысь урий*, то мы уже приводили достаточно различных фактов, связанных с этой проблемой. Сейчас же попытаемся их осмыслить.

В сфере мужских ремесел и строительных традиций такой преемственности с культурой аборигенов Среднего Приобья и населения более восточных таежных территорий мы не наблюдаем. В то же время наибольшее сходство у городка *Монкысь урий* наблюдается с позднесредневековыми городищами Нижнего Приобья, оставленными выходцами с западных склонов Уральских гор.

Возможность опосредованного или непрямого – визуального – заимствования технологий оборонного зодчества у других народов жителями *Монкысь урия* мы не рассматриваем, поскольку, по нашим представлениям, практически любые заимствования

в традиционной культуре обских угров приживались столетиями.

В силу отсутствия письменности некоторые исторические процессы у населения таежного Приобья были отражены в фольклорных источниках, в частности известном остячком «богатырском эпосе», записанном С. К. Паткановым [1891a; 1891b; 1999; 2003]. Начало формирования этой былинной поэзии исследователи, в том числе и мы, связывают с периодом XIII–XIV веков [Зыков, Кокшаров, 2001; Визгалов, Кардаш, 2010]. Сюжеты этих и других сказаний – помимо различных военных событий и бытовых деталей – повествуют и о миграционных процессах. При этом если «обско-иртышские» эпические сказания довольно содержательные, конкретные и «монументальные», то салымские предания более краткие и простые, отражающие только общие тенденции. В последних, в частности, говорится о конфликтах с конкретными народами, то есть легко идентифицируемыми этнически и территориально. Например, *ерн-ях* – это самоеды, идентифицируемые с предками современных ненцев, которые в зимний период продвигались довольно далеко на юг, в зону северной тайги, или *катан-ях* – татарское население Сибирского ханства [Визгалов, Кардаш, 2010].

В качестве еще одного серьезного военного противника жителей Большого и Малого Салыма в легендах упоминается народ *курун-ях* или *хурун-ёх*. При этом указывается, что эти люди являются выходцами с северо-запада, из Нижнего Приобья. Точнее, из районов современных поселков Березово и Октябрьское, то есть с территории позднесредневекового Кодского княжества [Визгалов, Кардаш, 2010. С. 64–67]. Примечательно, что в «салымском эпосе» период военных конфликтов с этим населением получил название «*курн-нопыт*» – «*век (людей) курун*». Иными словами: «век противоборства с *курун-ях*», то есть целая

На наш взгляд, наиболее высока вероятность миграции населения, создавшего городок Монкысь урий, из западных таежных областей Западной Сибири, в частности из Нижнего Приобья. То есть из района, где в течение нескольких столетий формировалось, проживало и адаптировалось к местным условиям население, мигрировавшее с европейского Северо-Востока.

эпоха боевых действий с иноземцами. По этнографическим данным, *курун-ях* или *хурун-ёх* – это название именно жителей Коды, кодских остячков [Мартынова, 1998. С. 101, 102].

Таким образом, фольклорные, археологические и некоторые документальные источники позволяют определить данное население как жителей городков и селений Нижней Оби. В свою очередь, эти полиэтнические образования сформировались в XI–XIV веках на основе семейных групп, переселившихся из таежных областей Северо-Восточной Европы и вступивших в тесные контакты с местным населением края. В XV или с рубежа XV–XVI веков новый этнос начал активно продвигаться на восток и север: в Среднее Приобье, в том числе на Большой Юган, а также в низовья Оби и далее – на реки Надым и Таз. Миграция *курун-ях* в южном направлении – на Иртыш – была исключена, поскольку Сибирское ханство было их главным конкурентом и противником. Первопоселенцы – основатели городка *Монкысь урий* – были этими выходцами с Нижней Оби, не имевшими генетических связей с аборигенным населением Большого Югана.

Иной точки зрения придерживаются антропологи, изучавшие останки жителей городка. Помимо

чисто биологических заключений они сделали ряд историко-культурных выводов.

Антропология жителей городка. Специалистами-антропологами были проанализированы 52 остеологических объекта: целых или расколотых на фрагменты костей человека. Из всех костных останков для краниологического анализа оказались пригодны только семь черепов, из которых наиболее полными характеристиками обладали два черепа – мужской и женский. Черепа остальных индивидуумов в связи с их фрагментарностью представлены отдельными измерениями.

По основным характеристикам и пропорциям, с учетом половых различий, мужские и женские черепа очень близки друг другу. Судя по ряду морфологических особенностей, группа занимает промежуточное положение между европеоидными и монголоидными вариантами. В частности, по особенностям строения мозговой капсулы индивиды *Монкысь урия* тяготеют к европеоидным выборкам, а по уплощенности лицевого скелета – к классическим монголоидным. В целом условная доля монголоидного элемента составляет 60,7 %. Вместе с тем антропологи отмечают, что особенности профилировки переносья и лба людей из *Монкысь урия* позволяют рассматривать исследуемую группу довольно близко к «чистым» европеоидам. В то время как уплощенное лицо и малый угол выступления носа определяют ее «чистые» монголоидные признаки. Такое сочетание низкого лица, черепа с субдолихокранной коробкой и хорошо профилированным переносьем, а также малым углом выступления носа считается характерным признаком западносибирских низколицых монголоидов. Это основные морфологические выводы, которые не вызывают сомнения.

Выделение «территориально-краниологических» групп и представление их признаков в виде графика крайне интересно и наглядно. Все анализируемые группы разделились по степени выраженности монголоидных или европеоидных особенностей в строении черепов. На графике 1, построенном по результатам канонического анализа, антропологические серии четко локализовались географически. Выделяются четыре области концентрации выборок: среднетаежный ареал Западной Сибири (Сургутский ареал); южно-таежный ареал Западной Сибири; степной и лесостепной ареалы Западной и Южной Сибири; среднетаежный ареал «Западного» Приуралья. На основании этого анализа сделан вывод о том, что группа черепов из *Монкысь урия* имеет обособленное положение, но близ ареала изменчивости, характерного для восточных ханты. Также было установлено, что краниологическая серия *Монкысь урия* не выходит за пределы изменчивости северной группы западносибирских монголоидов. В итоге сделано два главных вывода. Первый: индивиды, захороненные в городке *Монкысь урий*, генетически тесно связаны

с населением предшествующего периода из Среднего (Сургутского) Приобья. Второй: по имеющимся материалам нет оснований говорить о миграциях населения в эпоху средневековья из Приуралья в Западную Сибирь или наоборот.

Именно эти выводы, основанные на анализе антропологических данных, вызвали у нас недоумение и, как следствие, ряд вопросов. В связи с этим мы обратили особое внимание на доказательную базу этих заявлений. Можно ли принять такое обоснование и

1. К истории городка Монкысь урий. Нападение отряда Тонемы (Кинемы) на каюки торговцев и промышленников в Сургутском уезде на Оби летом 1616 г.

Историческая живопись. Художник А. С. Кухтерин

считать его таковым вообще? Во-первых, о выводах относительно близости к северной группе западно-сибирских монголоидов – восточным ханты. Данное заключение не вызывает сомнения. Группа восточных ханты выделена этнологами, а краниальные антропологические признаки установлены ими по материалам могильников XVIII – середины XX века [Мартынова, 1998; Рындина, Боброва, Ожередов, 2008]. То, что потомки имеют значительное сходство со своими предками, вполне логично. Это верифицирует данные археологии и этнографии, а также позволяет обосновать ретроспекцию культуры аборигенов края до рубежа XVI–XVII веков. Между тем интрига заключается как раз в происхождении этого населения, то есть в сравнительном анализе его характеристик с материалами предшествующего и более раннего периодов. Обоснованность выводов о наличии (или отсутствии) связи позднесредневекового населения, проживавшего на данной территории, со своими предшественниками здесь, а также с населением сопредельных таежных областей Западной Сибири у нас вызывает больше всего сомнений. О спорном характере историко-культурных выводов сравнительного антропологического анализа было сказано выше. Впрочем, мы не исключаем и верность данных выводов. Мы лишь считаем, что они недостаточно обоснованы и с трудом могут использоваться для верификации и сопоставления с исторической и археологической периодизацией.

Что же касается вывода об отсутствии свидетельств миграций средневекового населения из Западного Приуралья в Западную Сибирь, то, действительно, у авторов таких оснований нет.

Но нет ли их вообще? Для сравнения антропологами были выбраны четыре погребальных комплекса из Верхнего Прикамья и бассейна Вятки, а именно: серии черепов из могильников мазунинской (III–V веков), бахмутинской (III–VII веков), ломоватовской (IV–VIII веков) и полумской (V–IX веков) культур. Все они укладываются в хронологический диапазон раннего средневековья (III–IX веков), что как минимум на 700 лет раньше группы *Монкысь урия*. При этом коллегами-биологами не объяснено, почему не использованы краниологические выборки развитого и позднего средневековья (XIII – начало XVII века), в том числе синхронного *Монкысь урию* временного диапазона. Высказывание о том, что культуры развитого и позднего средневековья Западного Приуралья формировались на основе местного раннесредневекового населения, не означает, что их носители – в этнокультурном и антропологическом планах – остались такими же без изменений.

По сути дела, заявленный антропологами сравнительный анализ краниологической выборки из *Монкысь урия* с прикамскими материалами в полной мере не состоялся, и результаты его могут быть только приняты нами к сведению. Кроме того, у нас вызывает недоумение заключение о том, что расогенез

в Среднем Приобье «от раннего средневековья до современности протекал плавно, без потрясений и миграций крупных групп с иным антропологическим обликом». Подчеркнем: *от средневековья до современности!* Опустим «современность» за последние 50–60 лет с притоком в таежное Приобье разноэтнического населения из Восточной Европы и более южных областей Азии в ходе освоения природных богатств Тюменского Севера. Этому антропологи не замечают, хотя, по сути дела, это продолжение более чем 700-летнего процесса освоения европейцами и тюркоязычными народами сибирских территорий. А как быть с периодом или очередным этапом освоения региона Московским царством, начиная с конца XVI века? Очень надеемся, что уважаемые нами антропологи не сомневаются в том, что в 1583 году русскими на Оби был основан Мансуров городок, в 1594 году – город Сургут, далее – Томск и другие города. В результате этого начался массовый приток иноземного населения в лесную полосу Западной Сибири. А с конца XVIII века на той же самой территории начинается широкое расселение европейского сельского и городского населения, которое основывает собственные населенные пункты – деревни – и ведет активную ремесленную и торгово-промышленную деятельность. Этнографами это население именуется как «русское старожильское». Почему проигнорирован сравнительный анализ с данным населением – это также не понятно и не объяснено.

Лично для нас, сибирских археологов, на данный момент остается нерешенной проблема: кто же были такие – в антропологическом и этнокультурном плане – «русские», которые освоили Сибирь. Казалось бы, ответ очевиден. Тем не менее, сталкиваясь с потомками покорителей Севера, например, на Колыме и в Черском, мы задавали им вопрос: «кто вы такие?» Нам гордо отвечали: «Мы – русские казаки». Между тем мы видим перед собой человека, по внешним антропологическим признакам мало отличающегося от юкагиров, но, тем не менее, отрицающего свою генетическую связь с последними. Так кто же на самом деле, в субэтническом и антропологическом отношении, осваивал в XVI–XVIII веках огромные пространства Северной Евразии, называя себя русскими?

На наш взгляд, пока антропологами в процессе анализа и, соответственно, в выводах не будет использоваться единый подход к периодизации того или иного конкретного района, области, региона, в том числе Сургутского, Среднего и Нижнего Приобья, их заключения невозможно будет соотнести с историческими (археологическими) данными. Пока же их выводами можно пренебречь, а при комплексном анализе расценивать как предположительные или гипотетические. Для нас нет особого смысла сравнивать антропологические данные индивидуумов конца XVI – начала XVII века, точнее 1570–1580-х – 1619 годов,

с выборками, «датирующимися временем от VI до XX веков» или «с черепами VIII–XV веков».

Антропологами нам часто выдвигается упрек в том, что хронологическая оценка антропологического материала проведена археологами, а поэтому что сами «*напериодизировали*», то и получите! Такие заявления могут делать только недобросовестные исследователи, избегающие полноценного анализа источника.

Разве антропология перестала решать гуманитарно-исторические задачи и изучает чисто биологическое развитие вида *Homo sapiens*? Так, к слову, палеонтологи самостоятельно определяют возраст костных останков животных, которых изучают. При этом никого не упрекают в этом, просто извлекая максимально возможную информацию из объекта своего изучения.

Завершая анализ антропологического исследования, отметим, что антропология рассматривает в первую очередь биологическую изменчивость вида. В нашем случае – изменчивость локальных популяций, а также их сходства и различия между собой. Здесь сомнений в профессионализме исследователей-биологов нет. Между тем как только из вполне конкретных и специфических характеристик, а также сравнительного антропологического анализа возникают исторические, культурные и этнические реалии и выводы, – это обращает пристальное внимание археологов, историков и этнологов. Причем в первую очередь – обоснованностью этих заключений.

В целом же нам, археологам, представляется не совсем правомерным в рамках данного исследования сравнивать краниологические материалы археологических культур Прикамья III–IX веков с выборками черепов *Монкысь урия*, имеющими довольно позднюю и узкую дату (XVI – начало XVII века). Равно как нецелесообразно проводить сравнения на широком хронологическом фоне почти в полторы тысячи лет. По-видимому, в нашем случае сначала надо провести сравнительный анализ серии черепов из таежной зоны Западной Сибири и Приуралья времени существования поселений, могильника и поминальных мест на холме *Монкысь урия*. Только затем привлекать краниологические материалы других и более широких временных и культурно-хронологических диапазонов.

В этой связи последние – «историко-культурные» – выводы коллектива антропологов нам представляются недостаточно обоснованными и преждевременными. Мы считаем, что эти заключения следует воспринимать только как «промежуточные» и «рабочие» версии.

Историко-культурное значение памятника. В настоящий момент городок *Монкысь урий* (*Монкысь вош*) – это единственный практически полностью изученный поселенческий археологический объект периода освоения севера Западной Сибири Московским государством. Это подлинный

исторический городок: о событиях, связанных с ним, имеются не только фольклорные, но и документальные источники. При этом мы имеем практически максимально полный набор не только исторических, но и археологических данных, проанализированных с помощью естественно-научных методов. Кроме того, это – единственный археологический памятник в таежном Приобье и второй – после Надымского городка – на севере Западной Сибири, на котором имеются антропологические останки его жителей. Иными словами, в данном случае имеется возможность напрямую связать исследованный населенный пункт, в том числе его архитектуру и материальную культуру, с конкретными антропологическими характеристиками его населения.

Само по себе сочетание в одном месте разных типов археологических памятников – явление нередкое и даже традиционное для таежного Приобья и культуры аборигенов края. В частности, об этом свидетельствуют могильники, святилища и поминальные места раннего железного века, средневековья и нового времени Сургутского Приобья, основанные на руинах древних поселений. Несмотря на это, городок *Монкысь урий* (городище Частухинский урий), обладающий чертами многослойных и комплексных археологических памятников, все же оригинален на общем фоне. Прежде всего тем, что все перечисленные выше типы поселенческих, погребальных и культово-поминальных объектов принадлежали одной группе населения. Выделяется *Монкысь урий* и неординарным составом своих жителей, обладавших высоким социальным статусом в туземном обществе того времени.

Кроме того, данный городок обладает чертами историко-культурного объекта, так как финал существования данного поселения отражен в письменных исторических документах Московского государства и многочисленных местных хантыйских преданиях.

Изучение *Монкысь урия* позволило проанализировать и интерпретировать собранные на памятнике археологические материалы на новом научно-техническом уровне. Вследствие этого у нас появился материал, который можно представить не только для специалистов-историков, но и для более широкой аудитории.

Наконец, самое важное: это степень археологической изученности территории памятника. Ее можно оценить приблизительно в 70–80 %, при учете практически полного вскрытия площади оборонительно-жилого комплекса.

Таким образом, мы имеем максимум видов и категорий самых разнообразных источников, позволяющих сделать предельно обоснованные, объективные и аргументированные выводы относительно материальной и духовной культуры населения городка *Монкысь урий*, его жителей и исторических событий, связанных с ним.

По источниковедческому уровню и научному значению исследуемое городище можно соотнести с таким известным археологическим памятником, как Надымский городок – «Надым вош», расположенным в западносибирском Заполярье. Материалы исследований последнего получили большой резонанс, причем как в научном мире, так и в общественной среде.

Большеюганский городок *Монкысь урий* («Монкысь вош») по праву следует охарактеризовать как действительно уникальный и особо важный археологический объект. Его значимость определяется еще и тем, что он непосредственно связан с историческим прошлым ныне живущего здесь коренного населения края.

Изученный нами и представленный в данной монографии городок *Монкысь урий* – резиденция

глав (вождей) территориальной общины, региональных князей, потомков князя Бардака, – безусловно, являлся одним из обских левобережных центров Бардакова «княжества», затем – Юганской волости, позднее Сургутского уезда. В районе именно этого места отмечен волостной центр на широко известной карте С. У. Ремезова конца XVII века. Вряд ли это случайно. Где-то неподалеку должен быть укрепленный населенный пункт (городок) другого «лучшего» человека – Саны Тангиреева – потомка князя Танги (Тоньи, Таньи, Кинемы). Возможно, рассказанная нами история со временем будет иметь продолжение.

SUMMARY

The town of Monkys' Uri, that is also an archaeological fortification Chastuhinsky Uri, is the ruins of a small medieval village in the Bolshoy Yugan River basin that existed in the second half of II millennium Anno Domini. The most significant events in the history of the fortification, significant for the indigenous population of the region, both in the past and the present, refer to the beginning of the XVII century.

As an archaeological site, it got its name from the nearest body of water – bayou lake Chistuhinsky Uri. Monkys' Uri – is the name of the town, the most frequently used by local residents and found in the latest versions of folk tales. To a greater extent it relates to the name of bayou (ox-bow) lake –Uri. However, oral tradition has not preserved other names, so it is used as historical. The most acceptable translations of the town name Monkys' Uri – is town of «Russian epic (bylina) hill of old women.» However, according to local tradition, it should be called «Monkys' Vosh» – «Bylina hill town.»

In the natural and geographical terms the territory in which the town of Monkys' Uri was, refers to the central part of the West Siberian Plain, the southern part of the Middle Ob Lowland and middle taiga subzone. It is localized on the left bank of the Ob River, in the middle reaches of the Bolshoy Yugan River, left tributary of the Ob River. Its geographical coordinates: 60 ° 28 '23.6' north latitude and 74 ° 00' 10.4' east longitude.

This archaeological site occupies a farewell rock in the flood plain of the left bank of the Bolshoy Yugan River and a channel reach of its former riverbed – bayou lake Chistuhinsky Uri. In the modern administrative-territorial division of Russia town of Monkys' Uri is in the Surgut district of the Khanty-Mansi Autonomous District – Yugra, 90 km south-southeast of the city of Surgut, 72 km east-southeast of the station Pyt-Yah of Tyumen–Surgut iron road and 4.0 kilometers south-west of the Ugut village. The landscape-geographic and climatic conditions

of the area are characteristic of the taiga zone of Western Siberia, and at least are close to forest areas of the Ural Mountains. Moreover, they are close to both Eastern and Western Urals penneplain as well as taiga spaces of north-east of Europe, located north of the 55th parallel.

Archaeological research of the middle reaches of the Bolshoy Yugan River and its tributaries, sporadically occurring since the end of the XIX century and having got a systematic character in the 1980s, and were the most actively conducted since the beginning of the XXI century. The main reason for the latter was intense economic development of the oil province of the middle reaches of the Ob River. It enabled archaeologists to identify at given territory – near the village of Ugut within a radius of no more than 20 km – three large complexes of the objects of cultural heritage (OCHs), «Ugutskiy», «Kinyaminy», «Kogonchiny». Each of these includes about a hundred archaeological monuments. At the same time almost every archaeological site includes from one to several dozen buildings – remnants of residential, commercial and industrial buildings or graves. Total chronological range of these objects of cultural heritage is vast: from the end of the Stone Age – Neolithic (VI–V millennium BC) to modern times – the beginning of the Russian Empire (XVIII century) and the so-called ethnographic present.

These figures reflect the relatively high population density in the middle reaches of the Bolshoy Yugan River, especially in the Middle Ages and modern times. Most likely, the two key factors – are a stable supply of food resources and a relatively comfortable landscape conditions – contributed to a permanent residence of the taiga Aboriginal communities in the territory for centuries and even millennia.

In addition, despite some cultural differences of Yugansk taiga inhabitants, the presence of densely arranged complexes of settlement objects implies certain continuity in the development of local communities. Each complex of objects of cultural heritage includes monuments of almost

all historical periods. The most numerous here, as already noted, are the settlements of last one and half – two millennia. This creates a certain impression of continuous residence of the same group – the community – at a given time interval.

Despite the proximity to some archaeological sites, the town Monkys' Uri does not directly relate to any of the complexes of archeological monuments described above. The fortification occupies an intermediate position between the groups of objects of cultural heritage «Kogonchiny» and «Ugutskoeye» where there are synchronous settlements.

Special localization and isolation of the Monkys' Uri town, topography of its location and landscape and topographical conditions create the impression of eccentricity and certain aloofness of this fortification from the neighboring «ordinary» settlements. It seems no accident and, of course, reflects the character of the settlement as a whole, especially its functioning and the social composition of its population.

Excavations of the Monkys' Uri town have been conducted periodically over the past 35 years, and each stage was becoming an information base for the next one. At first settlement was discovered in the early 1980s by P.S. Bahlykov, a resident of the village Ugut, local historian and founder of the local museum. He conducted first amateur excavation of the monument. The first scientific archaeological investigations were carried out in 1990 by the expedition of the Tyumen Regional Museum under the direction of V.I. Semenova. The four plots with a total area of 102 square meters in the central part of the monument were opened then. In 2005, according to the analysis of materials of excavations, V.I. Semenova published a monograph «The settlement and cemetery of Chastuhinsky uri.» The researches of Monkys' Uri town were continued in 2011–2013 by LLC «Scientific production association «Northern Archeology-1» expedition. Archaeological research of «settlement Chastuhinsky Uri» was performed under the supervision of O.V. Kardash, N.V. Shatunov and G.P. Vizgalov under the scientific supervision of O.V. Kardash. This was due to a great scientific value and interest of the heads of organizations, academic interests of whom coincided with the town's action period.

Overall uncovered area of the monument, including the space of excavations of 1990 year, was 900 square meters. The collection of artifacts collected by us has no less than 1,780 items. Archaeozoological collection consists of up to 1,450 units and the anthropological – about 50 units. Due to conducted research, the Monkys' Uri town is by far the only fullest excavated archaeological complex of settlements of XV – early XVII century in the Middle Ob.

Today – in the scientific-theoretical terms – not only the volume of the source base of the settlement's study has changed, but its historical and archaeological context as well. Primarily as a result of steady works carried out on the Middle Ages monuments of Surget's and the Lower Ob, as well as in the analysis of materials in special publi-

cations, including monographs. This allows you to take a different view on the results of past and modern studies of the town we are interested in.

Source base of the new phase of the study amounted to archaeological materials collected during the whole period of field study of the monument. With this, new level of its study was largely achieved thanks to the integrated nature of our analysis, namely the participation of representatives of various arts and sciences in our work. In preparing this publication historian E.V. Vershinin tracked and analyzed documentary sources. Anthropologists D.N. Razhev, O.E. Poshekhonova, S.M. Slepchenko and E.A. Alekseeva processed collection of anthropological remains. Biologists P.A. Kosintsev and T. V.Lobanova conducted archaeozoological study of osteological material. A more in-depth and detailed analysis of some of the remains inert were performed by O.P. Bachura (dentinoscopy of animals and humans' teeth) and I.V. Askeev (analysis of fish scales). A team of geologists and geo-ecologists – M.A.Kulkova, E.M. Nesterov, L.A. Nesterova and M.Y. Sinai – have conducted a radiocarbon analysis of organic samples to determine the exact chronology of the monument. O.V. Dvurechensky studied a collection of ammunition. Unexpected and very interesting results were obtained by S.N. Travkin during processing of the numismatic collection.

The results of a comprehensive analysis are presented in this book.

A type of resettlement of residents of the Monkys' Uri town was a river. The village has been dated to the summer path that run along the waterway – Bolshoy Yugan, and to winter road, being laid mainly on the ice and in fact having served as a backup of the previous path. This provided a permanent bond between the inhabitants of the town and their nearest neighbors – the surrounding tribal and territorial communities, as well as further administrative centers, both native chiefdoms, and Moscow State. This factor was highly relevant for indigenous peoples of Siberia, especially in the absence of maps and navigation instruments. The choice of the site area to accommodate the Monkys' Uri town met two main requirements: the proximity of the village to the different landscape and fishing areas, as well as to the transport links, provided communication of its residents with the main arterial roads and transit centers.

The traces of early visits to this place, or even short-term camp on a Monkys' Uri hill are isolated fragments (4–9 copies) of atlymskaya culture' ceramic of the Late Bronze Age (XII–VIII centuries BC).

Initially, the town, consisting of three residential buildings was found at the hilltop at the oxbow Monkys' Uri (now – Chistuhinsky Uri). This settlement did not have any special – artificially created – defense system that would include fortifications. It was only protected in a natural way: due to the steep slopes of the hill. At the first stage of settling this fact was obviously important because it could provide the village residents with relative protection from enemies without additional efforts. This group of buildings was directly preceded by the town and

was a settlement, which may be referred to as the yurts of Monkys' Uri. The action period of the settlement hardly go beyond the XV–XVI centuries. This settlement was the first significant step in the “colonization” of the hill and laid a certain architectural and planning framework for the further development of the village and building here – at the next stage – defensive and residential complex. These buildings were later destroyed and covered by housing of later aboriginal «fortress.»

Planning structure of the town of Monkys' Uri is reconstructed as a two-part, consisting of two functional areas: defensive-residential complex and economically productive area. Defensive and residential complex was the center of the town. It was placed on top of the outlier, had an oval shape in the plan and was oriented along the axis of the northeast – southwest. Economic-industrial area was located on the perimeter of defensive and residential complex – at the bottom of the outlier. From the west it was limited to bayou, from the south-east – a swampy floodplain. The most «developed» areas of the territory were the southern and south-east. There was revealed the construction of economic and industrial purposes, presumably, a smithy. «Non-specialized» industrial activity proceeded at this point, and perhaps some religious ceremonies were performed. In addition, on the periphery of the village could be a place for the reindeer corral.

The total area of the town, including the area around the hill, where economic or other activities of its inhabitants took place, was about 10 000 sq. m (1.0 ha).

Extensive engineering preparation of the construction site has been held directly prior to the erection of the town. The slopes of the hill were covered with sand, taken at the base of outlier and the surrounding area. In the course of preparatory works outlier slopes were reinforced with timber (probably chipped chopping blocks) and the ground, and covered with several layers of «turf.» Approximate area of sod matting cover is 1000 square meters. Moved soil volume was about 590 square meters: it is about 950 tons of sand. Most likely, the stage of engineering preparation was held for one or two summers. All these works were carried out by hand, without the possibility of the use of draft animals. Considering forthcoming great efforts, not only future occupants of the “fortress” but also other members of the community living in the surrounding villages were involved in the construction.

As a result, in the first (preparatory) work cycle, building site of oval shape has been prepared, with dimensions 16 × 28 m, an area of about 450 square meters, designed for subsequent erection of defensive and residential complex, there was also built a steep escarping slope. Dimensions of defensive and residential complex on the base of the outlier are 32 × 44 m, area – about 1,400 square meters.

Defensive fortification of Monkys' Uri town consisted of several elements: this is escarped along the entire perimeter hillside, closed – on the perimeter of the town – wooden wall with loopholes, removable ladder to enter the home's roof and cleared from the high forests surrounding

area. The height in different parts of slope varies from 5 to 9 m and an average of 6.0 m. All these elements complement each other and together make up an elaborate defense system that protected the town residents from unwanted intrusion into their «stronghold».

The living area of the town consisted of five buildings arranged in two rows. Two houses were built along the north-west wall of fortifications, the rest – along the south-east. All the buildings have been isolated from each other by internal partitions, filled with soil and «turf.» The walls of the buildings served as a formwork for backfilling. Common entrance from the front of defensive-residential complex was not detected. Apparently, it was not supposed to be – in connection with the peculiarities of the interior layout: backfilled barriers and absence of corridor passing structure in residential area of the town. It is assumed that people were getting to each individual room through a special opening, arranged on the roof of the building.

Studied in different years constructions of defensive and residential complex of the Monkys' Uri town – there are five of them – have had a shape close to a square or a rectangle in the plan, but were distinct size. They all were framed structures covered with a single roof, and were arranged in two rows along the central axis of the complex (northeast – southwest). Inside the defensive and residential complex constructions, apparently, have not intercommunicated, they were isolated from each other by internal walls. The unified entrance to defensive and residential complex, as already mentioned, also did not exist. Wall design consisted of a vertically mounted boards, thin poles and half-timbers. A chival (closed furnace hearth) was built in one of the corners or sections of the dwelling's wall.

The plank-bed possibly trimmed with tree located along the perimeter of each room. Rectangular recessions found in the center, near chival. The dwelling's flooring most likely was earthy. The roof of defensive-residential complex was an overlap of thin logs, resting on the frame. The latter consisted of vertical support pillars and the top log strapping around the perimeter of the outer wall and inner walls. Most likely, the outer wall of the town was erected at first, and then separate buildings were constructed in general interior space. The gaps between the individual-rooms-dwellings were laid with the ground and «turf.» Backfilled internal partitions and outer frame served as a support for the roof's overlay. This design had to be very stable and robust, as the roof was constantly exploited by inhabitants of the town and held a large winter snow pack.

It was this town that later became known as the town of Monkys' Uri, which existed at the end of XVI – early XVII century. It was captured and destroyed in the late fall – early winter 1619/1620 period. The reason for the military operation, organized by the authorities of the Surgut district, was a series of military-predatory («of thieves» – in the vocabulary of the time) operations of the aboriginal population. It was headed by the descendants of the local prince Bardak – sons Tonema (or Kinema)

and Sueta. With Tonuya (Tonema, Tanya) name the folklore tradition of Yugansk Khanty connects the fighting in the town of Monkys' Uri.

The first military operation under the direction of Tonya (Kinema) took place in the late summer – early autumn 1616, when a detachment of 30 people attacked Ostyaks of the same district, formerly being among the subjects of his father – Prince Bardak. In the same year Tonya's detachment attacked Russian «commercial and industrial people» following up the Ob on ships. As a result 9 people were killed. That attack was followed by the raid on the Surgut «servicemen people» who had been beaten and robbed. So, Russian administration sent a detachment of Cossacks and Ostyaks numbering 50 people to suppress the «thieves' actions of the Aborigines. As a result of the operation the rebels were not caught, but some of their wives and children were taken hostage and sent to the fortress city of Surgut.

The attack on the garrison of Tomsk Cossacks and robbery of cash salary which they transported overwhelmed the cup of endurance, and not only of local authorities, but also in Moscow. In the summer of 1618, in the middle reaches of the Ob River, in the territory of the Surgut district, Tonema (Kinema) Bardakov attacked a small detachment of Tomsk Cossacks, following with a monetary allowance for the garrison to Tomsk. The Cossacks were killed, and 400 rubles in silver coin were captured. A search for the robbers was organized that summer, but it did not give results. In the autumn even more large-scale punitive operation to capture Tonya and his associates was organized. As a result of it, according to the documents, the Treasury was returned, which was reported to Moscow in January 1620: «Those traitors of us, Sueta with comrades were beaten and Kinema's oldest son and his wife have been taken as prisoners, and our treasury cash of 400 rubles, which was taken from serving people in 12 [6 – 1618?] year, was found and brought to Surgut.»

Details of the events connected with the siege and assault of the town, are known due to the legends and epics of Yugansk Khanty. More than a dozen of such sources in various forms have been collected today. According to them and finds of archaeological artifacts the following picture of events is reconstructed. The town was besieged, shelled with artillery and hand-held «arquebuses». As a result of assault the town was taken, and some of his defenders and inhabitants were killed in battle.

Locals burial (cemetery) and soon – the traces of the funeral cult appeared on the ruins after the siege, assault and burning of the town. Necropolis and the remains of funeral feasts can be regarded as a single ritual complex of early XVII century. It included several collective burials, as well as some unburied remains and elements of memorial ritualism associated with the worship of the dead. In our view, the burial was made almost immediately after the assault and burning of the town. However, not all people killed in the siege and assault have been deliberately buried. Some of them were just blocked up with ruined structures of defen-

sive-residential complex, and no later than 1620. Obits for the buried residents of the town, as well as for those who died during the siege, or were blocked up with burnt structures were held for some time later, but no later than the middle of the XVII century. No evidences of more recent ritual actions, carried out in the territory of the town, have been identified.

Thus was investigated settler complex that functioned gradually from the end of XV to the beginning of the XVII century (up to the winter 1619/1620 period), as well as ritual complex, which included the collective burial and funeral offerings, dating from the 1619/1620's until the middle of XVII century.

The combination of different types of archaeological sites in one place – is not uncommon, and even traditional for taiga Ob and Aboriginal culture of the region. In particular, it is evidenced by burial grounds, sanctuaries and places of remembrance from early Iron Age, Middle Ages and modern times of Surgut Ob based on the ruins of ancient settlements. Despite this, the town of Monkys' Uri (Chastuhinsky Uri settlement) having the features of a multi-layered and complex archaeological monuments, is still original from the crowd. First of all by the fact that all mentioned types of objects belonged to the same population. It stands out because of the composition of its people, possessed an extraordinary position and high social status in the native community of the time. In addition, the town has features of historical and cultural object, since the final of this settlement's existence is reflected in the written historical documents of the Moscow State and many local Khanty traditions.

The total number of items in the collection of the Monkys' Uri town gathered over the years of excavation, is about 3190 units, subdivided into 117 categories. At the same time, not counting roughly the same amount of tin and glass beads, the accurate counting of which is difficult. The storage complex of the town consists of four groups of subjects related to the three functionally and chronologically different monuments, however, closely interconnected. Chronological differences of given historical complexes are minor, as their constituent objects formed sequentially and during the one rather narrow time interval. Objects of the first group deposited in the cultural layer during the life of the town's population. Subjects in the second group got to cultural horizon as a result of extraordinary events, namely, during the siege and assault of the town. The third group of things – are the remnants and artifacts that make up the grave goods of the two intentional burials. The fourth group of things – is a memorial complex.

One of the specific features of the collection of the Monkys' Uri town is the presence of a significant number of objects, very rare for the other medieval settlements of taiga Ob. The ammunition for firearms and numerous silver coins are among those categories of things in the first place. These artifacts mark extraordinary events associated with the history of the town, and thus determine the specific of material culture as a whole. While presence of

the large number of coins and ammunition in the cultural layer for simultaneous Arctic city Mangazeya – is a common phenomenon, characteristic for cultural monuments of Russian settlers.

About 1212 coins minted from the line of XV–XVI centuries until the end of the XVI century were discovered on the site of ancient settlement, mostly in graves. The earliest of them – are the coins of Ivan III (1462–1505 years), or Vasily III (1505–1533 years). The vast majority belongs to the reign of Ivan IV the Terrible (1533–1584 years). The most recent coinage belongs to the reign of Fyodor Ivanovich (1584–1598 years). The total amount of money in the silver coins of Muscovy is about 11 rubles 30 kopecks. A significant amount for the period of time, since, for example, the size of annual Strelsy (archer's) monetary salary was 3 silver rubles. The system of commodity-money relations was absent in medieval culture of the inhabitants of Yugan. Consequently, the money could not be obtained as a result of trading. The version of the royal salary to Ostyaks for participation in the military campaign against Pegaya Horde in summer of 1597 is the most probable and reasonable. Surgut Ostyaks were promised by Tsar Decree to get salaries on a par with all the participants, including servicemen people – Cossacks and Strelsy for participation in the campaign.

Another specific feature of the monument and its collections is the presence of specific ritual objects in the cultural layer of the town, as well as common household items originating from the funeral and burial sites found in the ruins of the town. In this context, the arrows of Monkys' Uri town, both stuck in the ground, and not fixed in the ground, but also associated with ritual actions, we can interpret, first of all, as evidence of rituals associated with the worship of graves of people of high social status – warlords.

The finds of bone remains of individuals allowed getting an idea of the anthropological affiliation of Monkys' Uri residents. Group of skulls from burial complexes found on the monument has certain isolation on a number of characteristics, but still close to the «areal of variability» of eastern Khanty. This gives all the reasons to relate it exactly with the Ural anthropological type of Western Siberian local race. Isolated position of this group can be attributed to its anthropological peculiarity and we should seek the causes of this phenomenon. Meanwhile, in this case, it is necessary to connect it exclusively with the paucity of selection. Among all examined groups of Western Siberia' population, series of individuals from Monkys' Uri town stands out due to the lowest skull, as well as low and narrow in zygomatic diameter face. It is these characteristics metric distancing them from the rest. In addition, from all the skull samples selections of eastern Khanty it is most drawn to the Salym group than to Yugansk one, to which it is close geographically.

As a result of Archaeozoological studies of bone remains collected during the excavations, it was found that the inhabitants of the Monkys' Uri town carried on fishing, hunted animals and birds. From the mam-

mals, the natives most actively obtained reindeer and elk. Moreover the elk should be described as the main commercial species. Occasionally they hunted beaver and brown bear. One gets the impression that such animals as wolves, fox, hare, fox, polar fox, wolverine and sable, were killed in very rare cases. Meanwhile, it is also likely that the massive fishing fur occurred in places far enough from the town, that is why the bones of these species are rare on the monument. Pets are represented by reindeer and dog. The inhabitants of the town had transport deer farming and dog breeding. The meat of elk and reindeer was the basis of nutrition of the town's population. Hides and bones of ungulates were fully utilized. Fishing, apparently, provided the food base for the dogs. From peculiarities of considered material we should note the lack of horse remnants, as well as a small amount of bones of fur species of animals, birds and fish. This is probably due to the functional features of the complex.

Now the town of Monkys' Uri is – the only almost fully studied archaeological settler site by period of development of the north of Western Siberia by Moscow state. This is a genuine historic town: the events related to it are reflected not only in folklore, but also in documentary sources. At the same time, we have almost the most complete set of not only historical, but also of archaeological data, analyzed using the methods of the natural sciences. In addition, it is the only archaeological site in the taiga Ob and the second – in the north of Western Siberia, after the town of Nadym, which has anthropological remains of its people. In other words, in this case, it is possible to directly link this examined town, including its architecture and material culture to specific anthropological characteristics of its population. The third phase of the Monkys' Uri study allowed fixing archaeological data on the new scientific and technical level, and we have got a material that can be analyzed and presented at this high level for a wider audience. Finally, and most importantly, is the degree of archaeological knowledge of the monument's territory. It can be estimated at about 70-80%, taking into account the almost total opening of defensive-residential complex area.

Thus, we have the most species and categories of a variety of sources that can make extremely reasonable, objective and reasoned conclusions on the material culture of the population of the town of Monkys' Uri, its people and historical events associated with it.

In terms of source and science investigated settlement can be correlated with such a known archaeological site as the town of Nadym – «Nadym Vosh», located in the West Siberian Arctic. Research data of it have recently received a great response, both in the scientific world and in the social environment. Bolsheyugansky town Monkys' Uri («Monkys' Vosh») should be described by right as a truly unique and extremely important archaeological site. Its importance is determined also by the fact that it is directly connected with the historical past of living here indigenous population of the region.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ^{1*}

- Борзунов В. А.* Отчет: «Раскопки городища Барсов Городок I/3, могильников Барсовский I и III в Сургутском районе Тюменской области. Разведка в Свердловской области. Разведка в западной части Барсовой Горы в Сургутском р-не Тюменской обл.». – Свердловск, 1986. – Архив ПНИАЛ УрФУ (бывший КА УрГУ). Ф. II. Д. 432.
- Зыков А. П.* Отчет о разведках в Октябрьском и Советском районах Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области в 1999 г. – Екатеринбург, 2000. – Архив НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры ХМАО – Югры. № 2170; Архив ИИА УрО РАН. Ф. I. Д. 68.
- Зыков А. П.* Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II–XVII веках: Дис. канд. ...ист. наук. – М., 2008. – Архив ПНИАЛ УрФУ. Ф. III. Д. 4007, 407А.
- Карачаров К. Г.* 1991. Отчет об археологической разведке в южной части Нефтеюганского р-на Тюменской обл., проведенной летом 1991 г. – Свердловск, 1991. – Архив НПО «СА-1». – Т. 1, 2. – Ф. I. Д. 9.
- Кардаш О. В.* Отчет о НИР: «Историко-культурная экспертиза участков нефтепровода Куст 1 – Куст 2 на месторождении Большой Салым (натурное обследование). – Екатеринбург, 1996. – Архив К. Г. Карачарова. Ф. I. Д. 033.
- Кардаш О. В.* Отчет о НИР: «Обследование перспективных зон Угутского месторождения: В 3-х кн.». – Нефтеюганск, 2008а. – Кн. 1: «Исследование юго-западной части Угутского месторождения в бассейне реки Большой Юган в окрестностях юрт Когончиных летом 2007 года». – Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. 215/1.
- Кардаш О. В.* Отчет о НИР: «Обследование перспективных зон Угутского месторождения: В 3-х кн.». – Нефтеюганск, 2008б. – Кн. 2: «Исследования западной части Угутского месторождения на правом берегу р. Большой Юган в окрестностях пос. Угут летом 2007 года». – Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. 215/2.
- Кардаш О. В.* Отчет о НИР: «Обследование перспективных зон Угутского месторождения: В 3-х кн.». – Нефтеюганск, 2008в. – Кн. 3: «Исследования западной части Киньяминского и восточной части Угутского месторождений в бассейне реки Малый Юган в Сургутском районе ХМАО в 2007 году: Текст, текстовое приложение и фотоприложения». – Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. 215/3.
- Кардаш О. В.* Отчет о НИР: «Аварийные археологические раскопки городища Стрелка в зоне строительства кустовой площадки К-13 Средне-Угутского месторождения в Сургутском районе Ханты-Мансийского АО – Югры летом 2009 г.: 3 кн.». – Нефтеюганск, 2010. – Кн. 1–3. – Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. 291/1–3.
- Кардаш О. В.* Отчет о НИР: «Аварийные археологические раскопки городища Частухинский урий на территории Средне-Угутского месторождения в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры летом 2011 года. – Нефтеюганск, 2012. – Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. 368.
- Кардаш О. В.* Отчет о НИР. Комплексное изучение историко-культурных и природных объектов в окрестностях города Пыть-Ях для создания историко-архитектурного музея и написания книги «Река Балык». Историко-архивные исследования. – Нефтеюганск, 2001. – Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. 60/4.
- Пархимович С. Ю.* Отчет о работе по обследованию технического состояния и установления границ территорий объектов археологического наследия в Октябрьском районе ХМАО – Югры. – Нефтеюганск, 2011. – Архив ООО «НПО «СА-1». Ф. I. Д. 331. – 162 с.
- Пономарева Т. В.* Отчет о НИР: «Аварийные археологические раскопки городища Стрелка на территории Средне-Угутского месторождения Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа летом 2011 г.». – Нефтеюганск, 2012. – Архив ООО «НПО «СА-1». Ф. I. Д. 384. – 192 с.
- Селянина М. Ю.* Отчет об археологической разведке в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 1996 г. – Сургут, 1997. – Научный архив СКМ. № 27.5.
- Тамга «тетеря»: 6 – лучших людей Юганской Подгородной волости 1692 г. [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1299. Л. 23 об., 24 об.]; 7 – сотников Юганской Подгородней (Балыкской) волости Василия Печина и Ивана Каркатеева в реестре 1802 г. [ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 2. Л. 358]; 8 – жителей р. Большой Балык Сарантеевых и Мумраковых 1914 г. [ТФ ГАТО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 29. Л. 1, 8 об.].
- Царская грамота сургутскому воеводе О. Т. Плещееву об организации похода на Пегую орду под предводительством головы И. И. Колемина. 1596 г., августа 31. – РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 7 об.–23.
- Шатунов Н. В.* Отчет о НИР: «Археологические исследования городища Частухинский урий на территории Средне-Угутского месторождения в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2012 году. – Нефтеюганск, 2013. – Архив НПО «СА-1». Р-1. Д. 369.

ЛИТЕРАТУРА

- Басандайка: Сборник материалов и исследований по археологии Томской области (Труды ТГУ. – Вып. 98; ТГПИ). – Томск: Изд-во ТГУ, 1947 (1948). – 220 с.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея: Материальная культура русских мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1981. – 148 с.
- Борзунов В. А.* Укрепленные жилища Зауралья и Западной Сибири // Великий подвиг народа. – Екатеринбург: Изд. НПМП «Волот», 1995. – С. 19–24.
- Борзунов В. А.* Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии / РА. – М.: Наука, 1999. – № 4. – С. 5–23.
- Борзунов В. А., Корочкова О. Н., Стефанов В. И.* Аварийные исследования средневекового Сайгатинского IV могильника в 2009 г. (раскоп 5) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – Вып. 11. – С. 142–197.

^{1*} В тексте в квадратных скобках ссылки на использованные архивные источники приводятся с буквой «А» и тире (А-) после фамилии автора, перед годом написания работы.

- Вершинин Е. В. Восстание Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках // МИИ СЗС. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – С. 98–110.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В. Святилище Ай-орт-ики на реке Малый Салым: Историко-этнологическое исследование. – Нефтеюганск: ООО «НПО «Северная археология»; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2010. – 216 с., ил.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В. Историческая экология населения севера Западной Сибири / Под общ. ред. П. А. Косинцева (МИИ СЗС. – Вып. IV). – Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. – 376 с., ил.
- Визгалов Г. П., Мызников С. А. Разведка по рекам Большому Югану и Малому Югану в 2002 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 320–321.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея – первый русский город в сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 гг.). – Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2007. – 320 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2008. – 296 с.
- Викторова В. Д. Ликинский могильник X–XIII вв. // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1973. – Вып. 12. – С. 133–173.
- Голдина Р. Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье: Монография (МИИ КВАЭ. – Т. 21). – Ижевск, 2012. – 472 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб; М.: Изд-во: «Книгопродавец-типограф М.О. Вольфа», 1882. – Т. II (И–О). – 806 с.
- Дунинь-Горкавичь А. А. Тобольский Северъ: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. – СПб.: Типогр. В. Киршбаума, 1904. – Т. I. – 282 с., прил. на 78 с.
- Зайцева Е. А., Кузина А. В. Коллекция артефактов из грабительских раскопок в районе д. Согом // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – Вып. 12. – С. 85–94.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург: Изд. НПМП «Волот», 2001. – 320 с.
- Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья: Средневековье и новое время. – Екатеринбург: Изд-во «Уральский рабочий», 2012. – 232 с.
- Иваско Л. В., Кардаш О. В., Суровень Д. А. Древняя история // Салымский край. – Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 2000. – С. 33–70.
- Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унваровой (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. – Т. 5). – Новосибирск: Наука, СО, 2005. – 675 с.
- Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во АМБ, 2011. – 60 с.
- Кардаш О. В. Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура) / Выходные сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург; Салехард: Изд-во «Магеллан», 2013а. – 360 с., ил.
- Кардаш О. В. Полуостровский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура) / Выходные сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург; Салехард: Изд-во «Магеллан», 2013б. – 380 с., ил.
- Кардаш О. В., Визгалов Г. П. Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования) [Текст] : в 2-х т. / О. В. Кардаш, Г. П. Визгалов. – Екатеринбург : Издательская группа «Караван», 2015. – Том I. Археологические исследования. – 448 с.
- Кардаш О. В., Пономарёва Т. М. Аварийные археологические раскопки на городище Стрелка в Сургутском районе ХМАО – Югры Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 312–321.
- Кардаш О. В., Усолкина М. А. Меновая торговля жителей полуострова Ямал в XIII–XIV вв. (по материалам исследований городища Бухта Находка 2006–2008 гг.) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии: В 2-х ч. – Екатеринбург: Изд-во: Банк культурной информации, 2009. – Ч. 2. – С. 335–347.
- Курбатов А. В. Культура и ремесло русского заполярного города: кожаные изделия Мангазеи по раскопкам 2001–2007 гг. // Записки ИИМК РАН. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2010. – № 5. – С. 211–230.
- Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. Серия «Новые исследования по этнологии и антропологии». – М.: Изд-во ИЭА РАН. КМЦ «Народы и культуры», 1998. – 236 с.
- Мифы, предания, сказки, хантов и манси / Пер. с хантыйского, мансийского, нем. яз.; сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под общ. ред. Е. С. Новик (Сказки и мифы народов Востока). – М: Наука, 1990. – 268 с.
- Носкова А. В. Раскопки могильника Сайтагинский IV в полевом сезоне 2009 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Вып. 8. – 331–339.
- Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. – СПб., 1891б. – Отдельный вып. – 74 с.
- Патканов С. К. Соч. в двух томах. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 2: История колонизации Сибири / Под ред. С. Г. Пархимовича. Сост.: Ю. Л. Мандрика. – 320 с.
- Плетнева Л. М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. – 134 с.
- Пристуна О. И. Мартиролог предметов археологии из Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 68–99.
- Рындина О. М., Боброва А. И., Ожередов Ю. И. Ханты Салымского края: культура в археолого-этнографической перспективе. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 412 с.: ил.
- Саввинов А. И. Проблемы этнокультурной идентификации долган: На материалах традиционного искусства. – Новосибирск: Наука, 2005. – 312 с.
- Салымский край. – Екатеринбург: Изд-во: «Тезис», 2000. – 344 с.
- Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: СИФ РАН «Наука», 2001. – 296 с.
- Семенова В. И. Поселение и могильник Частухинский Урий. – Новосибирск: СИФ РАН «Наука», 2005. – 164 с., ил.
- Семенова В. И. Легенда о Тонье, последнем обском богатыре: несостоявшийся эпос // Космос Севера. – Тюмень, 2000б. – С. 18–23.

- Семенова В. И. Женский «клад» городища Частухинский Урий // Сибирские древности: Памятники археологии и художественное творчество. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002а. – С. 52–57.
- Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 344 с.
- Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева (Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т.). – М.: Наука, 1981. – 304 с.
- Стефанов В. И. Моховая XLVI – позднесредневековый могильник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск: Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 164–211.
- Стефанова Н. К., Борзунов В. А. Археология таежного Обь-Иртышья (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига», 2002. – 136 с.
- Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 242–357.
- Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. – Вып. 20. – С. 126–145.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т.). – М.: Наука. – Т. 17. – 512 с.
- Хомич Л. В. Ненцы: Очерки традиционной культуры. – СПб.: Изд-во «Русский двор», 1995. – 336 с.
- Челякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): Научно-исторические очерки. – Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 2002. – 2-е изд., испр. и доп. – С. 5–73.
- Чернецов В. Н. Командировка в Березовский район Остяко-Вогульского округа (1935 г.) // СА. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. III. – С. 254–256.
- Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – № 58: Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. – С. 136–246.
- Чиндина Л. А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // ИИС. – Томск: Изд-во ТГУ, 1975. – Вып. 16. – С. 61–93.
- Шорин А. Ф., Баранов М. Ю. Возможности археологии в реконструкции жилища как области реализации мифологических представлений (по материалам раскопок хантыйских жилищ начала XIX в. на поселении Сырой Аган 12 близ г. Сургут) // МИИ СЗС. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – Вып. I. – С. 98–110.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	– Академия наук
ВАУ	– Вопросы археологии Урала
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ИА РАН	– Институт археологии РАН (СССР)
ИАН	– Императорская Академия наук
ИАС	– Институт археологии Севера
ИАЭТ, ИАиЭ	– Институт археологии и этнографии
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
ИИС	– Из истории Сибири
ИЭА	– Институт этнологии и антропологии
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МФП	– многофункциональная площадка
МИИ СЗС	– Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири
НИР	– научно-исследовательская работа
НПО СА	– Научно-производственное объединение «Северная археология»
НПЦ	– научно-производственный центр
ОКН	– объект культурного наследия
ОмГПУ	– Омский государственный педагогический университет
ПНИАЛ	– Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
РАН	– Российская Академия наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
СА	– Советская археология
СИФ	– Сибирская издательская фирма
СКМ	– Сургутский краеведческий музей
ТФ ГАТО	– Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
УрО РАН	– Уральское отделение РАН
УрФУ	– Уральский федеральный университет
ХМАО	– Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
ЯНАО	– Ямало-Ненецкий автономный округ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

КАРДАШ
Олег Викторович

Археолог, кандидат исторических наук. Древней историей народов Урала и севера Западной Сибири занимается с 1979 года. В 1991 году окончил исторический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького (город Екатеринбург). В настоящее время – директор АНО «Институт археологии Севера» (город Нефтеюганск), научный сотрудник ФГБУН Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (город Новосибирск). В 2007 году защитил диссертацию по теме «Культура аборигенного населения бассейна реки Надым конца XVI – первой трети XVIII в. (по материалам раскопок Надымского городка)». Научные интересы: этногенез и культура аборигенного населения Арктики и Севера Сибири. Наиболее значимые исследования – комплексное изучение археологических памятников аборигенного и русского населения XII–XVIII веков: городков Бухта Находка, Полуйского мысового, Надымского, города Пустозерск в

арктических районах Крайнего Севера, а также городка Монкысь урий в западносибирской тайге. Автор и соавтор более 90 научных статей и 12 монографий, изданных в России и за рубежом.

KARDASH
Oleg Victorovich

The archaeologist, candidate of historical sciences. He has conducted the study of ancient history of peoples of the Urals and the north of Western Siberia since 1979. In 1991 he graduated from the historical faculty of Ural State University (Yekaterinburg). At the present time – he is the director of autonomous noncommercial organization “Institute of Archaeology of the North” (Nefteyugansk). Researcher in Federal State-Funded Institution of Science “Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences” (Novosibirsk). In 2007 he defended his thesis on the theme “Culture of Aboriginal population of River Nadym basin of the end XVI - the first third of the XVIII century. (Based on the excavation of Nadym town)”. Research interests: ethnogenesis and culture of the aboriginal population of the Arctic and the North of Siberia. The most important study – a comprehensive study of archaeological sites of indigenous and Russian population in XII–XVIII centuries: the towns of Nakhodka, Bukhta Poluyского, Mysovoy, Nadymsky, city Pustozersk in arctic regions of the Far North, as well as the town of Monkys’ Uri in the West Siberian taiga. Author and co-author of over than 70 scientific articles and 7 monographs, published in Russia and abroad.

ВИЗГАЛОВ
Георгий Петрович

Археолог, кандидат исторических наук. Изучением древностей Урала и севера Западной Сибири занимается с 1978 года. В 1983 году окончил исторический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького (город Свердловск). В 2007 году защитил диссертацию по теме «Мангазея – первый русский город в Сибирском Заполярье: по материалам новых археологических исследований». В настоящее время – директор ООО «НПО “Северная археология-1”» (город Нефтеюганск), научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН» (город Новосибирск). Научные интересы: период освоения севера Сибири Московским государством и Российской империей. Наиболее значимые исследования: раскопки археологических памятников аборигенного и русского населения XVI–XVIII веков на Крайнем Севере – городов Берёзова, Мангазеи, Старотуруханска, Нижнеколымско-

го острога, городка Монкысь урий, изучение и реконструкция исторического судна коч – памятника русского арктического мореплавания. Автор и соавтор более 40 научных статей и 5 монографий.

VIZGALOV
Georgiy Petrovich

The archaeologist, candidate of historical sciences. He has been studying antiquities of the Urals and north of Western Siberia since 1978. In 1983 he graduated from the historical faculty of Ural State University (Sverdlovsk-Ekaterinburg city). In 2007 he defended his thesis on “Mangazeya – the first Russian city in the Siberian Arctic: based on new archaeological research.” At the present time – he is the director of “Scientific and Production Association” Northern archeology-1 “(Nefteyugansk), researcher in Federal State-Funded Institution of Science “Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences” (Novosibirsk). Research interests: the period of development of the north of Siberia by Muscovy and the Russian Empire. The most important studies: the excavation of archaeological sites of indigenous and Russian population of XVI–XVIII centuries in the Far North – towns Beriozov, Mangazeya, Staroturuhansk, Nizhnekolymsky Ostrog, town of Monkys’ Uri, the study and reconstruction of the historic vessel Koch – a monument of Russian Arctic navigation. Author and co-author of over than 40 scientific articles and 5 monographs.

КЕНИГ
Александр Владимирович

Кандидат исторических наук, археолог, этнограф. Изучением истории Севера Западной Сибири занимается с 1988 года. В 1993 году окончил исторический факультет Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева, г. Тобольск. В 1997 году в диссертационном Совете Барнаульского государственного университета защитил кандидатскую диссертацию по теме «Этноархеология как метод реконструкций в археологии» и получил степень кандидата исторических наук. В настоящее время возглавляет совместную Югорскую лабораторию археологии и этнологии Сургутского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН. Доцент кафедры всеобщей истории и археологии. Научные интересы связаны с изучением древней и средневековой истории Севера Западной Сибири, этноархеологией, охраной объектов культурного наследия. Наиболее значимые исследования – история этноархеологии в

России и США, исследования Юильского (Казымского) городка, Согомского археологического микрорайона в Нижнем Прииртышье, могильника Горноправдинский. Автор более 50 научных работ и 2 монографий, изданных в России и за рубежом.

KENIG
Alexander Vladimirovich

Candidate of History, archaeologist, ethnographer. Since 1988 the scientific research interests mainly dedicated to the studying of History of the North of Western Siberia. In 1993 he graduated from the Mendeleev Tobolsk State Pedagogical Institute, the Faculty of History, in Tobolsk. In 1997 defended the dissertation on the topic «Ethnoarcheology as a method of reconstruction in archeology» and got the degree of Candidate of Historical Sciences in the Dissertation Council of Barnaul State University.

Currently, heads the joint Yugra laboratory of archeology and ethnology of the Surgut State University and the Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS. Assistant Professor of the World History and Archeology Department.

Scientific interests are related to the studying of the Ancient and Medieval History of the North of Western Siberia, ethnoarcheology and the protection of cultural heritage. The most significant investigations are dedicated to the history of ethnoarcheology in Russia and the United States, studies of the Yuil (Kazym) town, the Sogom archaeological micro-district in the lower Irtysh river region, and the Gornopravdinsky burial site. Author of more than 50 scientific papers and 2 monographs published in Russia and abroad.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ПРИРОДНАЯ СРЕДА И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РЕКИ БОЛЬШОЙ ЮГАН	13
Географический ландшафт бассейна Большого Югана.....	14
История археологического изучения реки Большой Юган	14
Название памятника и городка.....	17
История археологического изучения городка Монкысь урий (городища Частухинский урий)	19
ГЛАВА 2. ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ГОРОДКА МОНКЫСЬ УРИЙ	25
Архитектура городка Монкысь урий и предшествующего поселения	26
Система расселения и региональные связи	27
Юрты Мункысь урий – предшественник городка	32
Общая планировочная структура и архитектура городка Монкысь урий.....	33
Хронология городка Монкысь урий.....	33
Архитектура городка монкысь урий: основные выводы	35
ГЛАВА 3. Вещевой комплекс городка Монкысь урий	51
Костюм: одежда, обувь, украшения	52
Орудия охоты и рыболовства	62
Предметы вооружения и боеприпасы	66
Орудия труда и инструменты	68
Предметы быта и домашнего обихода	74
Средства передвижения и упряжь	79
Культовые и ритуальные предметы	81
ГЛАВА 4. Осада и оборона городка Монкысь урий	83
Документальные данные об осаде и штурме городка	84
Фольклорные данные об осаде и штурме городка	92
Археологические данные об осаде и штурме городка	101
ГЛАВА 5. РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС НА ГОРОДКЕ МОНКЫСЬ УРИЙ	103
Погребальный комплекс: захоронения и человеческие останки	104
Поминальный комплекс: предметы и обряд	108
Типологическая систематизация наконечников стрел	109
Стрелы в ритуально-обрядовых комплексах	110
Костные останки животных в ритуально-обрядовых комплексах	113
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	121
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ	151
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	153
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	154

CONTENT

INTRODUCTION	5
CHAPTER 1: The environment and archaeological study of Bolshoy Yugan river	13
The geographical landscape of Bolshoy Yugan river basin.....	14
The history of archaeological study of the Bolshoy Yugan river.....	14
The name of the monument and the town	17
The history of archaeological study of the town of Monkys' Uri (settlement Chastuhinsky Uri).....	19
CHAPTER 2. Settlement complex of Monkys' Uri town	25
The architecture of the Monkys' Uri town and prior settlement	26
The system of resettlement and regional relations	27
Yurts of Monkys' Uri – the predecessor of the town	32
The total planning structure and architecture of the town of Monkys' Uri	33
The chronology of the Monkys' Uri town.....	33
The architecture of the Monkys' Uri town: main conclusions	35
CHAPTER 3. Material culture of the Monkys' Uri town	51
Suit: clothes, shoes, jewelry.....	52
Hunting weapons and fishing gear	62
Objects of combat weapons and ammunition	66
Tools and instruments	68
Household items	74
Means of transport	79
Worship and ritual objects	81
CHAPTER 4. The siege and defense of the Monkys' Uri town	83
Documentary evidence of the siege and assault of the town	84
Folk texts about the siege and assault of the town.....	92
Archaeological evidence of the siege and assault of the town	101
CHAPTER 5. Ritual complex at the Monkys' Uri town	103
Burial site: graves and human remains	104
Memorial rite.....	108
Typological systematization of arrowheads.....	109
Arrows in ritual complexes.....	110
Animal bone remains in ritual complexes.....	113
SUMMARY	146
LIST OF SOURCES AND LITERATURE	151
LIST OF ABBREVIATIONS	153
INFORMATION ABOUT AUTHORS	154

Научно-популярное издание

Олег Викторович Кардаш
Георгий Петрович Визгалов
Александр Владимирович Кениг

**МОНКЫСЬ УРИЙ – ГОРОДОК XVI–XVII ВЕКОВ
на реке Большой Юган
(краткие результаты комплексного археологического исследования)**

Вестник «Археология Севера. Новые открытия»
Выпуск I

Автор идеи, руководитель научно-исследовательского коллектива – канд. ист. наук *О. В. Кардаш*
Научный редактор – канд. ист. наук *В. А. Борзунов*
Редактор-корректор – *Н. Г. Кайгородова*
Оформление, верстка – *Е. В. Шилинг*
Перевод – *Ю. Ю. Гольденберг*
Подготовка иллюстративного ряда – *Е. А. Алексеева, З. Г. Гайдакова, М. Б. Горбунова,*
С. А. Липс, М. Л. Попадкин, Е. В. Шилинг
Архитектурно-исторические реконструкции – *С. А. Липс*
Фотографии *О. В. Кардаша, Г. П. Визгалова, А. А. Уткина, В. А. Ивасько*
Живопись художника *А. С. Кухтерина*

Издательская группа АНО «Институт археологии Севера»
628305, РФ, ХМАО – Югра, г. Нефтеюганск, 5, а/я 398
E-mail: archeonord-izd@yandex.ru

Подписано в печать 2.03.2018
Формат 60*90/8. Печать офсетная. Усл. печ.л. 17,84.
Тираж 300 экз. Заказ № 1870005.

Отпечатано в типографии ООО «Форт Диалог-Исеть».
620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 75.

Историческая живопись. Художник А.С. Кухтерин

MONKYS` URI

THE TOWN XVI-XVII CENTURIES
OF THE BOLSHOY YUGAN RIVER

